

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Ситникова С. В.** Социологическая модель ценностного пространства в массовом сознании россиян 3
- Каргаполова Е. В.** Ценностные предпочтения населения Астраханской области (по материалам конкретного социологического исследования) 10
- Великий П. П., Дакирова С. Т.** Социальный потенциал постсоветской деревни 13
- Аборвалова О. Н.** Российская торговля на рубеже XIX–XX веков 17
- Шевченко Е. П.** Социологический анализ источников музыкальных предпочтений современных тинейджеров 20
- Вяльшина А. А.** Социально-экономический анализ расходов сельских домохозяйств на детей 25
- Русанов В. А.** Ксенофобия – слепой поводырь растерянного общества 32
- Финаева А. Г.** Семейные стратегии в структуре ресоциализации заключенных 35
- Уфимцева Е. И.** Воцерковление православной молодежи в современном российском обществе 39

Слово молодым социологам

- Алексеев В. А.** Структура и типы социальной организации в условиях современной России 47
- Быстрыков О. Ю.** Инновационный подход в совершенствовании военных кадров 51
- Мосина В. В.** Этническая политика как инструмент предотвращения межэтнической напряженности и конфликтов в регионе 54
- Малиц Е. М.** Лояльность персонала в организации как объект социологического анализа 57

Политология

- Чернышов А. Г.** Власть и граждане в условиях информационно-сетевой эпохи 61
- Вилков А. А., Шестов Н. И.** Госстандарты третьего поколения: проблема соотношения компетенций бакалавриата и магистратуры 65
- Зимин В. А.** Понятие консолидированной и фрагментированной политической культуры 74
- Барашков Г. М.** Функциональные особенности институтов гражданского общества в современной России 78
- Вестов Ф. А.** Правовое государство и специфика политического развития России 86
- Россошанский А. В.** Глобализация и глокализация: соотношение понятий 90
- Метёлкина Л. Н.** Особенности ротации политической элиты в РСФСР (на примере первых секретарей региональных комитетов КПСС в период 1953–1964 гг.) 95

Слово молодым политологам

- Бормотов В. Е.** Роль изменений конституции в современном политическом процессе 101
- Давыденко Д. И.** Разработка проблем несистемной оппозиции в научных исследованиях российских политологов 105
- Рябченко Н. А.** Перспективы развития публичной политики в online-пространстве современной России 107

Сведения об авторах

112

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**
Коссович Леонид Юрьевич
- Заместитель главного редактора**
Усанов Дмитрий Александрович
- Ответственный секретарь**
Клоков Василий Тихонович
- Члены редакционной коллегии**
Аврус Анатолий Ильич
Аксеновская Людмила Николаевна
Аникин Валерий Михайлович
Балаш Ольга Сергеевна
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Дыльников Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Макаров Владимир Зиновьевич
Монахов Сергей Юрьевич
Орлов Михаил Олегович
Прозоров Валерий Владимирович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Черевичко Татьяна Викторовна
Шатилова Алла Валерьевна
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

- Главный редактор**
Дыльников Геннадий Васильевич
- Заместитель главного редактора**
Вилков Александр Алексеевич
- Ответственный секретарь**
Бегина Ирина Александровна
- Члены редакционной коллегии**
Ивченков Сергей Григорьевич
Калинникова Марина Викторовна
Кузнецов Игорь Иванович
Шахматова Надежда Владимировна
Шестов Николай Игоревич

Зарегистрировано
в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагаются сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисуночные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word предоставляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки предоставляются в виде отдельных файлов в формате PCX, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Корректор

Крылова Инна Геннадиевна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85
E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 10.09.2012.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 13,25 (14,25).

Тираж 500 экз. Заказ 51.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Sitnikova S. V.** A Sociological Model of the Values Space in the Mass Consciousness of the Russians 3
- Kargalova E. V.** The Value Preferences of the Population of the Astrakhan Region (Based on Concrete Sociological Research) 10
- Velikiy P. P., Dakirova S. T.** Social Potential of the Post-Soviet Countryside 13
- Aborvalova O. N.** Russian Foreign Trade in the XIX–XX Centuries 17
- Shevchenko E. P.** Sociological Analysis of the Sources of the Modern Teenagers Music Preferences 20
- Vyalshina A. A.** Social-economic Analysis of the Expenses of Rural Families to Children 25
- Rusanov V. A.** Xenophobia – Blind Leaders Confused Society 32
- Finaeva A. G.** Family Strategies in the Structure of Prisoners' Resocialization 35
- Ufimtzeva E. I.** Reinchurchment of the Orthodox Young People in Modern Russian Society 39

A Word to Young Sociological Scientists

- Alekseev V. A.** Structure and Types of Social Organization in Conditions of Modern Russia 47
- Bystryakov O. Yu.** Innovative Approach to Improving the Military Personnel 51
- Mosina V. V.** Ethnic Politics as a Tool for Preventing Interethnic Tensions and Conflicts in Region 54
- Malic E. M.** Loyalty of Staff in the Organization as Object of Sociological Analysis 57

Politology

- Chernyshov A. G.** The Power and Citizens in the Conditions of an Information-network Epoch 61
- Vilkov A. A., Shestov N. I.** State Educational Standards Third Generation: the Problem Relating Competence Undergraduate and Graduate 65
- Zimin V. A.** Consolidated and Fragmented Concept Of Political Culture 74
- Barashkov G. M.** Functional Features of the Institutions of Civil Society in Modern Russia 78
- Vestov F. A.** Legal State and Specifics of Political Development in Russia 86
- Rossoshansky A. V.** Globalization and Glocalization: Coordination of Notions 90
- Metelkina L. N.** Features of Rotation of Political Elite in RSFSR (on the Example of First Secretaries of the CPSU Regional Committees in 1953–1964) 95

A Word to Young Politological Scientists

- Bormotov V. E.** Role of the Constitutional Amendments in the Modern Political Process 101
- Davydenko D. I.** Development of Problems Nonsystematic Opposition in Research Investigation Russians Political Scientists 105
- Ryabchenko N. A.** Prospects of Public Policy Development in Modern Russia Online-sphere 107

Information about the Authors

112

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЦЕННОСТНОГО ПРОСТРАНСТВА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru

Статья посвящена описанию социологического алгоритма анализа ценностного пространства россиян. В результате получена многоуровневая теоретическая модель, которая содержательно наполнена результатами лонгитюдного исследования. Основой модели выступает ценностно-ориентационное единство.

Ключевые слова: ценности, ценностно-ориентационное единство, ценностное пространство, околичностное пространство, ценности гражданского порядка.

A Sociological Model of the Values Space in the Mass Consciousness of the Russians

S. V. Sitnikova

The article is describing sociological algorithm of analyzing Russians' system of values. As a result, the multilevel theoretical model was made, its content represents the results of longitudinal research. The basis of the model is value-orientational unity.

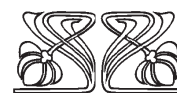
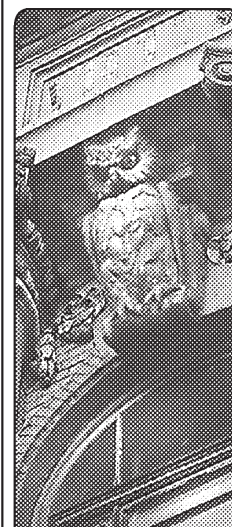
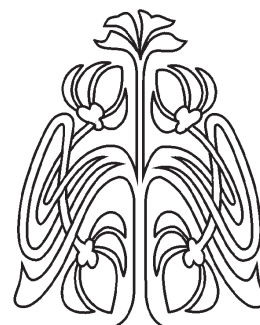
Key words: values, value-orientational unity, extra-personal space, civil values.

Исследователи социальных ценностей трансформирующихся обществ зачастую главной целью ставят выявление основных направлений и особенностей трансформации объекта и предмета изучения. Наше исследование – не исключение. Лонгитюдное теоретико-прикладное социологическое исследование особенностей переконфигурации ценностного пространства в массовом сознании россиян основано на результатах многочисленных социологических, социально-философских и социально-психологических работ, имеющих как фундаментальный, так и прикладной характер¹.

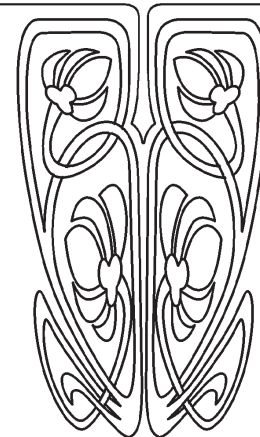
Поскольку культурные правила касаются действий людей (выраженных в массовости), в них кроются и истоки ценностных ориентаций, позволяющих вырабатывать собственные личные стратегии, есть смысл говорить не только о разнообразии и изменении ценностных ориентиров в современном трансформирующемся обществе, но и уделить особое внимание такому понятию, как ценностно-ориентационное единство сообщества. В данном случае термин требует уточнения. Ценностно-ориентационное единство – это моральное состояние общественного сознания с общностью взглядов на основополагающие ценности определенным сообществом. В обществе ценностно-ориентационное единство характеризуется следующими признаками:

- признание населением общих ценностей;
- согласованность мнений об общем и особенном в восприятии;
- целостность общественного сознания;
- общие представления о перспективе, общие ожидания;
- довольно устойчивая взаимосвязь значительного числа людей в сообществе, в основе которой лежит, с одной стороны, авторитет социальных норм, с другой – чувство ответственности членов перед сообществом².

Все вышесказанное позволяет нам представить схему как перечень опорных констант аксиологической сферы, без учета которых,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

на наш взгляд, невозможно понимание сущности и направлений трансформации ценностного пространства современного российского общества.

1. Приоритетные ценности сегодняшнего дня:

смысложизненные;
универсальные;
партикулярные;
коллективистские.

2. Ориентации:

ранг ценности как установка к действию;
определение того, как должно быть, то есть понимание нормы и наличие ориентаций, которые приведут к этой норме;

оценка степени готовности к действию;
наличие условий для реализации действия.

3. Действия – стратегии:

ориентация на помощь;
восприятие условий и готовность адаптироваться;

стратегия выживания и бездействия;
отстранение, девиация.

4. Ценностно-ориентационное единство:

тенденции в изменении ценностных приоритетов сообщества, основные направления трансформации;

степень сближения ориентаций, стратегий, сходство позиций.

Таким образом, мы получаем возможность создания алгоритма объединения процессуальности и системности анализа.

Однако исследовательская модель предполагает уточнение ракурсов анализа. С точки зрения социокультурного смысла нас интересует конкретизация целевых ценностей, то есть выражающих важнейшие цели, самоценные смыслы жизни людей, и инструментальных, позволяющих достигать тех или иных целей. По функциональному основанию, то есть роли в контексте общественного развития, необходимым кажется рассмотрение с позиций дифференциации, интеграции. Интегрирующей будем считать ценность, признаваемую большинством, а ценность единичных, индивидуальных стратегий – дифференцирующей. С точки зрения статусно-иерархической структуры необходимо, на наш взгляд, определить ценности центральные (группа ценностей, доминирующих в общественном сознании) и периферийные (в меньшей степени влияющие на формирование жизненных стратегий большинства). Итоговым показателем анализа выступает ценностно-ориентационное единство. Проблема поддержания (достижения) состояния ценностного единства всегда волновала общество. Потребности управляемости, снижения конфликтности, сплоченности общества перед лицом опасности, предсказуемости действий заставляли мыслителей искать некую субстанцию идейного единства. Ее искали в интересах, ментальности, принципах сосуществования, запретах, ограничивающих несистемную активность, в идеологии или религии,

морали или праве, законе, божественном праве и авторитете правителя³.

Решение поставленных задач требует не только вторичного анализа результатов многочисленных социологических исследований в рамках изучаемой проблемы, но и получения первичных актуальных данных. В связи с этим был проведен опрос (методом личного глубинного интервью) населения г. Саратова⁴.

Опрос состоял из нескольких вопросов. Нас в данном случае интересовала развернутая аргументация вариантов ответов.

Первый вопрос ориентировал респондентов на определение главного из того, что они имеют на сегодняшний день, что для них представляет ценность. Абсолютным большинством (независимо от пола, возраста, уровня дохода и рода деятельности) респонденты определяли семью. Опрошенные, не имеющие своих собственных семей, упоминали родителей. Аргументы высокой значимости семьи свелись к ответным вопросам: «А что может быть важнее?» или таким вариантам, как «Ответить на вопрос, почему для Вас семья самое важное, это то же самое, что отвечать на вопрос “Зачем Вы едите?”» Респонденты определяют смысл своего существования через призму существования своей семьи.

Значимыми из достигнутого важного упоминались работа, здоровье, положение в обществе, материальные ценности (квартира, дача и т. д.), уважение коллег. Работа является возможностью не только профессиональной реализации, но и обеспечения себя и своей семьи, гарантом стабильности. «Хорошая работа – есть деньги, чувствуешь себя более уверенно, свободно и комфортно». Возникает вопрос: являются ли деньги на самом деле ценностью, или это лишь средство достижения комфортного существования? Анализируя аргументацию респондентов, можно сделать именно такой вывод. Квартира нужна, чтобы было где жить с семьей, машина – чтобы чаще видеться с родными и решать бытовые вопросы, материальный достаток – чтобы иметь возможность прокормить семью, дать образование детям, повышать свой профессиональный уровень.

Нас особенно заинтересовал аргумент «Чтобы быть свободным». В последнее время очень много говорится о свободе. В рамках исследования «Дифференциация социального пространства региона», проведенного в Саратовском регионе в 2006 г.⁵, респондентам было предложено определить степень своего согласия с рядом высказываний. Из общего числа наиболее значимыми по степени согласия и рангу оказались варианты:

– Я не свободен, так как нет уверенности в завтрашнем дне;

– Я не свободен, так как оплата моего труда не обеспечивает мне прожиточного минимума;

– Я не свободен, так как лишен права на бесплатное образование и медобслуживание.

Таким образом, выявлена еще одна важная ценностная установка – стремление к свободе, причем достигаемой через приобретение и владение материальными ценностями. В данном случае речь идет о свободе действий, выбора, обеспечивающих стабильность, спокойствие и гармонию.

В ходе опроса было выявлено, что все респонденты испытывают чувство страха при мысли о потере ценного, что имеют на сегодняшний день. Более того, абсолютно все указали на то, что готовы приложить все усилия для предотвращения подобной ситуации. «Мобилизую все силы, чтобы этого не случилось», «Защищать буду всеми силами», «Буду бороться до последней капли крови» – подобные высказывания не оставляют даже сомнения, что семья, работа и свобода остаются незыблемыми ценностями сегодняшнего российского общества.

Страх является наиболее опасной из всех эмоций, возникающей в случае реальной или воображаемой угрозы жизни человека, его ценностям и идеалам. Особое внимание хотелось бы уделить социальным страхам молодежи. Социальным принято считать иррациональный страх повседневного социального взаимодействия или действий, сопровождаемых вниманием других лиц. Под руководством автора студенты социологического факультета провели опрос студентов Энгельсского строительного колледжа в период с февраля по март 2011 г. с целью выявить особенности их страхов. Респондентам предложили оценить степень выраженности страхов разных типов. Представленными уровнями были: меня это не беспокоит, вызывает некоторое беспокойство, вызывает сильную тревогу, вызывает постоянный стресс. Результаты исследования позволили выстроить типы по массовости и выраженности страхов студентов. Модели среднего по каждому из предложенных страхов формируют три группы страхов по степени выраженности.

В первую группу (условно мы ее обозначили как уровень беспокойства) вошли: страх потери индивидуальности, страх сближения с другими людьми, страх успеха, страх неизбежной старости, боязнь высоты и замкнутого пространства. Средний уровень интенсивности по этим страхам колебался от 1,2 до 1,6 балла. Доминирующими в данной группе являются страхи экзистенциальные.

Вторую группу страхов по уровню тревожности составили: страх начальства, страх ответственности за принятие решений, страх проигрышей или неудач в делах, страх перед осуждением окружающих людей, страх публичных выступлений, боязнь темноты, страх смерти, страх заболеть и страх боли. Уровень тревожности формирует средние баллы от 1,7 до 1,9. Как видим, в этой группе доминируют страхи социальные.

Третью группу реального выраженного страха составили ценностные аномии, такие как болезнь или потеря близких, бедность, изменения в личной жизни, преступное нападение на улице, одиночество и потеря внимания других. Выражен-

ность этих страхов колебалась в среднем от 2,0 до 2,6 баллов. Большая часть страхов этой группы – социальные.

Однако достаточно интересным оказалось то, что несмотря на высокий средний балл по уровню тревожности таких страхов, как изменения в личной жизни и бедность, именно по этим позициям дисперсионный анализ показал самый высокий разброс. В оценках выраженности этих страхов мнения респондентов максимально разнообразны. Вероятно, это связано с неустоявшейся общественной позицией относительно ценности богатства и перемен, а также с индивидуальными психологическими особенностями личности. Наименьший разброс во мнениях респонденты демонстрируют относительно таких страхов, как ответственность за принятие решений, сближение с другим человеком и страха победы. Согласованность проявлена в низком уровне тревожности относительно этих страхов.

Факторный анализ особенностей страхов студентов показал, что наибольшее влияние на их проявление оказывает половая принадлежность. Так, практически по всем страхам третьей группы (реально выраженным) доминируют девушки. Лишь страх потери внимания других в большей степени проявлен среди юношей. При этом они в меньшей степени, чем девушки, боятся публичных выступлений. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что именно публичные выступления являются одним из способов привлечения внимания, потеря которого тревожит больше как раз юношей.

Также интересно отметить результаты по выявлению страха, который, по мнению студентов, больше всего мешает им в жизни. Треть опрошенных отметили, что страха, мешающего в жизни, у них нет (34,6%), пятая часть респондентов указали, что страх потери близких вызывает постоянные переживания, и это мешает во многих жизненных ситуациях.

Полученный рейтинг страхов напрямую связан с ценностным пространством студенчества, где центральное место занимают ценности семьи, социального окружения и безопасности. Несмотря на то, что в числе значимых представлены все указанные выше типы страхов, социальные занимают доминирующие позиции. Что же чаще всего не хватает человеку для ощущения полноты жизни? Наиболее часто упоминаемыми вариантами были⁶: спокойствия за будущее детей, здоровья своего и близких, денег. Младшее поколение нуждается в собственной семье, удачной работе и стабильном заработке. Практически все респонденты задумываются о будущем и имеют определенные планы, однако четкие временные рамки указывать опасаются. Главным аргументом называлась нестабильность в государстве, что мешает определять долгосрочные перспективы. Тем не менее на ближайшее время (3–5 лет) многие имеют четко выраженные ориентации: младшее поколение⁷ – «обзавестись семьей», «найти хорошую работу», «купить квартиру, машину»; среднее по-

коление – «выучить детей», «улучшить жилищные условия», «продвигаться по служебной лестнице». Старшее поколение определяет главным для себя помощь детям и внукам. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что большая часть опрошенных ориентирована на достижение условий комфортного «окололичностного» пространства, о чем свидетельствуют выявленные осознанные приоритетные ценности сегодняшнего дня, соответствующие им ориентации и стратегии.

Затрагивая вопрос о стратегиях, нельзя не упомянуть о социологических данных. В рамках проекта «Дифференциация социального пространства региона» респондентам было предложено ответить на вопрос об уверенности в возможности реализовать свои жизненные планы.

Только 22% из числа ответивших на данный вопрос указали на уверенность в осуществлении

своих планов, 36% – не совсем уверены, 25% – не уверены вовсе (табл. 1). Достаточно низкие показатели подтверждают неуверенность российского населения в завтрашнем дне.

Как показал дальнейший анализ, большая часть населения при решении насущных проблем рассчитывает только на себя и своих родных (табл. 2).

Важным показателем нравственного самочувствия населения и социальной обстановки в целом является степень доверия людей различным социальным институтам и общностям. Комментарием к этой статистике может стать ответ на следующий вопрос: «Как Вы думаете, является ли сегодняшнее правительство России действительным представителем Ваших интересов?». Только 7,5% респондентов из числа ответивших, сказали утвердительно (табл. 3).

Таблица 1

Уверены ли Вы, что сможете реализовать свои жизненные планы?

Вариант	Частота	Процент	Валидный процент
Да, уверен	278	18,81	22,17
Не совсем уверен	450	30,45	35,89
Не уверен	318	21,52	25,36
Ничего не планирую	208	14,07	16,59
Итого	1254	84,84	100,00
Затрудняюсь ответить	184	12,45	–
Нет ответа	40	2,71	–
Итого	224	15,16	–
Всего	1478	100,00	–

Таблица 2

В решении насущных проблем, в первую очередь, на кого Вы будете рассчитывать?

Ориентиры	Частота	Процент	Валидный процент
Буду решать все самостоятельно	774	52,37	52,98
Обращусь к помощи родных, близких, друзей	622	42,08	42,57
Обращусь к помощи государственных органов	30	2,03	2,05
Обращусь к руководству (владельцу) предприятия, учреждения,	30	2,03	2,05
Мне надеяться не на кого	5	0,34	0,34
Итого валидных	1461	98,85	100,00
Нет ответа	16	1,08	–
Иное	1	0,07	–
Итого без ответа	17	1,15	–
Всего	1478	100,00	–

Таблица 3

Является ли правительство представителем Ваших интересов? (2004 г.)

Вариант	Частота	Процент	Валидный процент
Да, является	89	6,02	7,52
Только в некоторой степени	524	35,45	44,29
Нет, не является	570	38,57	48,18
Итого	1183	80,04	100,00
Затрудняюсь ответить	256	17,32	–
Нет ответа	39	2,64	–
Итого	295	19,96	–
Всего	1478	100,00	–

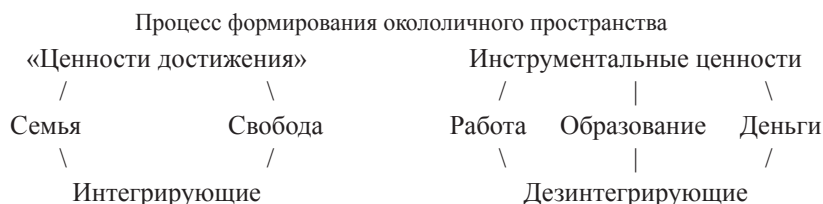
Как показали результаты мониторинга, проведенного в ноябре–декабре 2011 г., а также данные контент-анализа СМИ, тенденция не изменилась, можно даже говорить об ее усилении. Полученным данным по Саратовскому региону не противоречат и результаты исследований других российских социологов⁸.

Настроение нынешних россиян можно охарактеризовать как «неудовлетворительное с точки зрения достижения свободы». Об этом свидетельствуют неуверенность большинства в завтрашнем дне, в возможности реализовать свои жизненные потребности и планы, а также низкий уровень доверия социальным институтам. Однако относительные показатели (начиная с 1995 г.) свидетельствуют все же о тенденции поступательного развития. Кроме того, одной из ценностных ориентаций современного российского общества является ориентация «на успех», что, на наш взгляд, определяет тенденцию глобализации мышления. Причем россияне четко представляют не только содержание понятия «успех», но и определяют факторы, способствующие его достижению. Об этом свидетельствуют результаты исследования, проведенного Центром региональных социологических исследований СГУ «Успех и успешная жизнь: представления современного общества»⁹.

Так, в понимании содержания понятия «успех» господствующими оказались мнения: «совокупность достижений во всех сферах жизни» (44% опрошенных), «положительный результат, удачное завершение какого-либо дела» (27%). Стратегии большинства (89% опрошенных) выражают не только желание добиться успеха, но и наличие реальных, ориентированных действий. Образ неудачника ассоциируется с

ленивым бездельником, человеком слабохарактерным, пессимистом, глупым и часто завистливым. В современном российском обществе эти качества удастаиваются презрения и осуждения. Показательно, что 92% респондентов считают себя никоим образом не относящимися к данной категории людей. Утверждать о сохранении этой тенденции как абсолютной истины в реальном поле повседневности не решится, на наш взгляд, ни один исследователь. Однако эти данные позволяют выявить один из значимых и «сильных» показателей признака ценностно-ориентационного единства. В подтверждение вышеозначенного рейтинга ценностей добавим, что главными «мерилами успешной жизни» были определены благополучная семья, материальная обеспеченность, любимое дело (престижная работа), образование и общественное признание.

Таким образом, российскую модель ценностных ориентаций массового сознания можно представить как процесс формирования «окололичного пространства», обеспечивающего комфортное существование. Основными слагающими данной модели являются семья, образование, работа, деньги, свобода. Причем крайние позиции (семья и свобода) представляют ценности «осознанного достижения». Образование, работа, деньги выступают ценностями инструментальными. Более того, говоря о процессах интеграции и дезинтеграции, можно с уверенностью констатировать, что ценности «осознанного достижения» являются базовыми, интегрирующими, инструментальные же выступают ценностями дифференцирующими (рисунок). Кроме того, модель позиционируется как центральное ядро ценностного пространства россиянина.

Модель ценностных ориентаций

Представленная модель окололичного пространства является доминирующим фактором интеграции, который и определяет высокий показатель ценностно-ориентационного единства российского населения. Однако нельзя утверждать, что данная модель является закрытой. Социальное поведение детерминировано рядом ценностных установок «гражданского порядка». С точки зрения иерархической структуры именно гражданские ценности формируют «периферию» ценностного пространства российского общества, в то время как окололичностное пространство выступает «ядром».

Вероятнее всего, в ближайшей и среднесрочной перспективах модель как форма останется

без изменений. Возможно говорить только о внутренних трансформационных тенденциях ряда ценностных позиций.

В результате интеграционных процессов в ценностных ориентациях происходит солидаризация людей разных социальных групп и национальностей вокруг ценностей современного модернизирующегося общества, активной гражданской позиции, деятельностной позиции, ответственности за свою страну, гордящихся тем, что создается самими гражданами страны, разделяющими гуманистические, толерантные идеи в межличностных и межгрупповых отношениях.

Анализ результатов исследования позволил сформировать социально-экономический портрет

современной российской семьи. Это, прежде всего, союз, официально зарегистрированный органами государственных служб. Российская семья чаще всего состоит из нескольких человек, совместно проживающих на одной территории, ведущих общее хозяйство. В составе семьи в основном один ребенок, реже двое. Качественное профессиональное образование детей как важная составляющая их успешной социализации является главной стратегией родителей.

Уровень жизни большинства российских семей определен доходом, которого хватает на питание и одежду, однако на покупку вещей длительного пользования – стиральной машины, холодильника, телевизора – приходится брать заем, кредит. Однако по сравнению с 2000 г. динамика уровня материального положения определена тенденцией улучшения как фиксированного, так и ожидаемого дохода. Поскольку уровень доверия государственным структурам, как и ожидания результатов реформ, очень низок, надежды россиян связаны больше всего с расчетом на свои собственные силы. Несмотря на это, проявлена высокая степень ответственности семей перед государством.

Основными статьями расходов являются выплата коммунальных платежей, питание, образование детей и медицина. За последние несколько лет по всем статьям расходов отмечается увеличение затрат. Однако, несмотря на положительную динамику и оптимистичные надежды российских семей, среди них был выявлен достаточно высокий уровень неудовлетворенности материальным положением.

Временные и финансовые возможности жестко детерминируют стратегии реализации действий по изменению положения и носят ограниченный характер. Так, например, очень мало возможностей для получения дополнительного образования или организации собственного предприятия, поэтому гораздо большие надежды связаны с увеличением усилий по месту работы, ожиданием повышения профессионально-трудового статуса.

Одним из главных факторов расширения возможностей увеличения благосостояния российских семей выступает кооперация, основанная на семейно-родственных отношениях, официально зарегистрированных и предполагающих совместное проживание и ведение общего хозяйства. Кроме того, одним из факторов многодетности выступает высокая степень формализации семейных отношений (наличие полной семьи, официально зарегистрированной). Обобщая все вышеизложенное можно прогнозировать небольшой рост приемлемости альтернативных форм брака, таких как незарегистрированное сожительство или, наоборот, зарегистрированный брак, не обязывающий к совместному проживанию и ведению общего хозяйства.

Родительская стратегия обеспечения возможности для ребенка получения высшего

образования способна стать более значимой и пропагандируемой. Репродуктивные ориентации молодежи будут определять желание и представление об идеальном количестве детей в семье – двоих. Удачным периодом вступления в брак как для мужчин, так и для женщин является возраст 21–22 года, когда завершается первичная социальная адаптация, получено профессиональное образование и есть возможности для профессионального трудоустройства.

Поддержка со стороны российского государства, по мнению молодежи, – неперемное условие формирования и существования благополучных российских семей. Современная российская семья должна стать главным объектом изучения трансформационных общественных процессов, что было бы основой разработки и реализации программ государственной социальной политики.

Проведенное исследование позволило подтвердить гипотезу о том, что ценность образования на сегодняшний день является не только декларируемой ценностью общественного сознания, но и реально осознанной, имеющей четкие и обоснованные ориентации, выраженные в реальных действиях. В ближайшей и среднесрочной перспективе эта тенденция будет усиливаться. Как показали результаты исследования, общая удовлетворенность студентов вузов учебным процессом, высокая оценка большинством своего учебного заведения, а также качества работы преподавателей имеют тенденцию роста. Высокий реальный уровень не только оценки успеваемости, но и прилагаемых усилий самих студентов в учебном процессе. Все это свидетельствует о том, что высшая школа на сегодняшний день вполне успешно и качественно выполняет основную функцию – профессиональную подготовку специалистов. Большинство студентов высших учебных заведений представлены молодым поколением, вышедшим из семей специалистов, что явно свидетельствует о детерминированности образовательных ориентаций особенностями социального базиса. Кроме того, выявлен достаточно высокий уровень сформированности профессиональной позиции большинства студентов. Их дальнейшие планы направлены на реализацию профессионального потенциала именно в области получаемого образования. Таким образом, образование как неотъемлемая часть ценностных ориентаций российского населения остается важной составляющей социальной адаптации. Рыночные условия, порождающие конкурентную среду, диктуют механизмы адаптации, растет направленность на качество образования как одного из базовых условий «выхода на рынок». Все это свидетельствует о модернизационных процессах в образовательной сфере. При сохранении основных направлений в экономической, политической, социальной сферах государственной политики образование как ценность будет неуклонно расти.

Ценностные ориентации на труд свидетельствуют о следующей тенденции: большая степень профессиональной свободы определяет «рыночный тип» поведения, более низкий профессиональный статус, соответственно, меньшая степень свободы, чаще определяет «псевдорыночный» или дорыночный типы поведения. Выявлено явное доминирование частной формы собственности как наиболее предпочитаемой для трудоустройства россиян. В связи с этим социальная мобильность будет идти в направлении от государственных и коллективных предприятий к частным. Несмотря на экономически неблагоприятные условия развития, этот сектор в силу своей большей гибкости, ориентации на потребности населения и общества отвоевывает экономическое пространство у государственного сектора. К наиболее доходным сферам экономики можно отнести добывающую промышленность, транспорт, строительство, финансы, кредит, армию и правоохранительные органы. Большинство населения именно эти сферы приложения труда указывает как наиболее желаемые для трудоустройства. Все это выступает следствием адаптационных стратегий населения к рыночным условиям.

Ценность работы заключается не только в возможности обеспечить себя средствами к существованию, но и получить широкие возможности самореализации, а также расширить коммуникационное поле. Анализ оценок параметров своей работы позволил выявить достаточно высокий уровень удовлетворенности. Возможность принимать самостоятельные решения и высокий профессиональный статус явились главными факторами, определяющими высокую степень удовлетворенности работой. Причем эти два фактора тесно коррелируют. Именно высокий профессиональный статус влияет на большую степень свободы принятия производственных решений. Все эти характеристики определяют рыночный тип поведения работника. В рамках понятий «глобализация», «автономизация» можно говорить, что выявленные тенденции свидетельствуют о процессах автономизации. Можно прогнозировать, что развитие мелкого и среднего бизнеса приведет к модернизационным тенденциям в ценностных ориентациях на работу. Работа как ценность будет приобретать расширенную трактовку аргументации более высокого порядка. Сращивание государства с крупным бизнесом как глобальный процесс приведет в перспективе к инерции.

В ходе нашего исследования выявлена еще одна важная ценностная установка – стремление к свободе, причем достигаемой через приобретение и владение материальными ценностями. В данном случае речь идет о свободе действий, выбора, обеспечивающей стабильность, спокойствие и гармонию. Большая часть населения Саратовского региона ориентирована на достижение условий комфортного «окололичного» пространства, о чем

свидетельствуют выявленные осознанные индивидуальные приоритетные ценности сегодняшнего дня, соответствующие им ориентации и стратегии.

Ценности «гражданского» порядка претерпевают ряд изменений и подвержены негативным тенденциям. Они свидетельствуют о низком и все более снижающемся уровне общественной активности населения Саратовского региона. Правительство России действительным представителем интересов населения на сегодняшний день не является. Восприятие возможности реализации своих прав и свобод вне правового поля определяет ситуацию в стране как «беспорядок». Тенденция разочарования и недоверия усиливается, что и явилось, на наш взгляд, толчком к сужению модели ценностных ориентаций населения. Это, в свою очередь, препятствует формированию и распространению ценностей гражданского общества.

Таким образом, получена модель ценностного пространства современного российского общества, предполагающая два уровня: ядром выступает формирующееся окололичное пространство, периферию составляют ценности гражданского порядка. Модель формируется в контексте доминантной субсидиарной идеологии. Именно это и выступает основанием трансформации ценностного пространства. Переход к постсоветскому пространству стал толчком к переконфигурации ценностной модели. Так, гражданские ценности, составлявшие долгое время центральные позиции, то есть ядро, в современности становятся содержанием периферии. Главным субъектом, формирующим модель, является личность, гражданин Российской Федерации.

Примечания

- ¹ Эмпирическую базу составили результаты полномасштабных теоретико-прикладных, а также пилотажных социологических исследований, проведенных на базе Центра региональных социологических исследований СГУ с участием автора в период с 2004 по 2011 г. Наиболее значимыми из них являются: 2004 г. – «Социальная безопасность студентов», «Возрастные цензы успешности», «Студенческая параллель», «Мой Университет», «Репродуктивные установки молодежи», «Из деревни в город: экспликация молодежных ориентиров»; 2005–2006 г. – «Будущее России: взгляд из центра и регионов», «Оценка эффективности воспитательной работы в СГУ»; 2007 г. – «Молодежь в политических процессах современной России», «Ценностные ориентации студенческой молодежи», «Дифференциация социального пространства региона»; 2008 г. – «Интернационализация в СГУ», «Трансформации и перспективы институтов власти в сравнительной динамике»; 2009 г. – «Образовательные стратегии учащейся молодежи», «Основные детерминанты и императивы профессионального самоопределения учащихся в современной России», «Диалог с властью: транспарентность в моделях отношения общества к государству»; 2010–2011 г. – «Основные типы цен-

- ностных ориентаций молодежи», «Профессиональные ориентации выпускников», «Социальные страхи студентов», «Ценностное пространство современной российской молодежи (региональный аспект)».
- 2 См.: Социологическая энциклопедия : в 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 741.
 - 3 Там же.
 - 4 В ходе исследования были опрошены 25 человек, из которых 14 женщин и 11 мужчин. Возраст опрошенных респондентов составил от 16 до 67 лет.
 - 5 Исследование было проведено Центром региональных социологических исследований Саратовского государственного университета.
 - 6 По результатам исследования «Дифференциация социального пространства региона».
 - 7 В данном исследовании условное деление на «поколе-

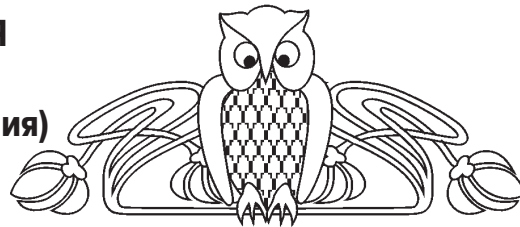
- ния» определялось возрастными границами: 16–34 года – младшее, 35–54 – среднее, 55 лет и старше – старшее.
- 8 См., например: *Немировская А. В.* Отношение к социальным институтам в массовом сознании населения Красноярского края. URL: http://scienceforum.vis.ru/downloads/Sotsiologicheskie_nauki/statji/Nemirovskaya_Statya_Sotsiologiya.doc (дата обращения : 13.04.2010); Зимнее настроение россиян. Репрезентативный опрос среди 2107 россиян в возрасте от 16 лет и старше. 1994–2007 г. URL: <http://www.levada.ru/press/2007020601.html> (дата обращения : 13.04.2010).
 - 9 Исследование было проведено в г. Саратове в 2007 г., носило пилотажный характер. Выборочная совокупность была сформирована многоступенчато с использованием квотно-стратифицированного метода отбора, что соответствует требованию репрезентативности. В результате были опрошены 120 человек.

УДК 316.752

ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ (по материалам конкретного социологического исследования)

Е. В. Каргаполова

Астраханский инженерно-строительный институт
E-mail: k474671@list.ru

В статье по результатам конкретного социологического исследования рассматриваются ценностные предпочтения населения Астраханской области в контексте ориентации поведения по отношению к основным функциям региона как социокультурной целостности.

Ключевые слова: ценностные предпочтения, функционально-ориентирующие кластеры ценностей, коэффициент поддержки традиционных/современных ценностей, плотность ценностного пространства.

The Value Preferences of the Population of the Astrakhan Region (Based on Concrete Sociological Research)

E. V. Kargaplova

In this article based on a specific case study considered value preferences of the population of the Astrakhan region in the context of orientation behavior in relation to the basic functions of the region as a socio-cultural integrity.

Key words: value preference, functional-orienting clusters of values, coefficient of the support of traditional / modern values, density of the value space.

Принимаемые большинством населения базовые ценности являются опорными точками общения, обобщенными ориентирами поведения отдельных индивидов и социальных общностей, детерминируют социальное самочувствие. Существуют различные методики изучения ценностных предпочтений. В данном исследовании мы используем методику, разработанную Н. И. Лапи-

ным. Эта методика позволяет «выявить кластеры ценностей, ориентирующие поведение индивидов и иных социальных субъектов по отношению к основным функциям российского общества и его регионов как социокультурных целостностей. <...> С позиций антропосоциетального подхода, представляющего собой модификацию классического социокультурного подхода, основными функциями общества как целого являются: интегрирующая, дифференцирующая, жизнеобеспечивающая, властнорегулирующая, антропокоммуникативная. Попытаемся структурировать изучаемые базовые ценности в виде соответствующих функционально-ориентирующих кластеров. Это не простое деление 14 ценностей на 5 групп-кластеров. Дело в том, что все ценности в определенной мере интегрируют и дифференцируют население страны. Поэтому в качестве первого шага мы разделяем 14 изучаемых ценностей на два кластера: интегрирующий и дифференцирующий. Включение ценностей в один из этих кластеров определяется уровнем их поддержки или отрицания населением. Предполагается, что граница между данными кластерами может находиться около 45–50% поддержки/отрицания (учитываются 10–15% неопределившихся). <...> Следовательно, процедура определения первых двух кластеров и их слоев опирается на многокритериальный анализ эмпирических данных. Напротив, формирование других трех кластеров (жизнеобеспечивающего, институционно-регулятивного, антропокомму-

никативного) представляет собой теоретическое их конструирование из тех же 14 ценностей, а с помощью эмпирических данных уточняется внутренняя структура каждого кластера»¹.

Научно-исследовательская лаборатория социально-психологических исследований Астраханского инженерно-строительного института под руководством автора в декабре 2009 г. провела региональное полевое исследование методом интервью по месту жительства по Типовой методике, разработанной ЦИСИ ИФ РАН под руководством Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой². Анализ результатов исследования позволил сделать выводы о ценностных предпочтениях астраханцев, сопоставить региональную иерархию ценностей с общероссийской, а также с другими регионами, участвовавшими в данном опросе.

По сравнению с общероссийской иерархией ценностей в регионе четыре ценности находятся в ином кластере, три – в другом слое, то есть обнаружилось 7 отличий, что составляет 50% несоответствий региональной ценностной структуры общероссийской. В интегрирующем ядре ценностей – 33,3% соответствий, в интегрирующем резерве – 42,85%. Таким образом, в интегрирующем кластере – 70% соответствий. В оппонирующем дифференциале 25% соответствия, в конфликтной периферии – 100% (нет ни одного отличия).

Отличия касаются такой ценности, как жизнь человека: в общероссийской, иерархии эта ценность занимает 4-е место, а в Астраханской области (как и в Вологодской, Ульяновской областях, Карелии, Чувашии и Пермском крае) – 1-е место. Ценности порядка и общительность в среднем по России находятся на 2-м и 3-м местах интегрирующего ядра, в Астраханской области – соответственно на 4-м и 3-м местах интегрирующего резерва.

Ценность благополучия по России занимает 11-е место в оппонирующем дифференциале, в Астраханской области – 5-е место в интегрирующем резерве (как и в Курской, Вологодской, Тюменской областях, Карелии, Пермском крае).

Инициативность и жертвенность в общероссийском масштабе находятся в интегрирующем резерве (9-е и 10-е места соответственно), в Астраханской области (как и в Смоленской области, Карелии, Чувашии, Тюменском регионе) – в оппонирующем дифференциале (11–12-е места)³. Только в Астраханской области ценность работы, труда занимает рекордно низкое место в оппонирующем дифференциале (9-е место), тогда как по России эта ценность находится в интегрирующем резерве (7-е место).

Средний балл поддержки базовых ценностей в Астраханской области составляет 8,34 балла, что несколько меньше, чем в среднем по России (8,58 балла). Средний балл поддержки общечеловеческих ценностей, таких как порядок, благополучие, работа, общительность, нравственность, властность,

в регионе – 8,18, что также незначительно уступает среднероссийским показателям (8,23 балла), современных ценностей (жизнь, свобода, независимость, инициативность) – 9 (тогда как в России 9,22 балла), традиционных ценностей (традиция, семья, жертвенность, своевольность) – 8,18 при среднероссийских показателях 8,25 балла. Коэффициенты современности/традиционности структуры ценностей в регионе и по России практически равны (1,1 и 1,06 балла соответственно).

Эти данные свидетельствуют о том, что в сознании жителей региона, как и в сознании россиян в целом в постсоветское время «сформировалось динамичное совмещение всех трех культурно различных типов ценностей. При этом среди высших, терминальных ценностей преобладают традиционные и общечеловеческие, а среди более прагматичных, инструментальных ценностей – современные. Но в целом в структуре базовых ценностей постепенно растет влияние современных и общечеловеческих компонент...»⁴

Также необходимо отметить, что плотность ценностного пространства (по дистанции между минимально и максимально поддерживаемыми ценностями) в Астраханской области составляет 2,29 балла, то есть практически равна аналогичному показателю в среднем по России (2,28 балла). При этом обращает на себя внимание рекордно низкая доля интегрирующего ядра и интегрирующего кластера в целом системе ценностных предпочтений жителей региона (17,25 и 65,07% соответственно), хотя в среднем по России эти показатели составляют 25 и 79%, а в других регионах России – 25–43 и 76–85%. Это свидетельствует о некоторой разобщенности ценностного сознания населения региона, слабости внутренних ценностно-информационных скреп.

Рассмотрим систему ценностных предпочтений населения региона в сферах жизнеобеспечения, регуляции поведения людей, а также коммуникации между человеком и социальными и культурными структурами общества (таблица).

Иерархия ценностей жизнеобеспечивающего кластера в Астраханской области существенно отличается от общероссийской, но совпадает с иерархией населения Смоленской, Ульяновской, Тюменской областей и Карелии: «... доминантная ценность семьи непосредственно замыкается на благополучии, которое достигается благодаря независимости человека и его труду, а также возможно, инициативе...»⁵ Необходимо отметить, что работа и инициативность находятся в системе ценностей в оппонирующем дифференциале, то есть поддерживаются меньшинством населения Астраханской области.

Система ценностей институционно-регулятивного кластера населения региона аналогична общероссийской. «Такое единообразие свидетельствует о высокой устойчивости иерархии данного кластера ценностей как результата длительного исторического развития России, учитывающего

Иерархия ценностей жизнеобеспечивающего, институционно-регулятивного и антропо-коммуникативного кластеров: Астраханская область (2009 г.) и Россия (2006 г.)

ЖИЗНЕОБЕСПЕЧИВАЮЩИЙ КЛАСТЕР	
Астраханская область	Россия
Семья 9,91	Семья 10,32
Благополучие 9,42	Независимость 9,11
Независимость 9,05	Работа 8,98
Работа 8,21	Инициативность 8,8
Инициативность 7,73	Благополучие 8,1
ИНСТИТУЦИОННО-РЕГУЛЯТИВНЫЙ КЛАСТЕР	
Порядок 9,5	Порядок 10,32
Традиция 9,27	Традиция 9,55
Свобода 9,01	Свобода 9,35
Властность 4,78	Властность 4,93
Своевольность 4,47	Своевольность 4,53
АНТРОПНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ КЛАСТЕР	
Жизнь 10,23	Общительность 9,92
Общительность 9,57	Жизнь 9,61
Свобода 9,01	Свобода 9,35
Жертвенность 7,95	Жертвенность 8,78
Нравственность 7,63	Нравственность 8,05

и трансформационные процесс последних десятилетий. В самом деле, ценность порядка давно сомкнулась в сознании россиян (как, впрочем, и народов многих стран) со следованием традициям, а бунтовщически-революционные события воспринимаются либо как кратковременные всплески, либо как новый порядок, который вскоре станет традиционным. Властность и своевольность также стали в России компонентами политической жизни и бытового поведения – отчасти они конфликтуют между собой, отчасти совмещаются; но при этом большинство населения их отвергает⁶. Необходимо отметить, что ценность свободы в регионе среди изучаемых регионов занимает самую низкую позицию – последнее место в интегрирующем резерве.

Антропо-коммуникативный кластер населения региона отличается от общероссийского только чередованием общительности и жизни на 1-м и 2-м местах, совпадает с иерархией аналогичного кластера жителей Курской и Ульяновской областей и предполагает вершиной иерархии ценность жизни, далее «в качестве непосредственной, ближайшей предпосылки ценность общительности, которая осуществляется прежде всего по нормам свободы, а также жертвенности... и нравственности...»⁷

Таким образом, в приграничном регионе – Астраханской области – наблюдаются существенные разрывы в ценностно-информационном пространстве: низкая доля интегрирующего ядра и интегрирующего кластера в системе ценностных предпочтений населения области; региональная ценностная структура на 50% не соответствует общероссийской. Требуется дальнейшего изучения тот факт, что только в Астраханской области цен-

ности работы (труда) и инициативности занимают низкое место в оппонирующем дифференциале, что может свидетельствовать о размывании одного из самых важнейших базовых ценностей функционально-ориентирующего кластера – жизнеобеспечивающего.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 10-03-00696а) «Перспективы социокультурного развития Астраханской области».

Примечания

- 1 Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социс. 2010. № 1. С. 28–36.
- 2 Опрос проводился по типу стратифицированной многоступенчатой, случайной на этапе отбора респондентов выборке. Объем выборки составил 1000 человек, проживающих в 22 населенных пунктах области. Выборка является репрезентативной по половозрастной и территориально-поселенческой структуре.
- 3 Регионы в России : социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Институт философии. Центр изучения социокультурных изменений. Научно-координационный совет секции ФСПП ООИ РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / сост. и общ. ред. : Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М., 2009. С. 674–675, табл. 3.2.
- 4 Там же. С. 670.
- 5 Там же. С. 678.
- 6 Там же. С. 679.
- 7 Там же. С. 681.

УДК 316.55

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ

П. П. Великий, С. Т. Дакирова

Институт аграрных проблем Российской академии наук, Саратов
E-mail: jagzan@mail.ru

В статье обоснован подход к выделению среди сельских жителей слоя, обладающих конструктивным социальным потенциалом, который проявляется в реализации новых моделей экономического поведения и в повседневности. Проведен сравнительный анализ методик для выявления креативного состава сельских сообществ.

Ключевые слова: социальный потенциал, креативность, социальная структура, семья, аграрное хозяйство, социальная трансформация.

Social Potential of the Post-Soviet Countryside

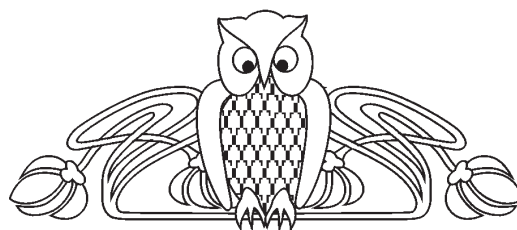
P. P. Velikiy, S. T. Dakirova

The paper substantiates the approach to picking out the stratum of rural residents that have a constructive social potential manifesting itself in sticking to new models of economic behavior and in the everyday life. A comparative analysis of the methods of identifying the creative structure of rural communities is accomplished.

Key words: social potential, creativity, social structure, family, agrarian economy, social transformation.

Репрезентация неравенства социального потенциала россиян, проведенная разными исследователями, дает основание для постановки гипотез о распространении его и в социумах различного социально-территориального масштаба (столицы, провинциальные города) и в постсоветской деревне. Для сравнения используются показатели социокультурной деятельности и образа жизни.

Как считает А. Ослон, в российском обществе сложился своеобразный водораздел между теми, кто нацелен на успех, живет в стреле времени, и теми, кто живет в циклическом времени. Это не сугубо российское явление: люди отличаются разной степенью вовлеченности во всевозможные современные практики, и «чем сильнее проявляют себя эти практики, тем больше разрыв между пассивными и активными слоями. По сути дела, активная часть живет в стреле времени, а пассивная – в круге»¹. Западный набор образцов (см. вопросы теста) подталкивает к стреле времени, а архаичный, традиционный – к круговому времени. Эти две формы, считает А. Ослон, в жизни могут согласованно сосуществовать. В публикациях на эту тему можно встретить и иные пропорции между активной и пассивной частью людей, но бесспорно одно – удельный вес тех, чей образ мыслей и действий «заточен» на создание новых благ и ценностей, неизмеримо меньше тех, кто

просто более или менее добросовестно выполняет свои профессиональные обязанности.

Человеческий потенциал обусловлен условиями жизни, которые либо стимулируют, либо ограничивают его развитие. Одновременно он способен не «считаться» с условиями, пробивать дорогу несмотря на ограничения. Однако сами по себе инновационные проявления будут обладать спецификой в зависимости от наличных, реально сложившихся условий. Например, если в семьях в той или иной деревне нет компьютеров, то невозможно освоить и пользоваться электронной почтой, а если низок материальный уровень и нет нормативного набора предметов банковского залога, то будет закрыт доступ к кредитам, и т. д.

На наш взгляд, выделение слоя наиболее активных социальных групп, включающее потенциальные шансы на продвижение, объективные и субъективные установки их членов, перспективен с позиции вебериянского наследия. М. Вебер, как известно, при определении места в социальной структуре делал акцент не на один экономический признак, а на культурные и социальные особенности индивидов и социальных групп. Особый интерес для него представляли: схожесть жизненных шансов индивидов, поведения, стиля жизни, что означало применение при анализе нескольких стратификационных иерархий.

Применяя неовебериянский подход к стратификационному анализу слоя предпринимателей, В. В. Радаев соединил первый элемент классической триады – классовые позиции – с собственническими, социально-профессиональными и материальными позициями; второй элемент – статусные позиции с уровнем престижа группы, стилем жизни, нормативными и ценностными ориентациями; третий – политические позиции – корреспондировал через участие в политических структурах и коллективных акциях (собрания, митинги) и электоральное поведение. Радаев подчеркивает, что между этими тремя основными блоками нет однозначных причинных связей, но достоинство схемы – в богатстве содержания и методологической открытости, хотя она и перегружена критериями и показателями².

Рассмотрим, как работают критерии неовебериянского толка в отношении сельского населения. Начнем с собственнических, социально-профессиональных и материальных позиций. С первых лет аграрной реформы и по сегодняшний

день сельские жители получили право на владение земельными долями – признак, который мог бы претендовать на роль ведущего элемента структурирования. С точки зрения нормативной позиции, казалось бы, сомнений по этому поводу быть не должно. Однако в реальности владельцы земельных долей демонстрируют иную рациональность, которая вполне объяснима. Во-первых, они не имели (и за 20 лет реформ ничего не изменилось в лучшую сторону) средств, чтобы выделить участки в замкнутых границах. Во-вторых, данная операция, поскольку она платная, была и остается нерациональной с точки зрения семейного бюджета. Семья могла бы за счет дополнительных усилий заработать нужную сумму, подобно решению задач обучения детей в учебных заведениях, но она на это, как правило, идет редко, так как возделывание земли своими силами – задача неподъемная с учетом своих ресурсов (исключая относительно небольшую группу конструктивной ориентации). К тому же многие придерживаются установки, чтобы дети наследовали не крестьянский, а городской образ жизни. Тем не менее мы не должны исключить земельную собственность из числа основных элементов конструирования, поскольку среди сельских семей нашлось немало тех, кто нормативно оформил участки своей семьи да еще и арендовал их у односельчан. Таким образом, эта часть индивидов тоже является образцом социального взаимодействия, претендующая на то, чтобы его типизировать как проявление высокого человеческого потенциала.

Идя по выдвинутой выше схеме научного конструирования сельской реальности посредством обращения к рациональным действиям субъектов-образцов человеческого взаимодействия, рассмотрим весь состав сельского сообщества усредненного российского села в контексте его структурирования. Внешне жилой комплекс села довольно однообразен. Дома, построенные как индивидуально, так и за счет средств колхозов и совхозов, а затем приватизированные жильцами, почти не отличаются друг от друга. Если среди них и появляются особняки горожан, то их владельцы никак не влияют на жизнедеятельность коренных жителей.

На первый взгляд, социальная реальность сельских семей включает множество схожих взаимодействий и аналогов. Например, и пожилой, и молодой механизаторы живут примерно в одинаковых домах, ухаживают за животными на подворье, принимают гостей и т. д. Тот и другой могут иметь или не иметь автомобиля, другой техники, более или менее достаточного количества скота на подворье. Причем сами ресурсы обеспеченности их семей нестабильны, могут исчезать. Крупные события – выдача замуж дочери, женитьба сына и т. п. – могут привести к полной распродаже скота, чтобы достойно справить свадьбу. Следовательно, не накопленный достаток, а способы его поддержания являются существенными как

для близких, так и отдаленных перспектив жизни большинства сельских жителей. Отсюда и дифференциация сельского сообщества в основном замыкается на *способы обеспечения благополучия семей*, при этом иерархия и организация имеют свои особенности.

Особая роль принадлежит деятельности организаций, территориальной доступности их и вообще наличия в местах обитания. Лучший вариант – наличие фермера, крупного хозяйства в селе или хотя бы проходящих вблизи железной дороги трубопровода, автомобильной магистрали, что позволяет либо непосредственно получить оплачиваемое рабочее место, либо относительно регулярно сбывать выращенное на приусадебном участке и собранные дикорастущие продукты. Специфика природного ландшафта также влияет на специализацию самообеспечения: в одном месте в практиках преобладает пчеловодство, в другом – выращивание бахчевых, в третьем – картофеля.

При достаточно широком наборе способов обеспечения благополучия всегда имеется ведущий способ, выбор которого связан с его стабильностью, даже если он и не покрывает полностью нужды семей. Например, бывший главный инженер колхоза после его распада работает инженером у фермера, одновременно на подворье содержит две сотни кроликов, несколько ульев, много гусей и кур. Из числа других членов бывшего колхоза те, кто получил на имущественную долю трактор или автомобиль, превратили их также в ресурс для заработка. Нанимаясь на сезонные работы в сельскохозяйственный производственный кооператив или к фермеру, они используют не одни рабочие руки, но и собственные частные средства производства, что повышает уровень оплаты времени, проведенного на наемной работе.

Удельный вес работников умственного труда, занятых в социальной сфере села, в последние два десятилетия значительно уменьшился по причине сокращения поселений, закрытия школ и медицинских учреждений, не соответствующих нормативам, введенным недавно органами власти. Число специалистов-технологов в современных сельскохозяйственных организациях тоже резко уменьшилось, так как эти организации по своей производственной структуре в них почти не нуждаются, да и менеджмент полагается на свои аграрные познания и опыт рядовых механизаторов.

Таким образом, в низовой, самой крупной части агросферы – сельских сообществах – произошли изменения социальной структуры, содержанием которых следует дополнить неовейбрианскую модель. Что касается традиционного подхода, применяемого в советские годы к типологиям внутри рабочего класса и крестьянства, то он все дальше отходит от современных реалий, вернее, реалии не охватываются конструктами, потому что произошла статусная декомпозиция

практически всех групп сельского населения. Выдвижение на доминирующее место *способа поддержания материального благополучия*, которое произошло из-за реструктурирования всех компонентов организации внутрисельской жизни, уничтожило связь между уровнем образования и трудовыми позициями, квалификацией и ее вознаграждением, личными самооценками и реальным престижем в сообществе.

В делении на типы внутри сельской социальной структуры особую роль стали играть высокий полипрофессионализм и организационные способности (фермер, крепкий хозяин подворья, стабильный отходник на энергоперерабатывающие промыслы Севера или в столицы). Сельские жители, не обладающие таким потенциалом, попали в ситуацию отстранения от общественной хозяйственной жизни. Для менеджмента коллективных хозяйств и фермеров они представляют интерес эпизодически, в основном как сезонная рабочая сила, для местных органов власти как электорат, то есть тоже опять-таки через большой промежуток времени. Но они, как и все другие группы, обладают потенциалом осуществлять коллективные действия, поддерживать в сообществах определенное социальное самочувствие в проекции Гемайншафт, что имеет обнадеживающие перспективы для научного конструирования сельского жизненного пространства агросферы.

Хотя векторы социальной трансформации имеют единую основу, но сельский социум – это совокупность индивидов, обладающих неоднородным и неравным социальным капиталом и статусом (что зависит от многих причин: профессионализма, здоровья, возраста, степени креативности и т. д.), которые существенно влияют на мобильность (социальные лифты), способы обеспечения материального и социального благополучия, действенность влияния на социальную и природную среду. Другими словами, однотипный элемент структуры социума в разных средах (взяты в проекции экономических, управленческих, генетических, этносоциальных, культурных предпосылок) будет проявлять себя не совсем однотипно, а иногда даже с противоположных позиций. Причем это не является неким новообразованием: и в советское, и постсоветское время было немало свидетельств такого свойства. Например, в колхозных практиках широко использовался труд так называемых бригад шабашников, которые строили разные сооружения (скотные дворы, кошары, конторы) за достаточно высокую (по сравнению с оплатой труда колхозников на полевых работах) зарплату, что вызывало недовольство в сельских сообществах.

Когда председатель колхоза предлагал местным мужчинам заменить шабашников, те отказывались, как правило, из-за интенсивности трудовых нагрузок и других причин. Не вдаваясь далее в прошлое, отметим, что выбор участия в

организационно-правовых формах (сельхозорганизациях, КФХ) также определялся внутренними интенциями, то есть направленностью сознания, воли, чувств на способы обеспечения субъективно приемлемого уровня и стиля жизни. По истечении двух десятилетий реформенного и пореформенного периода потенциальная составляющая (наряду с воздействием благоприятных и неблагоприятных условий экономической среды) дала ощутимые социоструктурные результаты. Одни члены сельского социума, локализованные в сообществах, стали фермерами, крепкими хозяевами сельских подворий (ведущих товарные хозяйства), другие сдали свои земельные паи в аренду и перебиваются заработками в режиме трудового неаграрного отходничества, третьи трудятся в АО, СПК, где сохраняются многие черты прошлых практик постсоветского типа. Довольно значительное место в этой структуре занимают хронические безработные, не стремящиеся изменить к лучшему свою жизнь.

Итак, хотя предпосылки дифференциации сельских жителей по встраиванию в социально-экономические и хозяйственные отношения весьма многообразны, среди них выделилась группа индивидов активной жизненной позиции, которая опредметилась в реальные результаты. Можно сказать, что это полярная группа относительно как безусловно пассивной, так и малоактивной группы. К ней можно отнести фермеров, индивидуальных предпринимателей, результаты деятельности которых измеримы, поскольку отражаются в официальной государственной и ведомственной статистике. Однако есть еще значительная по удельному весу часть владельцев семейных хозяйств, которая, можно предположить, вносит львиную долю в производство продуктов, поступающих на рынок от всего этого сектора частного хозяйствования (ЛПХ).

Очевидно, что группу индивидов с активной жизненной позицией отличает другой уровень социального капитала, который более эффективно адаптирован к условиям аграрной экономики, хотя внутренняя дифференциация здесь также существует: одни больше опираются на предприимчивость или профессионализм, другие – на физическую силу, выносливость, третьи – на ресурсы социальных сетей. Хотя они отличаются от односельчан тем, что их позиционируют в селе в терминах «живут лучше других», но сами практики деятельности этих индивидов слабо институализированы, персонифицированный вклад в решении задач продовольственной безопасности не учитывается в аграрной политике. Иными словами, можно говорить о такой черте в их определении, как конструктивность, и в то же время о не проявленном или частично проявленном их потенциале. Поэтому раскрытие конструктивного потенциала рассматриваемой группы в реальных делах является важной целью стратегии государства в агросфере.

Измерение эффективности реализации конструктивного потенциала выделенных из общей массы членов сельских сообществ осложнено тем, что они проявили этот потенциал в разной степени. Поэтому методика измерения конструктивности их проявленного потенциала может оперировать количественными данными. Сегодня в оценках социального потенциала применяются разные подходы. Один из них предложен В. В. Пациорковским, который выделяет в качестве основного показателя совокупный состав сельской семьи. Предполагается, что семья, большая по числу членов, особенно молодых и здоровых, имеет лучшие шансы для адаптации к современным условиям. Человеческий капитал сельских домохозяйств (ЧКД) определяется как показатель, характеризующий способность малой группы людей, создающих собственное хозяйство, использовать свой труд, навыки и умения, а также материальные и финансовые средства для производства продукции и услуг³. Методика расчета ЧКД включает такой признак, как возраст (детям в возрасте от 4 до 7 лет придается коэффициент – 0; 8–11 лет – 0,25; 12–14 лет – 0,5; пенсионерам 65–69 лет – 0,75; трудоспособным – 1). Аналогично подсчитывается ЧКД по здоровью и образованию. Несмотря на сглаживание индивидуальной активности, методика позволяет различать потенциалы семей. Смешанная семья обладает наиболее высоким потенциалом: там, где соединяются несколько работников разного уровня образования, специализации, физической силы, есть взаимозаменяемость – для каждого находится дело. Другие члены семьи налаживают контакты по вывозу и продаже произведенных продуктов.

Однако важно не только усредненное, но и «индивидуализированное» измерение человеческого капитала домохозяйств, ведь известны факты сельских реалий, когда даже неполная семья, во главе которой находится женщина-мать, благодаря сплоченности и взаимопомощи достигает высшего уровня жизни. Если модель В. В. Пациорковского в своей основе сориентирована на абстрактную семью, которая предположительно реализует свой потенциал (потому что обладает нужными качествами), то модель Тоффлера учитывает результат хозяйственной деятельности: $Z = 0,53x_1 + 0,13x_2 + 0,18x_3 + 1 x_4$, где x_1 – соотношение прибыли от продаж и краткосрочных обязательств; x_2 – соотношение оборотных активов и общей суммы обязательств; x_3 – соотношение краткосрочных обязательств и общей суммы активов; x_4 – соотношение выручки от продажи и общей суммы активов. При $Z > 0,3$ – стабильность высокая, при $Z < 0,2$ – стабильность невысокая, возможно банкротство⁴.

Достоинство данной модели по сравнению с другими заключается в том, что с ее помощью можно измерять, во-первых, устойчивость хозяйственной деятельности, во-вторых, деятельность вне предприятия, поскольку такие показатели

(существенные для организации), как отношение чистой прибыли к общей стоимости имущества, отношение прибыли до уплаты налогов к величине активов предприятия, для семейного хозяйства не играют существенной роли.

Измерение *непроявленного* конструктивного потенциала возможно посредством количественных и качественных методов социологии, которые будут направлены на: а) ценности благополучия и установки на способы изменить ситуацию, не удовлетворяющую индивидов; б) результаты активной жизненной позиции, проявленные индивидами; в) жизненные проекты, обладающие конструктивными началами. Применим также тест, использованный Фондом «Общественное мнение» (далее – ФОМ) для выделения нового слоя активных людей, включающий вопросы:

- приходилось ли в течение двух–трех лет брать кредит в банке, в магазине?
- работать за компьютером?
- вести переписку по электронной почте?
- водить автомобиль?
- ездить за границу?
- расплачиваться за товары и услуги при помощи пластиковой карты?
- иметь дело с иностранной валютой?
- пользоваться услугами косметического салона?
- пользоваться услугами домработницы?
- летать самолетами?
- приобретать спортивные товары?
- заниматься в фитнес-центре?
- вкладывать деньги в акции и ценные бумаги?
- получать дополнительное образование?
- повышать квалификацию?
- пользоваться смартфоном?⁵

Если хотя бы пять из приведенных позиций были закрыты, то респондента относили бы к группе «люди XXI века». По расчетам ФОМ, их в России около 4%. Это те, кто сориентирован на создание благ, ценностей, не на умения отобрать их у других людей, что в нашей стране широко практикуют обладатели разных форм власти. Сельские жители также демонстрируют поведение, характерное для людей креативного типа: пользуются компьютером и ведут переписку по электронной почте, водят автомобиль, повышают квалификацию и внедряют высокую агрокультуру на своем подворье и др.⁶ В то же время они отстают по инновационной деятельности в сельскохозяйственном производстве, поскольку обновление средств труда идет недопустимо медленными темпами.

Исследователи в той или иной степени анализируют сложный круг проблем труда, доходов, реже пишут о внутриколлективных отношениях, совсем эпизодически о связи с сельским обществом, большая часть которого находится вне экономических и социальных отношений с постколхозными организациями (крупхозами). Ситуация в агросфере подводит к неизбежности

возобновления политики и практических мер по обеспечению выбора сельскими жителями форм трудовой занятости, использования собственности, внутривладельческих отношений, отвечающих критериям сохранения и воспроизводства аграриев инновационного, креативного типа, схожего с рабочей аристократией, образ которой отображен в советских и зарубежных практиках.

В постсоветские годы сельские жители избавились не только от навязчивого вдалбливания десятилетиями мобилизационной идеологии, но и от каких-либо официальных «наставлений» о норме по отношению людей к социальной реальности, друг другу, личному участию в решении проблем продовольственной безопасности и других целей высокого гражданского смысла. Между тем стабильность и устойчивость, как свидетельствует опыт отдельных сельских сообществ, достигается, когда внутриколлективные отношения строятся на объединяющей идее. Современная организация экономических отношений и социальной жизни села, построенная на принципах «атомизации» (отстранения, изоляции) отдельных агентов, – тупиковый путь для консолидации сельских сообществ, равно как и экономических успехов АПК, поэтому поиск парадигмы социальной сплоченности, этого важнейшего ресурса жизнеспособности села, является неотложной научной задачей.

УДК 316.4

РОССИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

О. Н. Аборвалова

Саратовский институт (филиал) Российского государственного
торгово-экономического университета
E-mail: aborvalova@yandex.ru

Российская торговля в конце XIX – начале XX вв., при переходе к новой, социалистической, системе представляет собой наиболее динамично развивающийся сектор экономики. В статье рассмотрена специфика развития торговли в России в обозначенный период. Описаны процессы распада купеческой корпорации и трансформации купеческого сословия в класс. Выделены место и роль Саратовской губернии во всероссийском рынке.

Ключевые слова: торговля, купеческое сословие, внутренняя и внешняя торговля, магазинная торговля.

Russian Foreign Trade in the XIX–XX Centuries

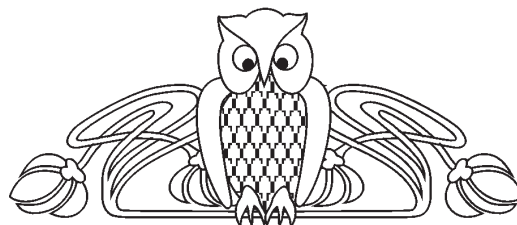
O. N. Aborvalova

The Russian trade at the end of the XIX – early XX centuries is the most dynamic sector of economy at the stage of socialist system. The article considers the specific features of trade in Russia in the defined period. The article also describes the process of merchants corporation decline and transformation of the merchants group into class.

© Аборвалова О. Н., 2012

Примечания

- 1 См.: *Ослон А.* Интервью // Сноб. 2012. № 3. С. 110.
- 2 См.: *Радаев В. В.* Стратификационный анализ постсоветской России: неовеберинский подход // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. М., 1999. С. 51–52.
- 3 См.: *Пацюрковский П. П.* Сельская Россия : 1991–2001 гг. М., 2003.
- 4 О сравнительных достоинствах моделей, адаптированных к российским сельскохозяйственным предприятиям в проекции угрозы банкротства, см. в кн.: *Кибирова А. Я.* Модели прогнозирования банкротства сельскохозяйственных организаций в условиях кризиса // Глобализация и аграрная экономика России : тенденции, возможные стратегии и риски. М., 2011. С. 7–9.
- 5 На первый взгляд, тест носит сугубо «городской» характер: для сельских жителей вопросы «Приходилось ли вам пользоваться услугами домработницы или косметического салона?» являются неуместными. Однако на многие другие вопросы они отвечают как реальные участники практик, присущих людям новой формации. См.: *Ослон А.* Указ. соч. С. 110.
- 6 По данным исследования лаборатории ИАГП РАН, в разных видах данной сферы участвуют от 15 до 40%. См.: *Мореханова М. Ю.* Инновационные технологии в повседневной жизни сельского населения // Глобализация и аграрная экономика России : тенденции, возможные стратегии и риски. С. 292.

Focuses on the place and role of Saratov region on the all-Russian market.

Key words: trade, merchants group, domestic and foreign trade, shop trade.

В XIX в. Россия постепенно становится капиталистической страной, которую отличают существенное сохранение пережитков феодализма в форме помещичьего землевладения и вмешательство царского правительства в хозяйственные дела. Завершается промышленный переворот, появляются и начинают быстро развиваться новые отрасли экономики: угольная, нефтедобыча и нефтепереработка, машиностроение, химическое производство и др. Большую роль на рубеже веков стал играть железнодорожный транспорт. Железные дороги связывали Центральную Россию и ее окраины в единый хозяйственный механизм, способствовали формированию рыночной экономики.

К моменту ликвидации крепостного права в России действовало 1,5 тыс. км железных дорог (в Англии в этот период насчитывается до 15 тыс. км)¹. Железные дороги должны были прочно связать центр страны с крупными зерновыми районами. Наряду с железнодорожным большое развитие получил и водный транспорт.

Развитие транспорта и, как следствие, торгово-экономических связей приводит к качественным изменениям во внутренней торговле России. Кроме того, что железные дороги сами поглощали промышленную продукцию, они увеличивали территорию всероссийского рынка, присоединяя к нему далекие окраины. Помимо всего, возможности для быстрого преобразования, производства и торговли открывала крестьянская реформа 1861 г., освободившая много рабочих рук. В стране росла потребность в фабричных товарах, поэтому расширялись предприятия в традиционных промышленных центрах, создавались новые производства в разных регионах страны. Между ними строились пути сообщения. Правительство России стимулировало и поддерживало отечественных промышленников, банкиров, купцов, а также кустарей, стремясь своими законодательными актами ускорить развитие экономики.

В 1863 и 1865 гг. правительство приняло законы, которые давали право на «торговлю и другие промыслы» «лицам всех сословий без различия»². Члены купеческих гильдий, аристократия и поместные дворяне, крестьяне, колонисты обрели свободу предпринимательства и получили свидетельства на занятие производственной и коммерческой деятельностью.

С этого времени состав купеческих корпоративных организаций (на местах они возглавлялись собранием выборных и сословных старшин, а в Москве, Петербурге и Одессе – купеческими управами) начинает не только существенно сокращаться, но и меняться качественно, теряя свою профессиональную торгово-промышленную ориентацию.

В купеческом сословии в это время происходят серьезные изменения. Его численность сокращается. Если в середине XVIII в. купцы составляли 2,5% податного населения, то в 30-х гг. XIX в. – только 0,5% (и 6% горожан)³.

Причин тому было несколько. В 1775 г. Екатерина II провела гильдейскую реформу: теперь купцы, которые не имели капитала в 500 руб., переводились в состав мещан, а мещане, имеющие такой капитал, переводились в состав купцов. В начале XIX в. этот капитал, необходимый для вступления в гильдию, был повышен до 8 тыс. рублей. Соответственно увеличивалась плата за гильдейское свидетельство, то есть налог с капитала – с 5 рублей в конце XVIII в. до 500 руб., в начале XIX в. (свидетельство надо было покупать каждый год)⁴.

На вступивших в купечество распространялись сословные льготы, утратившие значение в

конце XIX в. Сохранившиеся сословные купеческие привилегии носили характер лишь внешних отличий, главным образом, для представителей первой гильдии – это право визита ко двору, ношения шпаги и губернского мундира, награждения орденами и медалями. Реальное значение имела паспортная льгота, освобождавшая купечество от необходимости прописки.

Таким образом, если в XVIII в. купечество было сословием, купеческое звание передавалось по наследству и половина купцов существовала за счет ремесла или найма, то теперь звание купца, в сущности, покупалось. Это означало, что купечество превращалось из сословия в класс. Повышение налога с капитала освободило купечество от людей, которые не были предпринимателями.

Поскольку право на занятие предпринимательством было предоставлено законом всем сословиям, рамки старой корпоративной купеческой организации стали тесными для нового торгово-промышленного класса. Активно включилось в предпринимательскую деятельность «служилое дворянство» – отставные офицеры и чиновники. Те из них, кто занимал высокие сановные должности, чаще всего выполняли роль подставных лиц в правлении акционерных обществ, обеспечивая себе и «нужным людям» выгодные подряды и концессии. Дипломированные профессионалы – военные и горные инженеры, специалисты железнодорожного ведомства – вырастали в крупнейших промышленных и финансовых магнатов (Н. И. и А. И. Путиловы, Я. И. Утин и др.).

Новой группой предпринимателей теперь стали торгующие крестьяне. Торгующие крестьяне – это официально признанная сословная группа, которые, как и купцы, занимались не только торговлей, но и промышленностью. Правительство давало им все больше прав. Так же как купцы делились на три гильдии, торгующие крестьяне делились на три разряда. Каждый разряд давал права купца соответствующей гильдии.

Помещики тоже были заинтересованы в предпринимательстве крестьян: оброки с торгующих крестьян иногда доходили до нескольких тысяч рублей в год. Купеческий капитал в большей части создавался за счет чрезвычайно выгодных казенных подрядов и откупов, особенно на винную монополию. В 1860 г. винные откупщики заплатили в казну 128 млн руб., а их собственные доходы от торговли вином были в несколько раз выше. В середине века до 40% всех доходов бюджета составлял так называемый «питейный доход» – от торговли вином⁵. Частные капиталы росли также за счет неэквивалентной торговли с российскими окраинами, бурного роста золотодобывающей промышленности в Сибири и т. д.

Заметно изменился внутренний рынок. Реформенные годы отмечены бурным ростом внутреннего товарооборота: с 2,4 млрд руб. в 1873 г. до 11–12 млрд руб. в 1900 г.⁶ Если в 1885 г. в стране насчитывается более 700 тысяч торговых

заведений, то в 1900 г. – около 1,5 млн. По переписи 1897 г. торговлей занимались 1,6 млн человек⁷.

По мере общего развития крупной промышленности и железнодорожного транспорта менялись и формы торговли. Сезонные ярмарки сохранились в основном в менее развитых регионах. В крупных городах создавались торговые фирмы с разветвленной сетью стационарных магазинов, складов. Сформировались товарные биржи с огромным торговым оборотом. Как правило, биржи функционировали по специализированному признаку: продажа леса, хлеба, строительных материалов и др. В конце века возникли акционерные торговые товарищества, развивались оптовая, биржевая, кооперативная торговля.

Усиление товарного характера сельского хозяйства привело к быстрому росту хлебного рынка. Из общего количества продаваемого хлеба примерно 60% потреблялось внутри страны, а 40% вывозилось за границу⁸.

Саратовская губерния занимала видное место на складывающемся всероссийском рынке. Основной формой торговли по-прежнему была ярмарочная торговля. В 1850 г. в крае действовало 143 ярмарки. Большинство ярмарок, как сельских, так и городских, были мелкими и обслуживали небольшие территории. Крупнейшей ярмаркой Саратовского края считалась Покровская в Новоузенске. На ярмарках продавалось товаров на 4 млн руб. в год. По мере роста и развития постоянной торговли количество ярмарок неуклонно сокращается. С 1838 по 1858 г. привоз товаров на саратовскую Введенскую ярмарку сократился в 15 раз⁹.

Главным предметом торговли Саратова с конца XIX в. был хлеб. Крупные партии пшеницы отправлялись вверх по Волге до Москвы и Петербурга. Хлебные поставки осуществляла казна для Кавказской армии. Саратовская пшеница продавалась за границу через порты Балтийского и Черного морей.

Хлебная торговля находилась в руках скупщиков, приобретающих хлеб у крестьян по низким ценам, перепродававших зерно, муку крупным купцам, ведущим оптовую торговлю. Известными поставщиками пшеницы и ржи были саратовские купцы Мордовцев, Зайцев, Удалов и вольские Брюханов, Курсаков, Плигин. Торговый оборот только вольских купцов в одном лишь селе Балаково, являвшемся в 1850 г. центром пшеничной торговли трех уездов, достигал 10 млн руб.¹⁰

Помимо муки на рынок поступала продукция других отраслей перерабатывающей промышленности: табак, подсолнечное масло, горчица, выделанная кожа и кожаные изделия. Большие партии сала и сальных свечей – несколько десятков тысяч пудов – отправлялись в Москву, Петербург, Тулу, Калугу, Пензу. Саратовскими колоколами снабжались Пензенская, Симбирская губернии. Продавали их на Дону, и на Нижегородской ярмарке.

Саратовский край поставлял на всероссийский рынок продукцию животноводства: скот,

кожи, сало, шерсть. Традиционными товарами оставались соль и рыба. В свою очередь, в Саратовский край из центральных губерний ввозили промышленные товары: с Урала и из Западной Сибири – металлические изделия, из Волго-Камского района – лес, через Донскую область поставлялись вино, сахар, чай, кофе.

Растущий рынок привлекал в поволжские города большое количество крестьян, в том числе и из других губерний, которые занимались мелочной торговлей. Некоторые из них, разбогатев, становились купцами.

В Саратове и Вольске постоянная торговля начинает развиваться в гостиных дворах, торговых рядах, магазинах, лавках. В этот период времени ассортимент в них значительно расширяется: от соли, рыбы до модных дамских костюмов в саратовских магазинах А. Сервье и С. Сапожникова, канцелярских товаров, хрустальной и фарфоровой посуды в лавках А. Рыбакина, детских игрушек в лавке М. Овчинникова.

В конце XIX – начале XX в. в городе появились первые металлообрабатывающие предприятия – Волжский сталелитейный, машиностроительный, гвоздильно-проволочный и другие заводы.

Внешняя торговля России описываемого периода строилась в основном с ориентацией на западноевропейский рынок, на долю которого приходилось до 90% всего внешнеторгового оборота. Главным торговым партнером по-прежнему выступала Англия – свыше 30% товарооборота России приходилось на эту страну¹¹. Заметную роль в обороте занимали Франция и Германия. Западные страны покупали в России хлеб, сельскохозяйственное сырье, а сюда отправляли машины, хлопок-сырец, краски, то есть то, что было необходимо для российской промышленности. Но если для западных стран Россия являлась поставщиком сырья и полуфабрикатов, то для стран Востока, и прежде всего Средней Азии, Россия выступала в качестве поставщика промышленной продукции, в основном тканей и металлических изделий.

Динамичное развитие народного хозяйства России на рубеже веков вывело страну по многим показателям на лидирующее место после США, Англии, Германии и Франции. И хотя в целом экономика оставалась аграрной, темпы развития промышленного сектора были впечатляющими.

Объем внутренней торговли в 1913 г. составлял 18 млрд руб., или в полтора раза больше, чем в 1909 г. Внешнеторговый оборот этого времени увеличился примерно в 1,5 раза и составил к 1913 г. 2,6 млрд руб., причем объем экспорта превышал объем импорта – соответственно 1,5 и 1,1 млрд руб.¹² Структура экспорта традиционно складывалась из сырья и сельскохозяйственной продукции, а импорта – из товаров производственного назначения: машин, оборудования, полуфабрикатов. По-прежнему ввозился хлопок-сырец, поскольку его внутреннее производство обеспечивало лишь половину потребности оте-

чественной промышленности, а также предметы роскоши, шелк-сырец, чай, кофе и т. п.

В начале XX в. возросла численность занятых в торговой отрасли, составив в 1910 г. более 2 млн человек. Передвижной торговлей занимались 345 тыс. развозчиков и разносчиков. Они почти не несли издержек обращения, им удавалось скрыть свои обороты и избежать обложения налогами или уплачивать их в незначительном размере, что способствовало росту передвижной торговли. Удельный вес магазинов в структуре торговой сети составлял лишь 13%, поскольку магазинная торговля требовала более значительных капиталовложений и более высоких эксплуатационных расходов по сравнению с лавочной и тем более палаточно-ларечной сетью. Торговля в магазинах требовала большего размера оборотного капитала, определяемого не только соответствующей величиной товарооборота, но и более медленной оборачиваемостью капитала. Поэтому магазинной торговлей занимались, главным образом, акционерные общества. В 1910 г. норма прибыли составляла для палаточно-ларьковой сети – 261%, лавочной – 108%, для магазинной – 45,5%¹³.

Таким образом, Россию на рубеже XIX–XX вв. отличали рост торговли, ее концентрация в руках монополий. Падала доля ярмарок во внутреннем товарообороте, развивалась магазинная форма торговли, увеличивалась роль банков. Капитал, помещенный в сферу торговли, приносил по сравнению с другими отраслями экономики наибольшие доходы.

УДК [316.74:78](470+571)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ТИНЕЙДЖЕРОВ

Е. П. Шевченко

Саратовский государственный университет
E-mail: elenabushmina@yandex.ru

В статье рассматриваются результаты исследования, проведенного автором в 2008–2010 гг. Сбор и анализ материала проводился по методологии «двойной рефлексивности» с опорой на концепцию, разработанную Теодором Шаниным, связывающей теоретические категории качественного исследования и качественно-количественного интерфейса со стратегиями полевого исследования интерактивного типа.

Ключевые слова: музыкальная социализация, музыкальные предпочтения, подросток, средства массовой информации, Интернет.

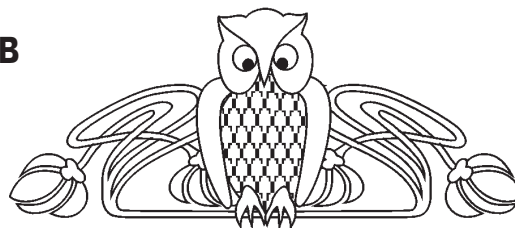
Sociological Analysis of the Sources of the Modern Teenagers Music Preferences

E. P. Shevchenko

The paper focuses on the results of the research conducted by the author in 2008–2010. Data collection and its analysis were conducted

Примечания

- 1 См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР : в 3 т. М., 1952. Т. 1. С. 485.
- 2 См.: Реформы Александра II. URL: <http://refu.ru/refs/33/6413/1.html> (дата обращения : 12.09.2011).
- 3 См.: Структура общества. Положение сословий. URL: <http://www.istmira.com/istoriya-rossii-xix-vek/2064-struktura-obshhestva-polozhenie-soslovij.html> (дата обращения : 23.08.2011).
- 4 См.: Новиков А. А. История российского предпринимательства. М., 2010.
- 5 См.: Лященко П. И. Указ. соч. С. 456.
- 6 См.: Экономическая история СССР и зарубежных стран. М., 1978. С. 263.
- 7 См.: Торговля. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/140456/Торговля> (дата обращения : 23.08.2011).
- 8 См.: Краткий экскурс в историю торгового предпринимательства в России. URL: http://yhgfbfhjng.ru/ekonomika_firm/ekonomika_firm1.html (дата обращения : 23.08.2011).
- 9 См.: История Саратовского края. Саратов, 2000. С. 100.
- 10 Там же. С. 101.
- 11 См.: Тимошина Т. К. Экономическая история России. М., 2000. С. 113.
- 12 См.: 1000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов / сост. О. Платонов. М., 1995. С. 30–31.
- 13 См.: Краткий экскурс в историю торгового предпринимательства в России.

basing on the methodology of «double reflexivity» using the concept developed by Teodor Shanin who connected the theoretical categories of a qualitative research and qualitative – quantitative interface with the strategies of a field research of an interactive type.

Key words: music socialization, music preferences, teenager, mass media, Internet.

Важность музыки в жизни человека не подлежит сомнению. Являясь одним из самых ранних видов творчества, музыка успешно выполняет не только развлекательные, но и, в первую очередь, эстетические, а также воспитательные и социальные функции.

Музыкальная сфера общества рассматривается в научном дискурсе в связи с процессами рационализации (М. Вебер), культурного отчуждения (Т. Адорно, М. Хоркхаймер), становления субкультур (Х. Пилкинтон, Д. Хебдидж), классовой структурой (П. Бурдьё, П. Димаджо). Хотя социологические исследования музыки стали

проводиться только в XX столетии, ее социальное значение было в полной мере осознано еще в учениях древних. У Платона, Пифагора, Аристотеля и других мыслителей прошлого имеются «праидеи», которые получили дальнейшее развитие в трудах представителей социологии музыки.

В России первые работы, посвященные социокультурным аспектам музыкального искусства, были написаны уже в 20-х гг. XX в. С. Беляевой-Экземплярской¹, А. Лосевым², Б. Асафьевым³. Однако в рамках отечественной традиции эти исследования проводились в основном в русле гуманитарных наук, таких как искусствоведение, культурология, психология, философия, эстетика. Во второй половине XX в. социологические исследования имели достаточно широкий размах, но уже в 70-е гг. стал ощущаться кризис используемых методов изучения музыкальных предпочтений.

Именно во второй половине XX в. аксиомой стало утверждение, что музыка, прежде всего современная, является неотъемлемой частью жизни подростков и молодежи. Они – основные потребители музыкальной продукции. Мы согласны с мнением ряда ученых (Ф. Райс, А. Мудрик, И. Кон, В. Мухина) по поводу того, что музыка – это самая значительная часть подростковой субкультуры. Для подростков выбор того или иного музыкального стиля – это, прежде всего, важнейший способ самовыражения, а создаваемая под этим влиянием субкультура – один из наиболее часто встречающихся вариантов личной адаптации к окружающему миру, возможность занять определенное положение в обществе, а также выбор приятного круга общения и способа проведения досуга. В отдельных случаях принадлежность к той или иной субкультуре оказывает серьезное влияние и на дальнейшую жизнь человека, в значительной степени определяя сферу его профессиональных интересов.

Имеет место «мода на музыку». Попав в новую для себя малую группу, подросток часто вместе с другими ее атрибутами принимает музыку, свойственную этой группе. Вообще, соотнесение своих вкусов с определенными музыкальными направлениями в какой-то мере и есть проявление моды. Следование моде – конструирующий признак именно подростковой субкультуры.

Многие поколения исследователей спорили и до сих пор спорят о возрастных рамках подростковой группы. Любая возрастная периодизация базируется на нескольких основаниях, у социологов – на изменении общественного положения и социальной деятельности личности, причем акцент делается скорее на особенностях подростков как социально-демографической группы. Психологов интересуют, прежде всего, психологические изменения – в личности и деятельности. Педагогический подход к подростку связан с содержанием воспитания и обучения на данном этапе развития. Все подходы, несмотря

на некоторые различия, по сути, интегративны. В прошлом возрастная терминология также не была единообразной. Например, в Толковом словаре В. Даля говорится, что подросток – это мальчик или девочка на пороге, возраст которых около 14-ти, 15-ти лет⁴. Л. Толстой в трилогии «Детство. Отрочество. Юность» стремится определить грань между этими периодами. Подростку из одноименного романа Ф. Достоевского исполняется 20 лет.

С. Холл, изучавший в конце XIX – начале XX в. психологические особенности детей, считается основателем фундаментальных исследований подросткового возраста. В свою книгу «Psychology of Adolescence» (1904) он включил наблюдения и размышления о сущности и причинах подросткового кризиса. С этого времени начинаются исследования проблем данного возраста. Ф. Ариес утверждал, что подростковый возраст впервые стал интересовать исследователей еще в XIX в.⁵ В настоящее время, когда в развитых странах мира контроль родителей за развитием ребенка продолжается вплоть до брака, этот период жизни имеет тенденцию к постепенному увеличению. По современным данным, он охватывает почти десятилетие – от 11 до 20 лет⁶.

Р. Заззо, занимающийся изучением подростков из различных социально-экономических слоев общества в середине XX в., исследовал их личностные представления о продолжительности этого возрастного этапа. Было отмечено, что начало отрочества почти все они относят к 14 годам, связывая его с половым созреванием, однако представления о сроках окончания расходятся. Рабочие и низкоквалифицированные служащие считают, что их отрочество закончилось в 19 лет, инженерно-технические работники отодвигают этот срок до 20 лет, предприниматели и лица свободных профессий – до 21 года. Таким образом, субъективная средняя продолжительность отрочества колеблется в зависимости от социального положения и длительности образования в целом от 4 до 7 лет⁷.

Л. Выготский, подходивший к подростковому периоду как к историческому образованию, считал, что особенности протекания и продолжительность подросткового возраста заметно варьируются в зависимости от уровня развития общества⁸. В 20–30-е гг. прошлого века в России был собран и проанализирован большой фактический материал, характеризующий отрочество в разных социальных слоях и группах (среди рабочих, крестьян, интеллигенции, служащих, кустарей), у подростков разных национальностей и у беспризорных (Н. Рыбников, В. Смирнов, И. Арямов).

И. Кон, исследовавший возрастную стратификацию в конце XX в., пишет о том, что возрастные категории обозначают не просто хронологический возраст и ступень индивидуального развития (созревания), но и определенный социальный статус, а также специфические для данного воз-

раста общественное положение и деятельность. Периодизация жизненного пути всегда включает нормативно-ценностный момент, указание на то, какие задачи должен решить индивид, достигший данного возраста, чтобы своевременно и успешно перейти в следующую фазу жизни и возрастную категорию⁹.

В английском языке для определения возрастных рамок подростка существует слово, на наш взгляд, наиболее точно отражающее данное понятие: *Teenager*. Teen – это суффикс числительных от 13 до 19, Age – в переводе означает возраст. Значит, в буквальном переводе *teenager* – человек 13–19 лет.

В силу своих психофизиологических особенностей подростковый возраст характеризуется потребностью в интенсивных физических и психических нагрузках, поэтому-то современная ритмичная музыка в значительной мере способствует реализации этой потребности. Кроме того, подростковый возраст характеризуется необходимостью в интенсивном общении (В. Мухина, Д. Фельдштейн, Д. Эльконин). Совместное пребывание на концертах музыкальных кумиров, бурные танцы, ажиотированные движения и восклицания помогают подросткам реализовать потребности в сильных переживаниях.

Выдающиеся ученые прошлого и настоящего занимались вопросами социализации подрастающего поколения, среди них Г. Салливан, Дж. Г. Мид, Т. Парсонс, Б. Скиннер, О. Брим, Шомбар де Лов, Б. Берксон, Г. Уолтер, Л. Выготский, П. Гальперин, А. Леонтьев, Ж. Пиаже, С. Рубинштейн, И. Кон, Б. Парыгин, М. Каплан, Д. Р. Келли. Однако проблема музыкальной социализации подростков представляет собой мало исследованную область.

В нашем исследовании мы основываемся на следующем собственном определении. Музыкальная социализация – это процесс усвоения индивидом норм культурного общественного пространства и формирования собственного отношения к музыке посредством рефлексии подростком своих музыкальных предпочтений. К институтам первичной музыкальной социализации относится ближайшее окружение индивида, оказывающее наиболее сильное и значимое влияние на его формирование, – семья, друзья, одноклассники, учителя, средства массовой информации (СМИ). Что же в большей степени влияет на музыкальную ориентацию подростка – учителя или семья, друзья или одноклассники, телевидение или радио, печатная продукция или даже новомодный Интернет? Этот вопрос мы и задали себе в начале исследовательской работы.

Материалом для статьи послужило исследование, проведенное автором в 2008–2010 гг. В основе методологии лежала разработанная Т. Шаниным концепция «двойной рефлексивности», связывающая теоретические категории качественного исследования и качественно-количественного интерфейса со стратегиями полевого

исследования интерактивного типа, которому присущи вживание, глубинные интервью¹⁰. Также данная концепция основывается на коллективной интеллектуальной поддержке в режиме «длинного стола», который был организован кандидатом философских наук, доцентом Илей Штейнбергом на занятиях школы-студии глубинного интервью при кафедре социологии Саратовского государственного технического университета.

Эмпирическая база представлена 10 глубинными интервью с подростками (13–19 лет), обучающимися в школах, гимназиях, лицеях и высших учебных заведениях города Саратова. Среди них 5 девушек и 5 юношей. Количество респондентов обусловлено особенностью выбранного объекта, насыщением кодировочных категорий.

Мы согласны с мнением многих современных исследователей (А. Щекотуров, О. Чибисов, Е. Борисова, Т. Глушкова), которые считают, что на данном возрастном этапе достаточно четко проявляются музыкальные предпочтения, с 12–13 лет начинают формироваться музыкальные вкусы и пристрастия¹¹.

Результаты нашего исследования подтверждают данную идею. Респонденты, отвечающие на вопрос относительно времени появления интереса к определенному стилю музыки, называют возраст 11–13 лет.

«Порядка трех-четырех лет назад, может больше, я стал увлекаться Hip-hopом, Rapом. Стал потихоньку писать» (м., 15 лет).

«Класс ... седьмой. Я пришел к однокласснику. У него что-то сестра слушала... старшая. Я у нее спросил: «Что это такое?». Она мне почти все рассказала. С тех пор и пошло» (м., 15 лет).

«С 9 класса начал слушать зарубежную музыку, именно в зарубежной музыке очень много различных ответвлений, в российской – скорее всего пародия (смеется) оттуда. Все началось с группы Nit, сначала Nit, потом добавились такие, как Nirvana – совершенно разные по стилю группы. Одновременно к этому слушал русскую музыку – русский панк» (м., 19 лет).

При знакомстве подростков одним из первых задается вопрос: «Какую музыку ты слушаешь?» Мы задали подобный вопрос в Интернете в системе Google и увидели совершенно противоположные ответы¹². Оказалось, что данный вопрос воспринимается в разных контекстах. Для одних – это оценка самого человека, другие воспринимают его в качестве варианта установления контакта. По-разному отвечают на данный вопрос молодые люди. Кому-то нравится рассуждать о своих музыкальных предпочтениях, кто-то не особенно хочет об этом говорить. Но, тем не менее, практически все они признают, что, давая ответ на подобный вопрос, подросток «идентифицирует себя» и круг своих интересов.

В настоящее время уже расхожим считается мнение о том, что подросткам нравится смотреть телевизор, развлекательные музыкальные каналы,

где и формируются их музыкальные предпочтения (В. Белобрагин, А. Морозов, Е. Скриптунова, М. Круглова, Т. Чулина). Конечно, современную урбанистическую культуру невозможно представить без телевидения. Телевизор сейчас – атрибут жизненного мира современного человека, а телевидение превратилось в четко очерченный общественный институт, оказывающий влияние на общественные процессы, их конфигурацию, структуру, динамику¹². Современные подростки подвергаются сильному воздействию средств массовой информации. Результаты нашего исследования демонстрируют тот факт, что влияние телевидения и радио на подростков сильно преувеличено, недооценено же влияние Интернета. Тинейджеры предпочитают ориентироваться в музыкальном мире (если говорить только о СМИ, а не о друзьях, одноклассниках, родителях) не с помощью радио и телевидения, а Интернета. Именно Интернет среди средств массовой информации является доминирующим.

Чем же так привлекает глобальная Сеть подростков?

Во-первых, подростков в Интернете привлекает свое собственное действие и взаимодействие с другими людьми в сети.

«Сейчас все почти, точнее, вся молодежь сидит в Интернете. По телевизору – просто, а в Интернете ты можешь поделиться с другим человеком, что-то сказать. И узнаешь, и общаешься» (м., 13 лет).

«Возможно, даже оценить, на сайтах есть оценки. Сейчас в “Контакте” интересно общаться – это распространенная социальная сеть. Скачиваешь, оценку написал, нашел человека, который слушает это же. “Респект. Какую ты слушаешь песенку?”. Вот недавно общался в “Контакте” с девушкой. Она “клубняк” слушает. Как можно такую музыку слушать, не понимаю. Оскорблять ее не буду, но эта накрученная музыка – нет, не моя» (м., 15 лет).

«Мне кажется, Интернет такая штука интересная, не только как поисковая система, но и для общения и для знаний... Что касается телевидения, там уже готовая информация, которую не надо искать и находить, просто прослушиваешь с определенным временем» (д., 18 лет).

Во-вторых, существует определенное доверие к Интернету, в Сети подростков никто не учит и не поучает, что важно для них, они самостоятельны. По их мнению, в компьютере нет редактора, на радио и телевидении же навязывают определенные стили, музыкальные коллективы, солистов. У подростков существует четкое представление о том, что деньги являются доминирующим фактором в появлении той или иной группы на экране телевизора или на радиоволне.

«Я смотрю телевизор, как любой молодой человек. Группы есть, но я не слушаю людей, которые смешивают реп с коммерцией. Понимаю тех реперов, которым нужны деньги. Деньги всем

нужны, поэтому многие работают на эстраде в более популярном стиле, но мне это не нравится. Поэтому телевизор я, если честно, мало слушаю. Считаю, что у людей, которые поют публичный эстрадный Нир-нор, все-таки не тот смысл в песнях заложен. С чего все началось? Ведь смысл в чем? В чем была суть Нир-нора, когда он зародился? Это были правдивые тексты, рассказывающие о чем-то реальном, в них не было вымысла. Сейчас считают что Нир-нор это тот же Тимати. Но это стиль мажоров, но Нир-нор был стилем улиц. Началось в Нью-Йорке, на Ямайке, это были бедные районы, где не было роскоши. Этот стиль им подходил по духу... На мой взгляд, очень многих просто не пропускает цензура» (м., 15 лет).

«На телевидении есть какое-то ... рецензирование, что-ли. То есть в Интернете можно найти все, что угодно, а на телевидении, что-то не допускается» (м., 15 лет).

В-третьих, 13–19-летние молодые люди считают, что в Интернете можно найти новинки, а также самую «свежую» информацию об их любимых группах, а телевидение в этом отношении проигрывает.

«Я ищу новинки. Набираю “НОВЫЕ ПЕСНИ”. Узнаю, когда выйдут. Потом диски покупаю или скачиваю из Интернета» (м., 13 лет).

«Недавно у нашей любимой группы вышел новый альбом. Я скачала первая. Получилось так, что никто не мог его найти. Мне чудом удалось вырвать его. Пришлось всем отсылать этот альбом... Сначала (новый альбом. – Ш. Е.) выкладывают в Интернет, а потом уже появляется на дисках. Тем более, зачем тратить деньги, если можно скачать из Интернета и быстрее по времени» (д., 15 лет).

«В “Torrent” (файлообменная сеть. – Ш. Е.) можно даже скачать альбом, клип которого вышел две недели назад. В “Torrent” вводишь в поиск название группы, ищешь, где скачать. Две недели, а он для желающих в сети, у тебя уже есть» (д., 19 лет).

В-четвертых, радиостанции и телевизионные каналы ограничиваются возможностью предоставления людям прослушивания результатов творчества отдельных музыкальных групп, нет при этом комментариев, содержащих анализ данного музыкального направления. Наибольшее количество фактической информации разбросано по многочисленным интернет-ресурсам (хотя часто эти сведения не систематизированы, неполны, неверны, обрывочны или искажены).

«Я сижу на ее (Аврил Лавин. – Ш. Е.) официальном сайте. И на американском, и канадском, и русском (говорит с акцентом). Там выкладывают новости» (д., 14 лет).

В-пятых, подростки считают, что телевидение существует для других людей, например взрослых, а Интернет – для них.

«Раньше очень часто смотрела (телевизор. – Ш. Е.), а последнее время даже не включаю...

Потому что там показывают какие-то большие попсовые песни, такие, которые неделю посмотришь и надоедает.... Ну, как-то не интересует. Легче скачать что-нибудь и уже послушаешь, что нравится» (д., 14 лет).

«Потому что там лажа, которую в основном слушают, но мы такого не слушаем» (м., 14 лет).

«Ну, телевизор сейчас как-то редко смотрю, но бывает иногда. Но все равно там тоже с опоздание выходят все клипы, все песни. Не очень уже интересно... Да и заезженное. Там больше всего, что народу нравится, под массы рассчитано, а не под единицы» (д., 15 лет).

«То есть из Интернета ты извлекаешь, и это уже твое будет, а на канале музыкальном не всегда поймаешь исполнителя, которого хочешь» (д., 18 лет).

«Телевидение? Мы смотрим иногда по программе фильмы. Даже на АОНе (кабельное телевидение. – Ш. Е.) очень мало нашего. Я лично не разу не видел чего-то стоящего. Я видел как-то клип Нит, очень старый, который снят очень давно (смеется). Например, если Первый канал брать – это канал для блондинок. У кого-то, может, ТВ и формирует предпочтения, но не у нас. Новости слушаешь и все... А по радио – так вообще...» (м., 19 лет).

В-шестых, привлекает мобильность. У подростков четкое ощущение, что они «берут» из Интернета то, что им интересно и в данный момент нужно.

«Сейчас стало проще с распространением Интернета, с распространением файлообменных сетей. Раньше нужно было диск найти. Хочешь песню, не знаешь, как она называется, ее не найми. Сейчас проще. Появилось что-то новое, захотел получить, нашел, послушал, оценил, скачал. Не понравилось, не стал скачивать...» (м., 15 лет).

«Так проще на компьютере. Там ты можешь выбирать ту музыку, которую ты хочешь слушать, а не ту, которую тебе предлагают» (д., 15 лет).

«Интернет много чего может дать. Много чего оттуда можно выудить интересного, важного, нужного. Фильмы, музыку понасканировать можно. Причем это достаточно быстро делается и не выходя из дома. Тебе не приходится идти куда-то, чтобы покупать весь диск из-за одной песни. Ну, к примеру. Это очень удобно» (д., 16 лет).

«Все берется из Интернета в основном. Потому что в Саратове найти трудно. Есть даже такие популярные группы из того же симфо блек метала, конечно, мы не говорим об экстрим готик метале ... трудно найти, поэтому приходится скачивать из Интернета. Большой клад хранится на сайте MP-3 real. Там очень много можно скачать и совершенно бесплатно. Сайт со множеством ответвлений» (м., 19 лет).

В-седьмых, подростки считают, что настоящих лицензионных дисков предпочитаемых ими

групп и певцов купить в провинциальном городе, к которым относится Саратов, невозможно.

«У нас в городе не продают ее (Аврил Лавин. – Ш. Е.) дисков лицензионных. Поэтому приходится покупать какие продают (д., 14 лет).

«... вряд ли можно попасть на хороший диск. Тебе говорят он лицензионный, а он, тем не менее, пиратский диск. Бывает, что покупаешь диск, а там чего-то не хватает – там написано фотографии, видео. Открываешь, а там ничего нет, папочки только пустые» (д., 19 лет).

По прогнозам ряда специалистов (А. Ракитов, Е. Матвейчук, С. Олейников, А. Ершов, А. Венгеров), домашний компьютер, вместе с разнообразными on-line-службами, текстовыми и аудиовизуальными новостями, видеоиграми в перспективе победит телевизор, погубит интерактивное телевидение, являясь сегодня не только прообразом будущих средств массовой информации, но и представляя собой объективную реальность, особую «новую силу», активно вмешивающуюся в процесс социализации подростков и конкретно музыкальной социализации¹⁴.

Поиск музыки в Интернете на сегодняшний день представляет собой простой и чисто формальный процесс: достаточно знать название композиции, имя автора или исполнителя. Именно с этими данными работают традиционные поисковые системы, никак не соприкасающиеся с собственно музыкальным содержанием звукового файла. Однако для многих любителей музыки крайне важен момент, который пока им приходится обеспечивать самостоятельно: любить музыку означает искать и находить что-то новое, что может понравиться и гармонично интегрироваться в существующую коллекцию записей. Государственный научный фонд США (National Science Foundation) – правительственная структура, которая поддерживает фундаментальные научные исследования и образовательную деятельность в сферах естественно-научного знания, не относящихся к медицине, – профинансировала разработку поискового инструмента, который не просто находит те или иные звуковые фрагменты, но и улавливает эстетическое сходство между ними. Совсем скоро новый поисковик будет искать музыку на слух и давать рекомендации, что послушать. Таким образом, специалисты в области интернет-технологий пытаются изменить существующую систему поиска.

Анализ результатов исследования позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, подростки усваивают нормы культурного общественного пространства и формируют собственное отношение к музыке. На их музыкальные предпочтения оказывают влияние разные факторы, среди которых первостепенное значение в настоящее время приобретает Интернет. Хотим заметить, что влияние последнего на подростков только усиливается, другие же источники все больше уходят на второй и третий план.

Во-вторых, роль телевидения, в частности музыкальных каналов, как основного музыкального источника для современного подростка явно преувеличена. Выбор тинейджеров не останавливается на телевидении в связи с тем, что:

– взрослые (родители) чаще «оккупируют» именно диван у телевизора, так проводя свободное время. Подростку остается компьютер, Интернет для него – свободен, то есть это явная проблема доступности;

– на телевидении практически отсутствует интеракция (исключение составляют прямые линии по задаванию вопросов важным персонам и дорогостоящие «СМС-отгадывания»), а тинейджеры стремятся к взаимодействию, непрерывному диалогу;

– подростки убеждены, что на телевидении много цензуры и нет ощущения реальности.

Таким образом, в результате исследования выявлено, что музыкальное звучащее пространство Интернета вышло за пределы рамок глобальной Сети, оказывая доминирующее влияние на процесс музыкальной социализации современных тинейджеров.

Автор выражает признательность руководителю школы-студии глубинного интервью при социально-гуманитарном факультете СГТУ кандидату философских наук И. Е. Штейнбергу и коллегам по «длинному столу» кандидату педагогических наук Е. В. Преображенской и аспиранту И. А. Павловой.

Примечания

¹ См.: *Беляева-Экземплярская С. Н.* О психологии восприятия музыки. Записки Психологической лаборатории при Академии социального воспитания / под рук. проф. В. М. Экземплярского. Вып. 1. М., 1923.

² См.: *Лосев А. Ф.* Музыка как предмет логики. М., 2008.

³ См.: *Асафьев Б. В.* Музыкальная форма как процесс. М., 1930.

⁴ См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1980. Т. 3. С. 199.

⁵ См.: *Ариес Ф.* Возрасты жизни // *Философия и методология истории* : сб. ст. / общ. ред. и вступ. ст. проф. И. С. Кона. М., 1977. С. 216–244.

⁶ См.: *Обухова Л. Ф.* Детская психология : теории, факты, проблемы. М., 1995.

⁷ См.: *Заззо Р.* Стадии психического развития ребенка // *Развитие ребенка*. М., 1968.

⁸ См.: *Выготский Л. С.* Собр. соч. : в 6 т. / под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. М., 1982.

⁹ См.: *Кон И. С.* Психология юношеского возраста : (Проблемы формирования личности) : учеб. пособие. М., 1979.

¹⁰ См.: *Шанин Т.* Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // *Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999. С. 317–344.

¹¹ См.: Всплески радиоволн. Интервью с Татьяной Глушковой, руководителем исследований радиокomпании КОМКОН // Интервью с интересными людьми. URL: <http://interviewme.ru/2008/06/26/vspleski-radiovoln-intervyu-s-tatyanoy-glushkovoy-rukovoditel-issledovaniy-radio-kompanii-komkon/> (дата обращения : 25.09.2008).

¹² См.: Про вопрос: «Какую музыку ты сейчас слушаешь?» URL: <http://www.lovehate.ru/opinions/34207> (дата обращения : 10.08.2008).

¹³ См.: Роль российского телевидения в жизни общества // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3318.html?nocache=1&cHash=4036958afe> (дата обращения : 12.12.2008).

¹⁴ См.: *Домозетов Х.* Компьютеризация и проблемы здоровья, свободы и развития личности // *Философская и социологическая мысль*. 2000. № 4. С. 93–99.

УДК 364.222

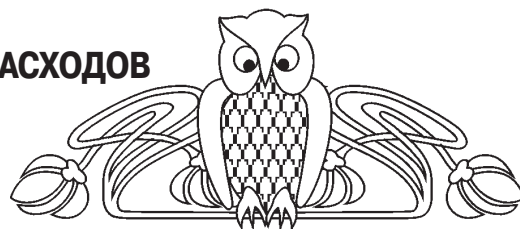
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАСХОДОВ СЕЛЬСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА ДЕТЕЙ

А. А. Вяльшина

Институт аграрных проблем Российской академии наук, г. Саратов
E-mail: anvyal@mail.ru

В статье рассматриваются сравнительные особенности экономического и социологического подхода к анализу сущности расходов сельских домохозяйств на детей, их специфики для сельской местности и факторы, детерминирующие степень их тяжести для бюджета сельского домохозяйства. Представлен анализ теоретических концепций и материалов проведенного социологического исследования.

Ключевые слова: сельские домохозяйства с детьми, расходы на детей, инвестиции в детей.

Social-economic Analysis of the Expenses of Rural Families to Children

A. A. Vyalschina

In article are considered comparative particularities economic and sociological approach to analysis of essence of the expenses rural families on children, their specifics for rural terrain and factors, determined degree of their gravity for budget of rural families. There

are the analysis of theoretical concept and the results of sociological study.

Key words: rural families with children, costs of children, investments in children.

Анализ качества жизни и благополучия детей в 2005–2010 гг. свидетельствует о противоречивости сформировавшихся тенденций в сфере развития детей и защиты детства. С одной стороны, руководством Российской Федерации предприняты беспрецедентные меры по формированию и развитию системы мер социальной поддержки материнства и детства в рамках реализации активной демографической и семейной политики государства. С другой стороны, сохраняется низкий уровень материальной обеспеченности ряда категорий семей с детьми. Глобальный финансово-экономический кризис заставил пересмотреть государственное финансирование социальной политики в целом и политики в интересах детей в частности в сторону ее относительного сокращения, особенно на уровне регионов РФ. В результате, по мнению некоторых исследователей, «качество жизни российских детей по меркам развитых стран следует признать неудовлетворительным, а его динамику – недостаточной для своевременной реализации заявленных стратегических целей в области детства»¹. В этих условиях необходимо совершенствование инструментов социальной поддержки материнства и детства с целью повышения ее эффективности и соответствия интересам национального развития.

Семья является важнейшим агентом воспроизводства, социализации и адаптации новых поколений к постоянно меняющимся условиям динамично развивающегося общества. Нарастание социальных рисков превосходит адаптационные возможности большинства российских семей, а также компенсационные возможности системы социальной поддержки семей с детьми. В этом заключается одна из причин невысокой эффективности принимаемых государством усилий в сфере защиты материнства и детства. В связи с этим представляется важным исследование ресурсов и возможностей российских семей в самообеспечении, стимулировании развития социального потенциала семьи с определением «провалов» семьи в выполнении отдельных ее функций, на компенсацию которых должны быть направлены инструменты государственной семейной политики.

Сельская семья представляет собой сложную, комплексную и полифункциональную единицу, являющуюся ключевым элементом формирования инновационного сельского социума. Устойчивое развитие сельской семьи становится предпосылкой роста ее вклада в интенсивное развитие национального благосостояния страны посредством сбалансированной реализации всех типов своего потенциала.

В результате возникает противоречие между заинтересованностью государства и общества

в эффективном выполнении семьей присущих ей родительских функций воспроизводства и первичной социализации новых поколений и отсутствием осознанной потребности государства в идентификации, оценке и анализе расходов семей на детей как фактора, напрямую влияющего на результаты социализации и интеграции детей в общество, а также на благополучие домохозяйства.

Сельская местность современной России характеризуется неблагоприятными условиями для формирования человеческого капитала подрастающего поколения. Ухудшение демографической ситуации на селе сопровождается снижением социально-экономического уровня семей, характеризующимся стабильно высокой степенью бедности среди разных типов семей, растущими региональными диспропорциями и усилением неравенства между различными типами семей. Для оценки масштабов сельской бедности необходимо отметить, что, по данным официальной статистики, дети до 16 лет представляют собой единственную возрастную группу, которая с 2006 г. имеет тенденцию к росту ее доли в структуре малоимущего населения на фоне значительного сокращения численности детского населения (рис. 1). По сравнению с 1995 г. численность детского населения до 17 лет к 2010 г. в городе сократилась на 39,1%, в сельской местности – на 34,7%. Эти факты показывают, что дети не только страдают от бедности и депривации, но и по сравнению с другими социально-демографическими группами населения не имеют возможности воспользоваться результатами докризисного экономического роста.

В сельской местности России домохозяйства с детьми до 18 лет составляют 26,8% от численности всех домохозяйств, на селе также выше концентрация домохозяйств с несколькими детьми. Так, 34,9% сельских домохозяйств с детьми имеют двоих детей (в городе двухдетных домохозяйств 26,0%), а домохозяйств с тремя и более детьми в сельской местности в 3 раза больше, чем в городе (соответственно 13,1 и 4,1%).

Согласно данным Росстата, незначительное сокращение разрыва между городскими и сельскими домохозяйствами с детьми по уровню их благополучия и возможностей с 2007 по 2010 г. происходило на фоне роста малоимущих домохозяйств с детьми как в городе, так и на селе (рис. 2).

Для сельских домохозяйств без детей характерно снижение их доли в структуре сельских малоимущих домохозяйств на 19,2% с 2006 по 2010 г. Однако доля сельских домохозяйств с детьми до 16 лет в структуре сельского малоимущего населения за это же время выросла на 15,1%.

Необходимость концентрации усилий государственной системы социальной поддержки на компенсации социальных рисков именно детского населения обусловлена не только

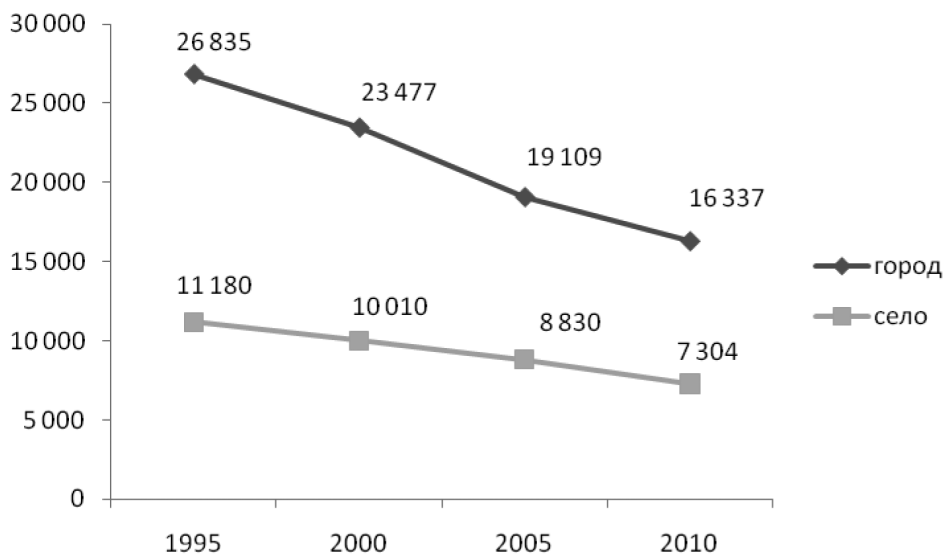

Рис. 1. Динамика численности детей до 17 лет в зависимости от места проживания (на конец года, тыс. чел.)

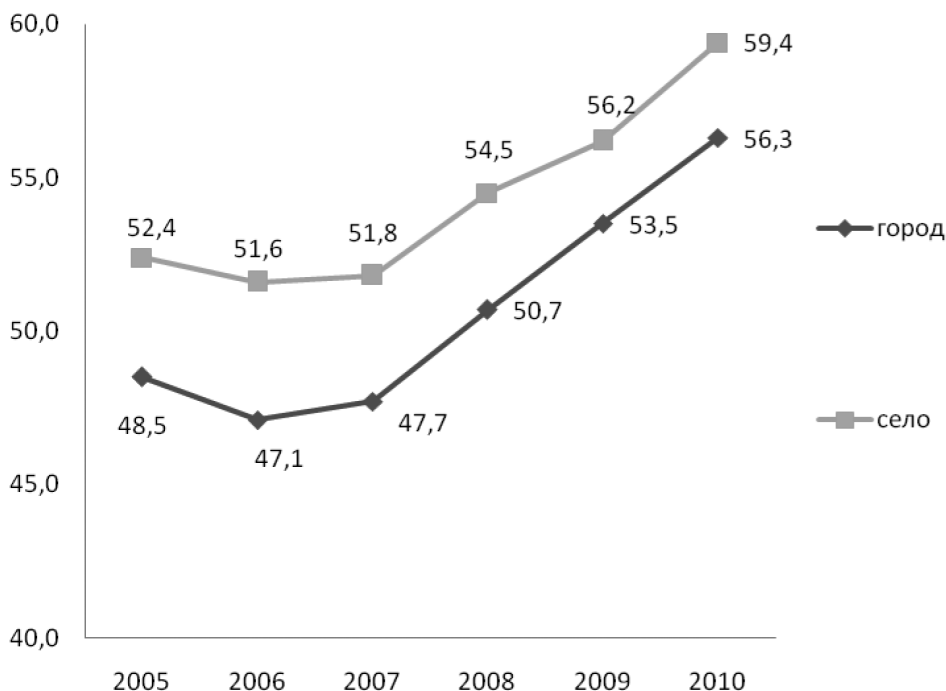

Рис. 2. Распределение малоимущих домохозяйств с детьми в зависимости от места проживания

анализом масштабов и структуры бедности сельских домохозяйств с детьми, но и наличием противоречия в сущности сельской детской бедности. С одной стороны, дети полностью зависят от действий и решений своих семей, общества и государства. Данная зависимость означает, что детям трудно непосредственно влиять на принятие ключевых решений, затрагивающих их благополучие. С другой стороны, в сельском сообществе имеет место

низкий уровень притязаний и достижений многих семей, деформированное (с точки зрения развития человеческого капитала) понимание о подходах к развитию детей, к потребностям и их удовлетворению, к перспективам развития детей, к необходимости формирования их социального капитала. Таким образом, складывается «порочный круг»: с одной стороны, дети самостоятельно не могут преодолеть бедность и находятся в зависимости от решений своих родителей, с

другой – сами родители не считают нужным развивать своих детей и вкладывать в них социальные и финансовые ресурсы.

Имеются многочисленные зарубежные исследования, нацеленные на изучение общих издержек на детей в зависимости от уровня дохода, количества детей и их возраста, дифференциации расходов для полных и неполных семей, на выявление этнических детерминант разницы в издержках на детей². Однако в нашей стране отсутствуют исследования, направленные на выявление и оценку расходов на детей, изучение их состава, структуры и тем более анализ их специфики для семей, проживающих в сельской местности. Необходимость разработки, апробации и обеспечения поэтапного внедрения в практику исследования методики измерения расходов (издержек) на детей является очевидной в связи с провозглашением приоритетности улучшения демографической ситуации в стране. Кроме того, наличие такой методики позволит повысить эффективность реализации мероприятий семейной, демографической и молодежной политики в масштабах всей страны.

Теория и методология исследования расходов (затрат) на детей

Существует несколько основных концепций затрат (издержек) на детей и соответствующая методология их оценки. Наиболее общей концепцией расходов на детей является *концепция прямых издержек*. Прямые издержки представляют собой физические расходы, произведенные непосредственно на товары и услуги для детей (еда, одежда, развлечения, здравоохранение и образование). *Концепция косвенных издержек* базируется на существовании расходов, сделанных на детей, но не напрямую потраченных на них. Косвенные издержки представляют собой альтернативную стоимость потерянных заработков. Еще одна концепция затрат (издержек) на детей, используемая зарубежными учеными, это *концепция неосязаемой стоимости*³. Она включает в себя физические и психические (эмоциональные) переживания в результате наличия у индивида детей.

Подход минимальных бюджетных стандартов предполагает измерение прямых родительских затрат, необходимых для рождения и воспитания ребенка при определенном стандарте жизни. Это измерение минимального уровня расходов на ребенка, которое рассматривается как социально приемлемый (данный подход также известен как стоимость основных нужд, потребностей). Он происходит из оценки товаров и услуг, необходимых для «определенного домохозяйства, проживающего в определенном месте в определенное время для достижения определенного стандарта жизни» (Австралийский институт изучения семьи, 2000)⁴.

Выбор той или иной концепции зависит от целей исследования расходов на детей. Для изучения стандартов жизни семей с детьми необходимо использовать концепцию прямых издержек, в то время как для исследования бедности и связанной с ней способностью семей (безработных, низкодоходных) обеспечить адекватный стандарт жизни для своих детей, требуется использование концепции минимальных бюджетных стандартов. Стандарт жизни, используемый для оценки, зависит от целей исследования: это может быть стандарт жизни, соответствующий только минимальным требованиям для поддержания жизни; может отражать минимальный доход, необходимый для удовлетворения основных нужд и обеспечивающий активное участие членов домохозяйства в обществе; или он может отражать некоторый другой минимальный уровень расходов, который рассматривается как социально приемлемый.

Кроме субъективных представлений семей о минимально необходимом наборе благ и услуг для полноценного развития ребенка, важное значение имеет характер принятых решений в домохозяйстве. Значительный научный интерес представляет исследование характера распределения ресурсов в домохозяйстве и его влияние на благополучие членов семьи, особенно детей. Очевидно, что решения о характере расходов на детей, их целесообразности и объемах значительно дифференцируются среди домохозяйств различного социально-демографического состава и социально-экономического статуса.

В науке общепринятым считается, что решения принимаются, чтобы приблизить текущее состояние к желаемому состоянию, и этот процесс может быть описан несколькими моделями. В экономике существует ряд нормативных моделей принятия решения, в которых потребитель принимает решения с помощью осуществления такого выбора из нескольких альтернатив использования ресурсов, который максимизирует его полезность. Также существуют описательные модели принятия решений, показывающие этот процесс так, как он обычно протекает в действительности. Данная модель чаще всего используется социологами и психологами. Согласно ей утверждается, что чем сложнее задача, тем ниже вероятность использования рациональной стратегии лицами, принимающими решения.

Теоретические основы исследования моделей принятия решений в домохозяйствах различаются в экономике и социологии. В социологии существует концепция семейных (домохозяйственных) стратегий, объясняющая зависимость индивидуального поведения членов семьи от поведенческих ориентаций других членов домохозяйства. Семейные стратегии представляют собой набор неявных правил, руководящих поведением членов семьи, семей и домохозяйств для реализации определенных целей. В теоретической экономике рассматриваются унитарные и коллективные

модели принятия решений в домохозяйствах. Традиционные неоклассические модели, известные как унитарные, рассматривают домохозяйство как единое целое с общей функцией полезности. Самые известные из них – модель семейного консенсуса П. Самуэльсона и альтруистическая модель Г. Беккера.

Модель семейного консенсуса П. Самуэльсона исходит из того, что домохозяйство стремится максимизировать некую единую функцию полезности (благополучия) домохозяйства. При этом предполагается, что эта функция есть результат согласования интересов или достижения консенсуса между членами домохозяйства. Альтруистическая модель Г. Беккера основана на существовании в каждом домохозяйстве альтруиста, структура предпочтений которого отражает заботу о благополучии всех остальных. В результате домохозяйство максимизирует функцию полезности, но не согласованную всеми членами домохозяйства, как в модели П. Самуэльсона, а функцию полезности альтруиста, который выступает главой семьи. То есть решения принимаются одним членом семьи на основе специализации членов домохозяйства в соответствии с их конкурентными преимуществами.

Степень тяжести расходов на детей для бюджета домохозяйства

Оценка характера влияния расходов на детей и степень их тяжести для бюджета домохозяйства в значительной степени зависят от особенностей восприятия их родителями. С точки зрения экономического подхода размер расходов на детей имеет определенный предел в связи с ограниченностью финансовых ресурсов семьи (домохозяйства), и вложения в конкретного ребенка автоматически снижают уровень благополучия всего домохозяйства, либо семья вообще не располагает ресурсами в необходимом объеме. С другой стороны, постсоветская трансформация российского общества привела к снижению роли государства и возрастанию ответственности семьи за подготовку детей к самостоятельной жизни, что обязывает родителей искать и создавать предпосылки для успешного старта детей. Главной целью семейной социализации в современных условиях является органичное и безболезненное включение детей во взрослую жизнь, формирование личностных качеств, повышающих жизнестойкость молодого поколения в новых условиях. В связи с этим родители мобилизуют все ресурсы семьи – материальные, духовные, образовательный потенциал, здоровый образ жизни, благоприятный климат внутрисемейных отношений, культуру общения, – с целью развития потребностей и способностей своих детей для обеспечения успешной восходящей социальной мобильности. Согласно этому подходу все затраты на воспитание детей,

вложения, повышающие их «качество» и способствующие увеличению их человеческого капитала, представляют собой инвестиции в детей.

Согласно результатам проведенного Институтом аграрных проблем РАН прикладного социологического исследования, около 40,1% опрошенных женщин тратят на детей ежемесячно от 30 до 50% семейного бюджета, а еще 37,2% – более 50% семейного бюджета⁵. Именно на этот факт следует обратить внимание представителям органов государственной власти, ведь для 43% сельских семей детские пособия являются одним из источников доходов.

Анализ основных трудностей сельских семей с детьми показал объективную обоснованность указанных размеров пособий на детей. Так, 54,3% опрошенных сельских женщин указывают на нехватку денег в семье как основную проблему, связанную с детьми. На втором месте идут проблемы здоровья детей (15,0%), а учитывая низкую доступность квалифицированного медицинского обслуживания детей, на которую указали 12,1% респондентов, материальные проблемы семей усугубляются необходимостью обращения за медицинской помощью в районный или областной центр. Среди всех затрат на детей особые трудности вызывают расходы на одежду и обувь (49,7%), сборы ребенка (детей) к началу учебного года в школе (34,1%), организацию досуга – кружки, секции, поездки в город, посещение цирка, музея, театра, кино, поездки к морю (26,0%), лекарства (25,4%), питание (21,4%). Лишь 15,6% опрошенных сельских женщин отметили, что у них нет таких проблем.

Проиллюстрируем указанные выше тенденции результатами проведенного социологического исследования. Об отсутствии каких-либо вопросов, связанных с детьми, вызывающих особые сложности с их решением, чаще других упоминают домохозяйства с более высоким уровнем среднедушевых денежных доходов и имеющие меньшее количество детей. Так, об отсутствии сложностей с решением вопросов, связанных с детьми, заявили 22,9% домохозяйств, в которых глава семьи занят трудовой миграцией (при средней по выборке 15,6%), в то время как семьи, в которых мужчина занят в собственном хозяйстве или зарегистрирован в органах государственной службы занятости в качестве безработного, не выбрали данную альтернативу. Кроме того, в 2 раза чаще об отсутствии сложностей в решении вопросов, связанных с детьми, упоминают однодетные домохозяйства (19,8%) по сравнению с многодетными, с тремя и более детьми (9,5%).

Самыми тяжелыми являются расходы на приобретение одежды и обуви для детей – об этом упоминают 49,7% опрошенных сельских женщин. Чаще других указывают на это женщины с более низким уровнем образования, а следовательно, имеющие более низкие среднедушевые денежные доходы (62,1% опрошенных со средним общим

образованием и 72,7% – с основным общим), а также те, чьи мужья нигде официально не работают, а заняты в своем ЛПХ (58,3%), или женщины, которые не имеют официальной занятости вне дома (58,7%).

Интересно, что в 1,5 раза реже на тяжесть расходов на покупку одежды и обуви для детей указывают многодетные женщины – 33,3% по сравнению с 51,6% среди однодетных. Этот факт объясняется тем, что тяжесть расходов на детей определяет применение тех или иных практик для их минимизации, а именно использование одежды и обуви, оставшейся от подросших детей родственников, друзей, соседей (донашивание), пользование услугами родственников, друзей или соседей по уходу и воспитанию ребенка, чтобы не водить его в детское дошкольное учреждение, применение учебников, оставшихся от старших детей, использование народных средств вместо лекарств для лечения детских заболеваний. Применение указанных практик снижения расходов на детей характерно в большей степени для домохозяйств, имеющих нескольких детей (трех и более), особенно это касается использования одежды и обуви старших детей младшими (донашивание).

Важной статьёй расходов в семейном бюджете являются ежегодные разовые расходы на сборы ребенка (детей) к началу учебного года (их тяжесть отмечали 34,1% опрошенных сельских женщин). Тяжесть расходов на сборы ребенка к началу учебного года увеличивается с ростом количества имеющихся детей (среди однодетных на это указали 20,9% респондентов, среди двухдетных – 44,3%, а среди женщин, имеющих трех и более детей, – 61,9%). Кроме того, степень тяжести данных расходов усиливается для домохозяйств, имеющих более низкие среднедушевые денежные доходы. Так, чаще остальных на это указывали женщины со средним общим и основным общим образованием, а, следовательно, с более низкими доходами (41,4% и 45,5% соответственно), женщины, чьи мужья не имеют официальной занятости кроме занятости в своем ЛПХ (50,0%), в отличие от женщин, чьи мужья являются трудовыми мигрантами – среди них только 17,1% указали на тяжесть расходов на сборы ребенка к началу учебного года. Интересно отметить, что среди женщин, не имеющих супруга, довольно низкая доля указавших на тяжесть именно этих расходов на детей – всего 23,8% при средней по выборке 34,1%, что, вероятно, обусловлено наличием финансовой помощи со стороны родственников (бабушек и дедушек ребенка).

Около четверти опрошенных сельских женщин (25,4%) указали на тяжесть расходов на приобретение лекарств ребенку (детям) в период их болезни. Несколько чаще остальных об этом упоминали женщины, проживающие в домохозяйствах с более низким уровнем среднедушевых денежных доходов, а именно в тех семьях, где либо мужчина нигде официально не работает, а

занят в своем ЛПХ (33,3%), либо женщины не имеют занятости вне дома (28,6%).

Особое внимание хотелось бы обратить на расходы домохозяйств на питание ребенка (детей). На их тяжесть для семейного бюджета указали 21,4% опрошенных сельских женщин. Здесь, вероятно, имеется в виду понимание родителями необходимости и стремлении обеспечить ребенку (детям) более качественное и разнообразное питание по сравнению с питанием взрослых членов семьи. Самые значительные различия наблюдаются в группах, дифференцированных по наличию/отсутствию брачного партнера у опрошенных женщин, статусу занятости самой женщины и сформированным в домохозяйстве стратегиям обеспечения собственного благосостояния. Так, среди женщин, не имеющих супруга, на тяжесть расходов на питание ребенка указали 35,7% опрошенных, что более чем в 2 раза превышает долю тех женщин, кто проживает в полных домохозяйствах (16,8%). Это обстоятельство свидетельствует о том, что матерям-одиночкам в сельской местности трудно даже прокормить своих детей, не говоря о развитии их человеческого и социального потенциала. Кроме того, домохозяйки и женщины, отнесшие себя по субъективной оценке к безработным, в 1,7 раза чаще работающих женщин упоминали о тяжести расходов на питание детей для семейного бюджета (28,6% против 16,7%).

Около 15,6% опрошенных сельских женщин указали на тяжесть для семейного бюджета расходов на организацию досуга и развлечений для детей (различные кружки, секции, студии развития, игрушки, поездки в город для посещения цирка, музеев, кино). Самые значительные различия в выборе данного вида расходов как тяжелых наблюдаются между женщинами с разным уровнем образования. Здесь отчетливо проявляется влияние уровня образования матери ребенка на мнение о необходимом уровне притязаний и достижений для детей: чем образованнее женщина, тем выше требования к характеру и объему вложений в детей, качеству услуг образования, здравоохранения и качеству среды, окружающей ребенка. Это, в свою очередь, обусловлено структурой жизненных ценностей опрошенных женщин разного уровня образования с определенным местом в ней ценности ребенка (таблица).

Но не только уровень образования является фактором, опосредующим рост требований к «качеству» детей. Более высокий уровень доходов также проецирует претенциозность необходимого уровня развития детей. Это свидетельствует о том, что домохозяйства, в которых мужчина является трудовым мигрантом, демонстрируют платежеспособный спрос на услуги по развитию своих детей.

Еще одной ощутимой статьёй расходов на детей для сельских домохозяйств являются затраты на оплату услуг детских дошкольных уч-

Среднее значение ценности ребенка по группам женщин с разным уровнем образования*

Ценность	Уровень образования опрошенных женщин				
	Высшее и неполное высшее	Среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Среднее общее	Основное общее
Ребенок	4,98	4,89	4,91	4,64	4,60

Примечание. *Средние значения ценностей по группам вычислялись посредством нахождения среднего арифметического балльных оценок, измеряемых от значения 5 баллов, что соответствовало идентификации ценности как «очень важно», до значения 1 балл, что соответствовало субъективной оценке как «совсем не важно».

реждений, взносы и другие выплаты в школе – на их тяжесть для семейного бюджета указали 14,5% опрошенных женщин. Чаще других на тяжесть этих расходов ссылаются женщины, не имеющие супруга (21,4% против 12,2% среди женщин, имеющих его).

Таким образом, анализ текущих расходов сельских семей на детей показывает зависимость степени их тяжести для семейного бюджета от набора объективных и субъективных критериев. К объективным критериям относятся количество имеющихся детей, состав семьи (полная или неполная), статус занятости матери и отца (занятые вне дома, занятые в личном подсобном хозяйстве, безработные), место работы главы семьи (в своем селе, трудовая миграция или занятость в своем ЛПХ). К субъективным критериям относится структура жизненных ценностей женщины и соответствующий ей уровень притязаний, которые, в свою очередь, детерминированы уровнем образования женщины. Уровень образования влияет на восприятие и оценку тяжести тех или иных расходов на детей посредством идентификации и анализа «нужного» и «должного» для ребенка. У женщин с более высоким уровнем образования выше требования к качеству внешней среды, в которой будет жить их ребенок, к степени развития самого ребенка и собственным возможностям по их обеспечению. Этим частично объясняется тенденция малодетности у женщин с более высоким уровнем образования. Если расходы на детей представляют собой элемент инвестиций в будущее ребенка (в здоровье, отдых, развитие), то их потенциальная (отложенная) ценность превышает материальные потери от их приобретения, и женщины с более высоким уровнем образования склонны оценивать эти расходы как менее тяжелые.

Необходимость корректной идентификации и измерения текущих расходов домохозяйств на

детей обусловлена потребностью оценки этих расходов обществом и государством с целью повышения эффективности реализации мероприятий социальной поддержки семей с детьми. В связи с этим предлагается рекомендовать Государственному комитету РФ по статистике внести изменения в методику агрегирования показателей обследования бюджетов домашних хозяйств в части корректировки перечня учетных признаков для получения данных о составе расходов домохозяйств на детей и объемах потребления домохозяйств в части товаров и услуг для детей.

Примечания

- 1 См.: *Samuelson P., Solow R. A Complete Capital Model Involving Heterogeneous Capital Goods // Quarterly Journal of Economics. 70, 4 (1956). P. 537–562. URL: <http://qje.oxfordjournals.org/content/70/4/537.abstract> (дата обращения: 17.12.2011).*
- 2 См.: *Becker G. Treatise on the Family, Cambridge: Harvard University Press. (1991). URL: http://books.google.ru/books/about/A_Treatise_on_the_Family.html?id=NLB1Ty75DOIC&redir_esc=y* (дата обращения: 21.12.2011).
- 3 *Measuring the cost of children: concepts and methodologies. A report of the Families Commission // Occasional paper. 2005. № 01/05. October*
- 4 *Ibid.*
- 5 Выборочное прикладное социологическое исследование социально-экономического положения сельских семей с детьми было проведено Институтом аграрных проблем РАН в 2010 году в 10-ти районах Саратовской области. Выборка репрезентативна структуре домохозяйств с детьми с разным числом детей (общее количество опрошенных – N = 283), респонденты – сельские женщины в возрасте от 18 до 45 лет, имеющие от 1 до 8 детей.

УДК 323.3

КСЕНОФОБИЯ – СЛЕПОЙ ПОВОДЫРЬ РАСТЕРЯННОГО ОБЩЕСТВА

В. А. Русанов

Энгельсский технологический институт
Саратовского государственного технического университета
E-mail: anovrus@bk.ru

Статья посвящена изучению особенностей межнациональных и межконфессиональных отношений в Российской Федерации и, как пример – Саратовской области. Определяется динамика и роль становления толерантности в общественном сознании как важнейшего элемента социальной стабильности и основы совершенствования системы государственного управления, общественного управления и саморегуляции.

Ключевые слова: межэтнические конфликты, социальная напряженность, религиозная и культурная традиции, толерантность, ксенофобия.

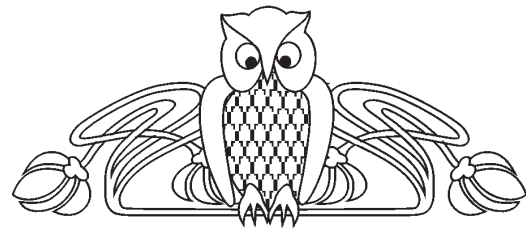
Xenophobia – Blind Leaders Confused Society

V. A. Rusanov

The paper is devoted to examination of features of the international and interconfessional relations in the Russian Federation and, in particular, in the Saratov region. The dynamics and role of the formation of tolerance in public consciousness as a most important element of social stability and the basis of improvement of the public administration, public management and self-control system are evaluated.

Key words: interethnic conflicts, social tension, religious and cultural traditions, tolerance, xenophobia.

Состояние межнациональных отношений в Российской Федерации и возможные варианты их развития – одна из самых актуальных тем современной эмпирической социологии и в России, и за ее рубежами. Разумеется, эта популярность не от хорошей жизни. Знакомство со статистическими и аналитическими материалами сравнительного исследования «Национальные настроения жителей Саратова в 2005 и 2010 годах» (проведено социологическим центром «РОСС-XXI век», директор – В. П. Санатин) создает впечатление, что некая латентная, неторопливая, но и неумолимая сила сталкивает Россию в пропасть межнациональной розни. Страна, ее государственная система и гражданское общество еще не умеют предотвращать перерастание бытовых всплесков недовольства между носителями различных национальных культур в политические конфликты, в борьбу за этническое верховенство. Советско-социалистическая привычка к избеганию упоминаний о неприятном, к замалчиванию обид и оскорблений пока составляют суть, базу современной российской толерантности. В системе социальных отношений эта ущербная толерантность допол-

няется безграничной социальной инертностью и политическим равнодушием граждан и хлипкого, порой непоследовательного в целях и мотивах российского гражданского общества.

Современный консерватизм во внутривнутриполитической жизни, представленный «партией власти», является, таким образом, одним из важных факторов социальной стабильности в сфере межнациональных отношений. Позитивное влияние этой авторитарно-авантюристической группы влияния, именующей себя партией, однако, не обусловлено идеологически или хотя бы осознанно. Подобно тому как крепко выпивающие люди не подвержены отложениям холестерина в сосудах, так нельзя считать признаком здорового общества хамоватую деловитость партии власти, стремление ее к социальному благополучию.

Сила, которая влечет Россию в пучину межнациональной розни, является, вероятно, результирующей общемировых тенденций к этническому обособлению, алчной и эгоистичной деятельности власть имущих и злонамеренных действий внешних сил. В современном мире даже благополучные по уровню социальной комфортности государства – Канада, Бельгия, даже США, прилагают усилия по сохранению своей территориальной целостности и стараются погасить распри, затеваемые националистами и сепаратистами. Прозябающей в неустроенности и нищете России, население которой стараниями бесчисленных реформаторов и просто жуликов утратило большинство социальных ценностей, в том числе патриотизм, уважение к закону, сохранение традиций честности, порядочности в межличностных отношениях, разумеется, суждено продвигаться к самораспаду.

Судя по динамике социологических параметров, распад этот неминуем, фактически он уже произошел, и Российская Федерация в настоящее время скреплена лишь привычкой населения разных национальностей к большому общему дому и субличными экономическими связями. Остается совершенно непонятным, несмотря на нескончаемые дискуссии, и ученым и управленцам, на каких же организационных и идеологических началах должно происходить возобновление Федерации?

События недавнего времени свидетельствуют о том, что дегуманизация социально-этнических отношений, возрастание межэтнической нетерпимости нарастают во всем мировом сообществе, в

России же в силу исторических, социально-психологических и геополитических факторов эти тенденции проявляются наиболее отчетливо и тягостно для граждан.

На первый вопрос анкеты: «Как вы оцениваете государственные и социальные институты, действующие в России и в области», в 2005 г. заявили, что не доверяют никому, 28% респондентов, а в 2010 г. – 34%. Аналогичные показатели динамики общественного мнения проявляются и в отношении к национально-культурным объединениям, а рейтинги доверия к профессиональным союзам, правозащитным организациям, правоохранительным органам за пять лет буквально обрушились и доверяют им теперь около 10–15% населения. При этом в наиболее активной возрастной категории, от 30 до 50 лет, число не доверяющих никому и ничему приближается к 50%. В этих условиях сохранение власти для нынешней правящей элиты сводится, в сущности, к определенным силовым воздействиям, но никак не к созиданию некой интегрирующей доктрины и реализации ее во благо всего общества.

Российская парадигма межнациональных отношений зиждется не на сохранении межнациональных различий в пределах территориального, поселенческого сообщества, а на поддержании стереотипов социально одобряемого поведения и предвставлении о социальной справедливости, сложившихся в этом сообществе. Поэтому представители различных этносов нередко бывают настоящими друзьями в самом высоком смысле этого слова, а представители одного этноса – неприятелями. А. С. Панарин по этому поводу заметил: «Социальная справедливость включает социальную чуткость и сострадательность; в этом отношении она ближе всего к собственно христианской традиции»¹. Тем не менее, оценка представителей различных этносов, формирующаяся на основе социального опыта межэтнического взаимодействия, важна для соседского сообщества. В результатах анализируемого исследования эта оценка выражается через индексы межнациональной конфликтности и согласия.

Наибольшей конфликтностью, по мнению многонационального сообщества Саратовской области, соответственно и наибольшей неприемлемостью для общества отмечены чеченцы и цыгане. Это не означает, конечно, что на территории Саратовской области нет населённых пунктов, где в мире и согласии уживаются чеченцы или цыгане с представителями других этносов. Мирное сосуществование, однако, зиждется на необходимости постоянного доказывания представителями этих «тревожащих» этносов своей порядочности, лояльности властям и соседям. В случае каких-либо происшествий, неясных конфликтов не только подозрения, но и скоропалительные обвинения немедленно касаются проживающих по соседству цыган или чеченцев. Соответственно и традиционный нонконформизм,

свойственный этим этносам, не редуцируется в поселенческом сообществе, а постоянно воспроизводится и усиливается.

Примечательно, что социодемографический срез общественного мнения в оценке социальных институтов и социальных практик в современной России выявил заметно повышенный уровень доверия к Конституции РФ, законодательству, различным элементам гражданского общества среди людей в возрасте от 16 до 30 лет. Эти показатели на 5–10% выше, чем в других возрастных категориях. Уже то, что «Никому не доверяю», заявили 26% молодёжи до 30 лет и 43% респондентов, относящихся к возрастной группе 31–49 лет, свидетельствует о том, что не все потеряно для России. Много еще молодых людей, не испивших свою чашу горького бытия. Только бы в эту чашу не подливали традиционного чиновничьего равнодушия и благоглупостей высшего руководство.

На протяжении уже двух десятков лет социологическая статистика по Саратовской области практически полностью совпадает с показателями соответствующих социальных параметров на федеральном уровне. Исторически сложилось так, что этот регион стал масштабной моделью всей обширной державы. Условно говоря, южный экстремизм и северный консерватизм гармонически сочетаются в региональном пространстве. Именно поэтому местные показатели конфликтности и толерантности представляют интерес для научного сообщества других регионов.

Решение проблем недоверия в этносоциальных отношениях имеет важнейшее значение в работе органов местного самоуправления и государственной власти. На практике, как свидетельствует опыт разрешения разного рода социальных конфликтов в Саратовской области, самым эффективным и вместе с тем самым гуманным методом является планомерный мониторинг ситуации в этнически неоднородных поселениях и постоянная забота о взаимной адаптации этнических общин. Методы этой адаптации включают привлечение к решению локальных проблем всего населения, включая представителей «тревожащих» этносов, совместное участие в рекреационных и культурных мероприятиях, общие акции молодежи. Иными словами, государство и муниципалитеты должны преодолевать самоизоляцию этнических общностей, формировать единое социально-политическое пространство, заботясь при этом о сохранении культурного своеобразия этнических сообществ.

Результаты исследования свидетельствуют о росте доброжелательного отношения к переселенцам и «гастарбайтерам». Русских, русскоязычных переселенцев в 2010 г. готово было принять почти 70% населения Саратовской области против 55% в 2005 г. Выросли дружелюбные настроения за последние пять лет почти на 7–10% по отношению к украинцам, молдаванам, казахам. Отношение к другим этносам, представители которых традиционно приезжают в Россию на заработки,

практически не изменилось. Характерно, что по результатам исследований, проведённых в 2010–2011 гг. Лабораторией социологии и психологии труда Энгельсского технологического института СГТУ, коренное население вполне благожелательно относится к мигрантам, прибывающим на постоянное жительство. Они становятся «нашими», практически сразу включаются в поселенческое сообщество. Мигранты же, приехавшие только на заработки, остаются чужаками. Именно отношение к этой категории и определяет уровень ксенофобии, возрастание которого тревожит общественность и органы власти.

Таким, довольно парадоксальным, отношением к пришельцам региональное сообщество продолжает историческую традицию формирования российской государственности: не завоевывать территории, не покорять народы, а включать в свое социальное пространство, при этом и в определенной мере усваивая элементы культуры, бытового уклада новых и новых соседей по России.

Женщины более настороженно относятся к переселенцам. Мужчины опережают их, как правило, на 5–10%. Например, в качестве новых соседей не отказались бы видеть корейцев, таджиков, узбеков около 15% мужчин и только около 7% женщин.

Молодые люди в возрасте 16–30 лет относятся к мигрантам более позитивно, чем представители старших поколений, в среднем примерно на 5%. Эти цифры явно противоречат статистике роста участников разного рода националистических объединений и повышению их активности. Объяснить это противоречие можно тем, что этнически экстремистские молодёжные группировки пока ещё не многочисленны, их представители чувствуют свою изолированность, непризнание обществом. Они редко попадают в выборку социологических исследований и неискренни в ответах.

Считают себя россиянами и признают равные права всех народов России 55% наших сограждан. В 2005 г. этих взглядов придерживались 42% респондентов. Доверяет в большей мере людям своей национальности 29% населения области против 43% в 2005 г. Столь позитивная динамика интернационализма может свидетельствовать лишь о том, что, несмотря на бездарную и бестолковую политику властей, общество приобретает определённый опыт межнационального общения в новых социально-экономических условиях. При этом число людей, считающих национальность ложной ценностью и признающих себя гражданами мира, сократилось с 18% в 2005 г. до 11% в 2010 г. Люди во взвихренном реформами обществе постепенно приходят к осознанию сложности и многообразия социальных процессов современности, противоречия которых невозможно решить ни с помощью насилия, ни бегством в иллюзорный мир всеобщего тоталитарного равенства.

Столь отрадную для учёных и управленцев социологическую картину несколько омрачает

зафиксированное в результатах опроса мнение о том, что нужно вести борьбу с засильем нерусских во власти, бизнесе и торговле. В 2005 г. этого мнения придерживались 44% респондентов, а в 2010 г. – 48%. Половина населения недовольна тем, что у власти политической и экономической представители не русского, а иных этносов. При этом из бесед с респондентами в ходе этого и других исследований вытекает вывод, что речь идет, в большей степени о недоверии к представителям не российских народов, за исключением украинцев, белорусов, традиционно считающихся «тоже русскими». В сфере бизнеса данная проблема была воспринята острее и ранее, чем во власти. Разрешили ее просто: убрали из названий и даже официальных документов нерусские фамилии владельцев предприятий, фирм. При этом фактическими владельцами остались прежние хозяева, но острота социальной конфликтности значительно снизилась.

За пять прошедших лет практически не изменилось число сограждан, считающих, что война между христианской и мусульманской цивилизациям в нынешнем веке неизбежна. Таковых, по-прежнему, около 10% и большинство из них – мужчины в возрасте 30–50 лет. Треть женщин и 16% мужчин считают, что русские в России должны иметь больше прав, чем национальные меньшинства. Столь существенный разброс показателей можно объяснить меньшей социальной и экзистенциальной защищенностью женщин, традиционно пренебрежительным отношением к женщинам выходцев из многих республик бывшего СССР. Цивилизационный конфликт, безусловно, категория слишком сложная и многогранная, чтобы ее можно было бы четко определить и добиться необходимого для социального управления уровня понимания в рамках одного исследования или даже их серии.

В контексте нашего исследования речь идет не столько о столкновении цивилизаций, сколько о противоречиях, сопровождающих взаимную адаптацию, привыкание вновь образующихся социальных общностей к условиям новой, глобализующейся социальной среды и друг к другу. Традиционная модель взаимодействия «мы» и «они», мотивировавшая межнациональные контакты на протяжении всей человеческой истории, представляется неподобающей в постиндустриальном мире, как поведение в соперничестве воспитанников детского сада за игрушку не приемлемо для взрослых людей, реализующих свои жизненные цели. Национализм вообще противоречит российской традиции.

Наибольшую тревогу у населения области вызывает рост стоимости и низкое качество жилищно-коммунальных услуг – 70% респондентов озабочены этим неизменно на протяжении пяти лет. Опасность межнациональных и межконфессиональных конфликтов отмечают около 20% населения. Это 19-е место в рейтинге проблем и 20-е, отслеживае-

мых в опросе. Больше всего этого опасаются люди старшего поколения – треть респондентов старше 50 лет. Вероятно, это объясняется контрастом благой картины единения советского народа с частыми тревожными известиями о конфликтных столкновениях в настоящее время.

Считает, что жить трудно, но терпеть можно, примерно половина населения Саратовской области, а 35% населения оценивают условия своей жизни как невыносимые. Только 18% заявили, что у них все нормально и условия жизни их устраивают. Столь неутешительная ситуация сводит на нет все усилия властей и общественности по консолидации общества, гармонизации межнациональных отношений. Проблемы приватно-экзистенциального характера не решить увещеваниями, политическими кульбитами, пропагандой. Зрелища эффективны только при наличии хлеба.

УДК 316.3

СЕМЕЙНЫЕ СТРАТЕГИИ В СТРУКТУРЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

А. Г. Финаева

Саратовский государственный технический университет
E-mail: ag_finaeva@mail.ru

В статье рассматриваются основания семейных стратегий в отношении заключенных: стратегии стабильной связи и стратегии дистанцирования. Показана роль данных стратегий в структуре ресоциализации заключенных.

Ключевые слова: семья, семейные стратегии, заключенный, ресоциализация.

Family Strategies in the Structure of Prisoners' Resocialization

A. G. Finaeva

The article discusses the bases of such family strategies concerning prisoners as strategy of stable connection and strategy of distancing. The role of these strategies in the structure of prisoners' resocialization is identified.

Key words: family, family strategies, prisoner, resocialization.

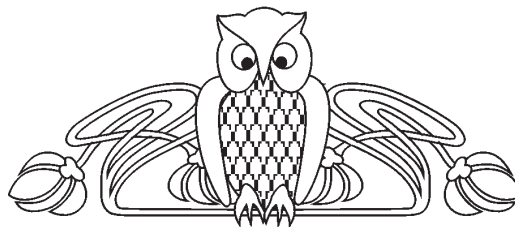
Актуальность темы исследования связана с тем, что в последние годы в России наблюдается рост числа заключенных. По данным статистики, число лиц, содержащихся в местах лишения свободы с 2004 по 2008 г., выросло с 763,7 тыс. до 887,8 тыс. человек¹. Это не может не отразиться на обществе в целом, так как ежегодно из исправительных учреждений освобождаются до 300 тыс. человек, перед которыми встает проблема социальной адаптации. Среди факторов, положительно влияющих на успешную ресоциализацию, можно выделить семью.

России сейчас нужна не столько «сильная рука», надежды на которую не оправдались, сколько сильная и добродетельная политическая воля.

О надежде на возможность прихода такой воли в социальное пространство России свидетельствует довольно высокий уровень оптимизма. Около 40% респондентов на протяжении пяти лет уверены, что в будущем возможно решение их проблем, около трети затрудняются с ответом, то есть условно могут быть причислены к оптимистам, и соответственно треть населения не верит в достаточно приемлемую реализацию своего жизненного сценария.

Примечания

¹ Панарин А. С. Правда о железном занавесе. М., 2006. С. 19.

Т. В. Темаев пишет, что осужденные, имеющие семью, лучше адаптируются к условиям жизни на свободе². По мнению А. М. Шевченко, «семья является самой действенной социальной группой, оказывающей влияние на процесс реабилитации»³. Контакты с семьей являются важной частью восстановления заключенного в обществе, поэтому изучение характера и направленности влияния семьи на ресоциализацию бывших заключенных особенно актуально.

Для исследования семейных стратегий в структуре ресоциализации заключенных нами было предпринято качественное исследование методом полуструктурированного интервью. Разработка программы исследования, сбор и анализ материала проводились по методологии «двойной рефлексивности»⁴. Количество респондентов ($N = 29$) обусловлено особенностями достижимости объекта исследования, а также насыщенностью кодировочных категорий, когда интервью с новыми респондентами уже не дают исследователю нового понимания проблемы. В качестве респондентов выступили сотрудники исправительных колоний, уголовно-исполнительных инспекций, районных отделов внутренних дел города Саратова и области, члены семей заключенных и сами заключенные. Интервью имели различную длительность (20–60 мин) и содержание (для разных типов респондентов были составлены 4 гайда интервью).

В ходе анализа интервью было выяснено, что семью можно рассматривать как один из наиболее важных примеров социально полезных связей, которые нужно сохранить, укрепить или вновь установить. Один из экспертов утверждает, что согласно подготовленному им анализу рецидивных преступлений значительную часть лиц, совершивших повторное преступление, составляет категория не имеющих семьи.

«Анализ повторных преступлений показывает, что чаще всего их совершают те, кто: а) не имеет семьи или связи с семьей отрицательные и б) не имеет работы и жилья. Значительную часть осужденных, совершивших повторное преступление, составляет категория не имеющих семью. Это 85,71%» (сотрудник уголовно-исполнительной инспекции, январь 2010 г.).

Можно выделить следующие формы взаимодействия семей с лицами, отбывающими наказание в исправительном учреждении (ИУ), характер которых, как правило, сохраняется и после освобождения заключенного: 1) семьи, поддерживающие непрерывные связи (готовы интегрировать в свою структуру после освобождения); 2) семьи, поддерживающие эпизодические связи; 3) семьи, которые не поддерживают связей с заключенным.

По мнению экспертов, в некоторых случаях прочные связи с семьей и семейная поддержка не приводят к должному результату, что, по нашему мнению, объясняется личностными особенностями самого заключенного, который не намерен менять своей отрицательной направленности. *«Низкие моральные качества человека: у него может быть все, тем не менее, если у него нет этих черт, если человек сам не хочет меняться, то какими бы благоприятными ни были условия, положительного эффекта не будет»* (инспектор районного отдела внутренних дел, декабрь 2009 г.).

Существенное влияние на ресоциализацию бывшего заключенного оказывает то, какой образ жизни ведет семья. Различные аспекты функционирования семьи оказывают влияние на успешность адаптации через социально-психологические факторы, в том числе и семейный микроклимат (ссоры, случаи физического оскорбления). На процессе ресоциализации неблагоприятно сказываются следующие обстоятельства: наличие монородительских семей, наличие так называемых неблагополучных семей (с низким уровнем культуры отношений, с установками на противоправное поведение, члены которых склонны к употреблению спиртных напитков). Кроме того, эффективность семейной поддержки зависит от внутрисемейных отношений, распределения ролей в семье до и после заключения в ИУ.

По мнению экспертов, качество связей с семьей служит защитным механизмом и инициирует человека к адаптации в нормальных условиях. Возможность ресоциализации бывшего заключенного

во многом определяется принятием или неприятием его членами семьи: родителями, женой, детьми. Недоверие, боязнь и неприязнь родственников могут стать фактором окончательного отказа освобожденного от социальной адаптации. Зачастую семья может отвергать своих близких, отбывших наказание в исправительном учреждении. Отсутствие поддержки со стороны семьи оказывается тем фактором, который препятствует успешной ресоциализации, возвращению в общество. В ходе проведенного исследования были выделены причины отказа семей поддерживать своих родственников в исправительном учреждении.

Можно выделить следующие индикаторы, характеризующие взаимодействие семей с заключенными: формы взаимодействия (свидания, переписка, отправление денежных переводов, телефонные разговоры, посылки, передачи и бандероли, выезды осужденных за пределы исправительных учреждений) и их частота. Количество свиданий, предоставляемых заключенным, а также посылок и передач (от неограниченного количества при условии отбывания наказания в колонии-поселении и до строго лимитированного количества в колониях строго режима и тюрьмах) зависит от режима исполнения наказания и предусмотрено Уголовно-исполнительным кодексом РФ⁵.

Семьи, которые поддерживают непрерывные связи с заключенным, оказывают ему моральную и материальную поддержку. Уровень фактического общения осужденных с внешним миром обусловлен не только лимитом предоставляемых свиданий, но и социально-экономическим положением заключенных и их семей. Есть семьи, которые хотят помочь своим родственникам, оказавшимся в ИУ, но не могут этого сделать в силу недостаточного материального обеспечения, а также удаленности мест лишения свободы от места жительства их близких.

«Из-за отдаленного места отбывания наказания моим мужем я не могу реализовать права (это и мое право) посещения его хотя бы столько раз, сколько установлено законом. Я вынуждена выбирать, куда потратить свои деньги: на билет или на посылку с едой» (жена заключенного, январь 2010 г.). На сбор передачи необходимо затратить немало денежных средств. Кроме того, здесь возникает не только проблема стоимости билета до места отбывания наказания, но и транспортировки передачи. Не всегда до исправительного учреждения возможно добраться общественным транспортом, возможны пересадки, поэтому требуются дополнительные затраты денежных средств, сил и времени.

Положительное отношение членов семьи к заключенному зависит от семейного микроклимата до его попадания в исправительное учреждение, от степени тяжести преступления, от веры семьи в то, что человек может исправиться, если родня изначально оправдывает преступление и верит в то, что человек его не совершал или совер-

шил по неосторожности. Помощь заключенному его родственниками основывается на морально-нравственных регуляторах поведения, моральном долге, которые восходят к христианской морали, основанной на Заповедях Христа. Так, из толкования пятой Заповеди Закона Божьего «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» следует, что недопустимо оставление родителей без помощи в несчастье, болезни и старости. Этот закон распространяется не только на родителей, но и других родственников, а также друзей: недопустимо оставление своих ближних без помощи, когда последние в ней нуждаются⁶.

«Сначала мы были в недоумении. А потом узнали, что его довели до этого преступления. <...> Это наш отец, мы были с ним до конца» (дочь бывшего заключенного, январь 2010 г.).

В частности, эксперты выделяют группу преступников, которым семьи помогают и в процессе отбывания наказания и после освобождения: это осужденные за экономические противоправные действия, которые рассматриваются как преступления, совершенные ради семьи, с целью улучшения ее благосостояния.

«Экономические преступления – ну, ты сумел наворовать и молодец. Здесь, конечно, ни разу ни от кого не отказались. Могу так сказать. И помощи на зону, то есть постоянные передачи, денежные переводы и свидания» (инспектор районного отдела внутренних дел, июнь 2010 г.).

Опыт поддержания связи с заключенным родственником сказывается на жизни семьи, так как структурирует жизнь ее членов вокруг свиданий, писем, сбора передач и посылок. В период постюремной адаптации членам семьи бывшего заключенного приходится справляться с последствиями заключения, так как вышедший из мест заключения человек сталкивается с массой трудностей: отсутствие средств к существованию, документов, имеют место проблемы с устройством на работу, подорванное физическое здоровье, различные психологические проблемы.

Рассматривая отрицательную форму взаимодействия семей с заключенными родственниками, на наш взгляд, очень важно выявить причины, по которым близкие не поддерживают связи с отбывающими наказание. Можно выделить некоторые из таких причин.

● Степень тяжести преступления и отношение к нему членов семьи.

«Экономические преступления и уголовные (кража, грабежи, убийства, изнасилования) – это небо и земля. Экономические преступления – ну, ты сумел наворовать и молодец. Здесь, конечно, ни разу ни от кого не отказались» (инспектор районного отдела внутренних дел, июнь 2010 г.).

Классификация преступлений по степени тяжести предусмотрена Уголовным кодексом Российской Федерации, согласно которому все преступления делятся на преступления неболь-

шой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие – в зависимости от степени общественной опасности, формы вины (умышленная и неосторожная) и от размера наказания, предусмотренного за совершение преступления (ст. 15)⁷.

Отношение членов семьи к преступлению как таковому естественно не может быть положительным. При оценке его родственниками осужденного большое значение играет форма вины (умышленно совершено или по неосторожности), обстоятельства, при которых совершено преступление. Экономические преступления, как было указано выше, принимаются членами семьи не столь отрицательно, как преступления против жизни и здоровья человека и половой неприкосновенности. Оценка такого преступления, как кража, может зависеть от того, у кого было украдено имущество, что именно было украдено, какая мотивация была при этом у осужденного.

● Длительность срока заключения, неоднократность попадания в ИУ.

«Полно случаев, когда муж находится в местах лишения свободы, а жена подает на развод, выходит замуж» (инспектор Федеральной службы исполнения наказаний, март 2011 г.).

Такие случаи происходят, когда жена не видит перспективы в том, чтобы дожидаться своего мужа из мест лишения свободы и у нее есть возможность создать новую семью. Еще более подталкивает к этому негативное поведение осужденного до совершения преступления, конфликтные взаимоотношения в семье.

● Конфликты в семье из-за неприемлемого поведения до и после отбывания наказания.

Конфликтные взаимоотношения в таких семьях возникают в основном из-за того, что освободившийся не желает менять своей отрицательной направленности, злоупотребляет спиртными напитками или употребляет наркотики, не желает устраиваться на работу, демонстрирует агрессивное поведение в отношении своих близких.

«Он всю жизнь издевался на моих глазах над моим ребенком, надо мной (родственница заключенного, июнь 2010 г.).»

«Семьи, которые не принимают; их достали подсудимые. Многие из них неоднократно сидели уже, на игле сидят, то есть наркоманы, не хотят работать. Конфликт в семье» (инспектор районного отдела внутренних дел, июнь 2010 г.).

«Потому что они до того дожили, что родственники говорят, лучше бы они сюда не приезжали. <...> Причина единственная: достали своим поведением. Боятся вместе с ними проживать. У кого пьют, бьют своих же, воруют (золото, например)» (участковый инспектор, апрель 2011 г.).

«Это когда родственники не хотят и не желают с ним общаться. Когда мать говорит: “У меня нет больше сына, или у меня нет больше дочери”. В моей практике были такие случаи. Когда дочь отказалась от своего сына, мать вы-

нуждена была забрать своего внука. Дочь свою она ненавидит и отказывается от нее: «Она мне не дочь, потому что она отказалась от своего ребенка, она пьянствует, она бомжатничает, она ведет разгульный образ жизни». Мать не хочет дочь принимать никак» (инспектор Федеральной службы исполнения наказаний, март 2011 г.).

«Он всю жизнь – из тюрьмы в тюрьму. Он устанавливает здесь свои тюремные порядки» (родственница заключенного, июнь 2010 г.).

Действительно, долгое пребывание в местах лишения свободы накладывает отпечаток на психику человека. В исправительном учреждении человек сталкивается со стрессовой ситуацией, так как оказывается вырванным из привычной социальной среды и попадает под влияние тюремной субкультуры с четкой иерархической организацией, со своими ценностями, нормами, языком, традициями⁸. Образ жизни в исправительном учреждении резко отличается от такового на свободе: замкнутое пространство, строгая дисциплина и распорядок дня, жизненное пространство организовано таким образом, что исключает существование сферы частной жизни и возможность индивидуализации пространства⁹. Процесс адаптации к условиям жизни в местах лишения свободы очень сложен и негативно влияет на личность заключенного. Освободившись из ИУ, бывший заключенный приносит элементы тюремной субкультуры в семью, с которой они несовместимы.

● Существуют семьи, которые смиряются с таким поведением бывшего заключенного в силу невозможности проживания отдельно или считая, что должны помочь своему родственнику. Такая помощь и невозможность отказа может основываться на механизме созависимости. В психологии термин «созависимость» означает вид деструктивных взаимоотношений между двумя и более созависимыми взрослыми людьми, которые пытаются установить контроль друг над другом. Изучение созависимости своими корнями уходит в исследование алкоголизма. Так как наряду с конфликтным поведением бывшего заключенного очень часто присутствует проблема алкоголизма и наркомании, то поведение родственников бывшего заключенного может оцениваться как созависимое. Семья не может отказаться от заботы о члене семьи, так как оптика жизни этих людей смещена на него, имеет место смысловая встроенность установок в отношении этого человека в повседневные практики семьи. Асоциальный образ жизни бывшего заключенного определяет жизненные стратегии его родственников. Забота о нем становится смыслообразующим элементом в жизни этих людей.

«Мы не можем его бросить, отец есть отец. Мы готовим, стираем, убираемся, носим ему воду» (дочь бывшего заключенного, январь 2010 г.).

«Вот как жить с таким человеком?» (племянница бывшего заключенного, июнь 2010 г.).

И.: *Ваша мама не хочет уже с ним жить?*

Р.: *Она не то, что не хочет, она избавиться не может от него* (родственница бывшего заключенного, июнь 2010 г.).

Большинство заключенных пожилого возраста не имеют семей по причине их распада в результате развода или смерти близких, потери связи с семьей в силу различных обстоятельств, в том числе и по причине своей асоциальной направленности, разгульного образа жизни, злоупотребления алкоголем.

«С женой развелся еще до того, как попал в колонию. Мать умерла» (бывший заключенный, 59 лет).

И.: *У Вас дети есть?*

Р.: *Есть.*

И.: *Вы связь с ними не поддерживаете?*

Р.: *Нет.*

И.: *Если не секрет, в чем причина утраты связи?*

Р.: *Утеряна связь, потому что я, когда сюда приехал работать, связался с женщиной. Жена узнала.*

И.: *И с тех пор Вы не общаетесь с семьей?*

Р.: *Я не ездил туда* (бывший заключенный, 66 лет).

Существует категория лиц, причем не только пожилого, но и среднего возраста, которые так и не создали своей семьи, поэтому идти им после отбывания наказания некуда. Родительские семьи распадаются из-за непреодолимых обстоятельств (смерть), а дальние родственники отказываются помочь или не имеют такой возможности.

И.: *У Вас семья была? Жена? Дети?*

Р.: *Дети, может, где и есть. А бабы – они сегодня есть, завтра нет* (бывший заключенный, 45 лет).

Корни подобной жизненной стратегии могут лежать в тюремной субкультуре, где отношение к женщине, как правило, отрицательное, потребительское¹⁰.

В результате эмпирического исследования были выделены основания семейных стратегий в отношении заключенных – стратегии стабильной связи и стратегии дистанцирования. Показана роль этих стратегий в структуре ресоциализации заключенных. Оказалось, что в основе установления стабильных связей может лежать механизм созависимости, который состоит в том, что забота о человеке интегрирована в повседневные практики одного или нескольких членов семьи заключенного и дистанцирование невозможно, поскольку семья может быть лишена биографического материала.

Представлена интерпретация трудностей, с которыми сталкивается семья заключенного в осуществлении стратегии стабильной связи. В качестве таковых мы выделяем: социальные (новое распределение ролей в семье, последствия отбывания наказания: отсутствие документов, проблемы с устройством на работу); психологи-

ческие (разлука, восприятие семьи со стороны ближайшего окружения); экономические (добыча материальных ресурсов для выживания самой семьи и обеспечения жизни заключенного в исправительном учреждении).

Стратегия семейного дистанцирования базируется на следующих факторах: степень тяжести преступления и отношение к нему членов семьи; конфликты в семье из-за неприемлемого поведения до и после отбывания наказания; длительность срока заключения, неоднократность попадания в ИУ.

Значимость данного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в практической деятельности органов внутренних дел, сотрудников пенитенциарной системы, социальных работников, при взаимодействии психологов, социальных педагогов с семьей, при создании социально-коррекционных программ работы с семьей заключенного.

Примечания

¹ См.: Российский статистический ежегодник. 2009 : стат. сб. / Росстат. 2009.

УДК 316. 74:2

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. И. Уфимцева

Саратовский государственный технический университет
E-mail: ufim75@mail.ru

Статья посвящена анализу особенностей религиозной социализации православной молодежи в современном российском обществе. Дается определение понятию «воцерковление», описываются этапы, практики, институты, агенты, факторы процесса воцерковления российской православной молодежи.

Ключевые слова: православная молодежь, религиозная социализация, процесс воцерковления.

Reinchantment of the Orthodox Young People in Modern Russian Society

E. I. Ufimtzeva

The article is about the analysis of the socializing peculiarities religious young people in modern Russian society. Given the idea definition «reinchantment», is described the steps, practices, institutions, agents, factors of the process reinchantment of religious young people in modern Russian society.

Key words: orthodox young, religious socialization, process reinchantment.

В современной России православие сохраняет статус доминирующего вероисповедования. По результатам социологических опросов, количество российских респондентов, идентифициру-

² См.: *Темаев Т. В.* Значение семьи в жизни пожилого осужденного // Клиническая геронтология. 2008. Т. 14, № 9. С. 111.

³ *Шевченко А. М.* Социальная реабилитация бывших заключенных : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 1997. С. 8.

⁴ См.: *Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999.

⁵ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ. М., 2010.

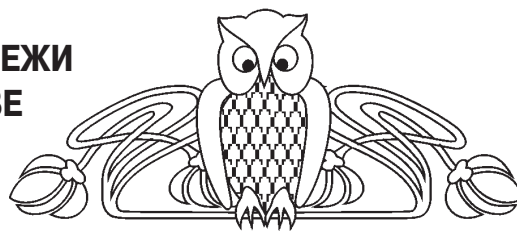
⁶ См.: 10 Заповедей Закона Божьего. Толкование Заповедей. Грехи против 10 Заповедей. URL: <http://10zapovedei.ru/index.php> (дата обращения : 11.09.2011).

⁷ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2011) (с изм. и доп., вступающими в силу с 07.08.2011 г.). М., 2010.

⁸ См.: *Лысак И. В., Черкасова Ю. Ю.* Тюремная субкультура в России. Таганрог, 2006.

⁹ См.: *Олейник А. Н.* Тюремная субкультура в России : от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.

¹⁰ См.: *Лысак И. В., Черкасова Ю. Ю.* Указ. соч.

ющих себя с православными, составляет от 68%¹ до 79%² и 90% от общего числа всех верующих³. Вместе с тем процесс религиозной социализации православных в современном российском обществе, который в рамках современного церковно-православного дискурса определяется как процесс воцерковления, представляет собой наиболее значимую социальную проблему. Святейший Патриарх Алексий II неоднократно подчеркивал, что после 70-летнего господства воинствующего атеизма в нашей стране воцерковление различных слоев российского общества, и особенно молодежи, является главной миссионерской задачей Русской православной церкви в XXI в.⁴

Проблемный характер процесса воцерковления в современном российском обществе определяется следующими факторами.

Во-первых, церковная социализация современных православных россиян происходит в условиях нарушенной на уровне народных масс межпоколенческой преемственности православного мировоззрения, ценностей и образа жизни. В течение 70 лет советской власти в России под угрозой физического истребления и политических

преследований⁵ православные россияне были отделены от Церкви и лишены возможности полноценной приходской жизни. Неполющенное участие людей в жизни конкретной православной общины (церковного прихода) обусловило формирование искаженных или неполноценных – внеинституциональных – околоцерковных представлений и практик православных верующих, что подтверждают многочисленные социологические опросы на религиозную тематику, регулярно проводящиеся последние 20 лет отечественными исследователями и центрами изучения общественного мнения. Так, современные россияне, идентифицирующие себя с православными, могут не верить в Бога, не соблюдать посты и не молиться, сочетать христианские представления с теософскими взглядами Е. Блаватской, оценивать шантаж, проституцию и азартные игры как проявление свободы и права человека на частную жизнь⁶.

Во-вторых, разрушенные в советский период традиционные формы православной церковной жизни (приходской, миссионерской, благотворительной, издательской, ремесленной, строительно-архитектурной, образовательной, научной) только начинают восстанавливаться. Например, институт полкового священничества стал функционировать в Российской армии только с 2010 г. Только в 2010 г. по решению Саратовского епархиального совета стала обязательной катехизаторская подготовка желающих приступить к таинству крещения: во всех благочиниях епархии была введена штатная должность помощника благочинного по религиозному образованию и катехизации, в городских храмах – штатного катехизатора.

В-третьих, религиозная социализация современных россиян осуществляется в условиях секулярного общества, идеологическую основу которого составляют система либеральных ценностей и гуманистическая концепция прав человека. Как социологи, так и церковные деятели отмечают фундаментальное противоречие религиозных традиций и либеральных ценностей секулярного государства. Так, Ю. Хабермас подчеркивает, что «либеральное государство, со своей стороны, подозрительно относится к верующим, полагая, что западная секуляризация – это дорога с односторонним движением, оставляющая религию на обочине»⁷. В свою очередь, в «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», отмечается, что «сегодня через обращение к правам человека в обществе нередко стремится укрепиться мировоззрение, которое является безрелигиозным, этически релятивистским и гедонистическим»⁸. Таким образом, указанные факторы проблематизируют процесс религиозной социализации православных россиян на современном этапе развития российского общества.

Феномен воцерковления является одним из обсуждаемых в современном отечественном соци-

ологическом дискурсе. Исследования М. С. Алексеевой, Л. П. Ипатовой, Ю. Ю. Синелиной, В. Ф. Чесноковой в разной степени и в разных аспектах затрагивают эту проблему. Выявлению сущности данного феномена, его описанию посвящены работы протоиерея Александра (Зелененко), протоиерея Александра (Торика), игумена Нектария (Морозова), игумена Петра (Мещеринова). Вместе с тем, подводя некий итог исследовательскому поиску научных работ данной тематики, можно констатировать, что на современном этапе развития социологической мысли феномен воцерковления остается практически неизученным. Отправной точкой нашего исследования стали вопросы, связанные, во-первых, с выявлением смысловых полей понятия «воцерковление», во-вторых, с описанием характеристик процесса воцерковления православной молодежи в современном российском контексте.

Респондентами выступили представители православной молодежи в возрасте от 17 до 25 лет, так как этот возраст от 17 до 25 лет представляет собой сензитивный период для выбора траектории жизненного пути. Сбор и анализ материала проводился по методике «двойной рефлексии»⁹ с помощью неструктурированного неформализованного интервью ($N = 19$), в 2010–2011 гг. в г. Саратове и г. Якутске. Длительность интервью – 16–67 мин, в среднем по 30 мин. Интервью проводились в зданиях университета, воскресной школы, православного храма, духовной семинарии в спокойной обстановке, без участия третьих лиц.

В социологический дискурс понятие «воцерковление» пришло из церковно-религиозной терминологии. В то же время игумен Нектарий (Морозов) в своей работе «Беседы о воцерковлении» обращает внимание на тот факт, что понятие «воцерковление», с одной стороны, в современном своем значении – понятие сравнительно новое для России, а с другой стороны, в своем первичном значении – имеющее значительную историю¹⁰. Действительно, в Православной энциклопедии дается два значения понятия «воцерковление» (слав. ВоцРковление; ср. греч. ἑκκλησίασις – воцерковлять): 1) процесс приобщения человека к христианской традиции и церковной жизни; 2) особый чин, совершаемый над младенцем и его матерью через 40 дней после его рождения¹¹. Как отмечается в энциклопедии, исторически первоначально понятие «воцерковление» стало использоваться во втором своем значении – как особый церковный чин, а именно с IV в., когда после официального разрешения христианства в Римской империи практика крещения взрослых постепенно уступает место практике крещения младенцев. В этот период истории христианской церкви появляется церковный обряд первого после родов совместного вхождения матери-христианки и ее новорожденного ребенка в христианский храм. Обряд осуществлялся на сороковой день после рождения ребенка и именовался воцерков-

лением. Данный христианский обряд сохранился и применяется в современной богослужебной практике Русской православной церкви¹².

Вместе с тем, как показал анализ современных церковных публикаций, понятие «воцерковление» в них все чаще используется в новом для православной традиции значении – в аспекте религиозной и церковной социализации. Во-первых, воцерковление рассматривается как процесс церковной интеграции личности, интеграции в церковную общность. Так, игумен Нектарий (Морозов) интерпретирует понятие «воцерковление» как процесс приобщения к жизни Церкви: «... теперь, говоря “воцерковление”, мы имеем в виду процесс – процесс постепенного “врастания” человека в церковную жизнь, претворение его в маленькую, но живую клеточку этого великого организма – Тела Христова, Церкви»¹³. Созвучное определение понятия «воцерковление» дает протоиерей Александр (Торик): «... воцерковление, то есть вхождение в Церковь в качестве полноценного и полноправного ее члена»¹⁴. В таком случае основным средством воцерковления становится церковная община.

В качестве второго аспекта значения понятия «воцерковление» выделяется катехизация. Архимандрит Иоанн (Экономцев) определяет сущность воцерковления в аспекте катехизации крещеных взрослых православных верующих людей, которые, будучи крещеными, остались непросвещенными в православной вере и в евангельских истинах¹⁵. В настоящее время основной целью катехизаторской деятельности Русской православной церкви, в его понимании, является содействие воцерковлению именно этой категории людей. При этом под воцерковлением архимандритом Иоанном понимается: приобщение к свидетельству о Христе, к евангельским заповедям, обретение уверовавшими людьми Евангелия как книги жизни, формирование христианского мировоззрения, обретение базовых знаний о церковной жизни и церковной дисциплине, формирование чувства каноничности и дисциплинированности, внутренней духовной и внешней культуры благочестия, обретение своего места в Церкви, личной духовной жизни. Необходимым средством воцерковления он называет христианскую общину. О воцерковлении как катехизаторской, образовательно-воспитательной деятельности рассуждает также игумен Петр (Мещеринов) в своей работе «Жизнь в Церкви. Проблемы воцерковления»: «Воцерковление можно уподобить возвращению плодового сада. Как оно происходит? Если мы возьмем семечко из вкусного сладкого яблока и поседем его в землю, у нас вырастет дикая яблоня с несъедобными плодами. Чтобы получить культурное растение, необходимо привить этому дикому дереву черенок садовой яблони. При этом нужно учитывать много всяких сельскохозяйственных тонкостей: каким образом прививается именно этот сорт,

в какое время это нужно делать, как удаляются дикие ветви, как нужно обвязать и залечивать место прививки, как поливать, как удобрять почву и т. д. Христианство и есть этот благодатный черенок: оно прививается к дикому дереву падшей человеческой природы, и, будучи правильно вращиваемо, переформирует его в дерево культурное, приносящее в свое время прекрасные плоды»¹⁶. Таким образом, воцерковление можно определить как двусторонний процесс религиозного просвещения и образования: с одной стороны, получение личностью теоретического и опытного знания православной веры, с другой стороны, просветительскую и образовательную деятельность Русской православной церкви, направленную как к детской, так и ко взрослой аудитории.

Третий аспект значения понятия «воцерковление» – духовную и культурную преемственность – раскрывает протоиерей Валериан (Кречетов). Со слов о. Валериана, «воцерковление есть приобщение к преемству Церкви». Преемство непрерывное и живое, от человека к человеку рассматривается им как главное условие истинной веры: «Существуют многие вещи, которые и в жизни, и в Церкви передаются от человека к человеку при живом общении. Некоторые вещи невозможно повторить. Нужно слышать, как их произносит человек. Мне вспоминается отец Николай Гурьянов, с которым Господь меня сподобил много общаться, или же отец Иоанн Крестьянкин – читаешь его проповеди, и представляешь, как он это говорил, когда я его слышал...»¹⁷ Таким образом, воцерковление интерпретируется и как приобщение к православной духовной и культурной традиции.

Подводя итог анализу значений понятия «воцерковление», имеющих место в современном церковно-православном дискурсе, следует отметить, что в церковно-религиозной терминологии оно имеет несколько смысловых полей:

1) в аспекте церковного обряда первого после родов на 40-й день совместного вхождения матери-христианки и ее новорожденного ребенка в христианский храм;

2) в аспекте религиозной и церковной социализации:

– как приобщение к русской православной духовной и культурной традиции;

– как процесс интеграции личности в церковную общность;

– как двусторонний процесс религиозного просвещения и образования: с одной стороны, получение личностью теоретического и опытного знания православной веры, с другой стороны, просветительскую и образовательную деятельность Русской православной церкви, направленную как к детской, так и ко взрослой аудитории;

– как деятельность личности, направленная на достижение духовно-нравственного совершенства сообразно евангельскому идеалу – личности Иисуса Христа.

В социализирующем значении термин «воцерковление» заимствуется современной отечественной социологией из церковно-православного лексикона, а феномен воцерковления как процесс православной церковной интеграции личности является предметом социологического изучения. В социологическом научном дискурсе нам встретилось два самобытных определения понятия «воцерковление». Прежде всего, это определение, данное В. Ф. Чесноковой в работе «Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века» (можно сказать, единственная значительная работа по теме воцерковления в современной отечественной социологии). Исследователь рассматривает воцерковление как «добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение себе установленного в ней образа жизни и образа мыслей. При этом усвоение образа мыслей происходит параллельно и в тесной связи с усвоением образа жизни. Этот последний именно и является проводником устойчивого влияния Церкви на человека, позволяющего человеку со временем выработать себе новое отношение к миру и к себе самому»¹⁸. В. Ф. Чеснокова подчеркивает, что социологически изучать православность населения необходимо через изучение его образа жизни. Для описания образа жизни православного христианина исследователь предлагает пять переменных: «частота посещения храма», «частота причащения», «регулярность чтения текстов Священного Писания», «форма молитвы» и «пост». Примечательно, что игумен Нектарий (Морозов) указывает на эти же критерии как критерии воцерковленности: «... как часто человек ходит в храм, насколько регулярно он исповедуется и причащается, молится ли он, читает ли духовные книги, а, главное, живет ли по-христиански в своем быту: дома и на работе, день за днем»¹⁹. Выбранные В. Ф. Чесноковой показатели воцерковленности православных верующих позволили разбить весь контингент группы с самоназванием «православные» на несколько типов по степени воцерковленности:

– группа О (самая слабая по степени воцерковленности) – все, кто не поднялся ни разу даже до второй позиции по шкале («не был», «не причащался», «не читал», «не молюсь», «не пощусь»);

– группа С (слабовоцерковленные) – те, кто «завоевал» хоть одну вторую позицию, но выше не поднялся;

– группа Н (начинающие) – все, кто достиг хоть по одной переменной третьей позиции;

– группа П (полувоцерковленные) – те, кто хоть по одной переменной поднялся до четвертой позиции;

– Группа Ц (воцерковленные или церковный народ) – все, кто хоть раз попал на пятую, самую высокую позицию на любой из шкал.

Если имеет место достижение высокого показателя хотя бы по одной характеристике православного образа жизни (пост или молитва),

по мнению В. Ф. Чесноковой, это уже большая победа для человека, решившего преобразовывать свое мышление и свой образ жизни по христианским заповедям, и это, безусловно, показывает его желание не порывать отношений со своей Церковью. Сообразно данной концепции степень воцерковленности человека соответствует степени его православности. Таким образом, определение воцерковления, разработанное В. Ф. Чесноковой, позволяет рассматривать данное явление как процесс упорядочения человеком собственной жизни сообразно православному миропониманию.

М. С. Алексеева рассматривает воцерковление как двусторонний процесс, выделяющий позиции субъектов и объектов: с одной стороны, как процесс постепенного введения в основы веры и благочестия, а с другой – как процесс вхождения в Церковь²⁰. Ю. Ю. Синелина в своих исследованиях религиозного самосознания населения России использует определение воцерковления, разработанное В. Ф. Чесноковой, так же как и ее методику оценки степени религиозности православных верующих²¹.

В социологических исследованиях достаточно часто встречаются понятия, производные от понятия «воцерковление», а именно «воцерковленность» и «воцерковленные верующие». Под воцерковленностью понимается культовое поведение (посещение богослужений, празднование религиозных праздников, участие в религиозных обрядах), а под воцерковленными – практикующие верующие, то есть реализующие культовое поведение. С нашей точки зрения, подобное отождествление рассматриваемых понятий значительно ограничивает полноту социологической интерпретации самого феномена воцерковления и производных от него. В целом, подводя итог анализу социологических моделей интерпретации понятия «воцерковление», можно сделать вывод, что данная социологическая категория нуждается в дальнейшей разработке. В рамках нашего исследования воцерковление определяется как процесс и как социальное действие, представляющие собой интеграцию личности в местную православную общину и обретение ею определенного статуса в системе церковных отношений.

Как показали результаты нашего исследования, процесс воцерковления молодых людей, их интеграция в церковную среду осуществляется за счет освоения ими четырех направлений религиозной активности: познавательной, литургической, аскетической, приходской. Познавательная религиозная активность православной молодежи представляет собой деятельность, направленную на познание основ и частных православных вероучения. Она выражается в религиозном самообразовании личности и ее профессиональном образовании в рамках церковных институтов. Основу данного вида активности составляет чтение текстов Библии (Священного Писания), святоотеческой литературы (трудов духовных

и церковных авторитетов, признанных Русской православной церковью), агиографической литературы, церковной литературы богословского, воспитательного и образовательного характера. Литургическая активность воцерковляющихся молодых людей выражается в их участии в общественных (будничных и праздничных) и частных богослужениях, в церковных таинствах, прежде всего исповеди и причастия, в различных церковных обрядах и церемониях. Аскетическая активность реализуется в частной молитвенной практике, в соблюдении поста, в нравственных саморефлексии и самовоспитании. Приходская активность реализуется в участии личности во внебогослужебной деятельности прихода (церковной общины).

Процесс воцерковления, церковной интеграции православной молодежи в современном российском обществе – длительный процесс. Начинается он с участия человека в таинстве крещения, которое в православной богослужебной практике совмещено с таинством миропомазания²², а заканчивается обретением им социального статуса в системе церковных отношений. В процесс воцерковления опрошенные респонденты вступили в разном возрасте – от младенчества до 13 лет, а стали воцерковленными в возрасте от 17 до 22 лет. При этом воцерковление опрошенных респондентов длилось по-разному – от 6 до 17 лет.

Необходимо отметить, что история христианской церкви знала времена, когда процесс воцерковления верующего человека начинался до принятия им крещения, предварялся практикой оглашения или катехумената (от греч. *κατηχησις* – оглашенный, получивший устное наставление), то есть религиозного просвещения и обучения, и заканчивался участием в таинстве крещения²³. Крещение должно было совершаться только после научения кандидатов тому образу жизни, который подобает желающим присоединиться к христианской Церкви – христианскому образу жизни. Поэтому классик христианской патристики Тертуллиан называет крещение «печатью веры» («*obsignatio fidei*»), указывая на то, что крещение – это уже завершение процесса принятия веры во Христа. После официального разрешения христианства в Римской империи в 313 г. стала увеличиваться практика крещения младенцев. Поэтому участие в таинстве крещения стало предшествовать религиозной проповеди и религиозному просвещению и ознаменовывать начало процесса воцерковления. Такая богослужебная практика сохранилась в Русской православной церкви до наших дней, и в современных социокультурных условиях российского общества процесс воцерковления православного верующего не заканчивается, а начинается таинством крещения.

Процесс воцерковления имеет две фазы: пассивную и активную. Пассивная фаза длится с момента крещения человека (формального изме-

нения религиозного статуса) до появления у него когнитивного интереса к православному вероучению и богослужению. С появления у молодых людей когнитивного интереса к православной религиозной традиции начинается активная фаза воцерковления, которая завершается обретением личностью места в церковном пространстве (сущностного изменения религиозного статуса).

Как показали результаты нашего исследования, пассивная фаза воцерковления характеризуется неосознанным, пассивным и формальным участием молодых людей в церковной жизни. В независимости от того, в каком возрасте молодые люди стали формально православными, все они отметили неосознанность своего поступка, либо вследствие младенческого возраста, либо вследствие отсутствия в себе необходимого основания для осознанного крещения – веры православному учению и намерения жить по нему:

Крестилась я в пятом классе или в шестом, но это было неосознанно. Мы жили в поселке, и к нам в поселок приехал батюшка. Слух пошел – надо креститься. Ну, надо так надо... Мама говорит, там батюшка приехал, давай покрестимся? Я говорю, давай. Даже не было никаких сомнений – все же должны быть крещеные (женщина, 23 года).

Пассивная фаза воцерковления молодых людей характеризуется отсутствием у них аскетического и приходского направлений религиозной активности и крайне эпизодическими проявлениями познавательной и литургической активности. Молодые люди отметили, что на первом этапе воцерковления не испытывали интереса ни к религии вообще, ни к православной вере в частности. Если посещали православный храм, то редко, формально, оказывая преимущественно послушание родителям или по любопытству, заодно с товарищами:

Я могла прийти в храм поставить свечку, а так чтобы таинство какое, исповедоваться, причащаться и все такое – такого не было (женщина, 17 лет).

Можно сказать, вообще не ходил в храм. Моментами только бывал, раз в год с мамой. Мама хотела, а нам как-то неловко было противиться туда идти. <...> То есть не осознавал еще (мужчина, 21 год).

На первом этапе основным институтом воцерковления молодых людей выступает их семья, а первичными агентами – преимущественно ближайшими родственниками, которые сами являются воцерковленными людьми или находятся в процессе активной фазы воцерковления. Ближайшие родственники, а чаще всего мамы и бабушки как первичные агенты воцерковления выполняют следующие функции: побуждают к принятию православного вероисповедования, осуществляют первичное знакомство с православным храмом, приучают к участию в церковных богослужениях, подают пример искренней религиозной

веры и активной церковной жизни, религиозно просвещают:

Сначала к вере пришла бабушка, и потом мама. Я помню, был такой момент, когда бабушка молилась на коленях возле иконки дома, и меня тоже заставила на колени встать, просто стоять перед иконой. Я же молитвы тогда не знала, мне было тогда, по-моему, 4 годика. И вот этот момент помню как первый и важный... Более осознанно подошла к этому, наверное, уже в 14 лет, когда стала осознавать, что к чему, то есть мама стала объяснять, она мне читала какие-то книги, меня заинтересовала, стала примеры приводить (женщина, 19 лет).

Дополнительными институтами воцерковления молодых людей на первом этапе являются институты церковного образования и воспитания, такие как православный спортивный кружок, детский православный летний лагерь, воскресная школа. Несмотря на существующие институциональные и организационные различия, эти институты осуществляют идентичные функции: организуют пространство общения для православной молодежи друг с другом и с Церковью (преподавателями, священниками, членами церковной общины), детский и юношеский досуг; обеспечивают условия для формирования дружеских и профессиональных связей молодежи в церковной среде; религиозно просвещают, образовательно воспитывают.

Таким образом, как показал анализ практик воцерковления молодых людей, пассивная фаза отличается неосознанным, пассивным и формальным участием молодежи в церковной жизни. Первичным институтом начального этапа церковной социализации современной молодежи выступает семья, а первичными агентами – родственники. В качестве вторичных институтов первого этапа воцерковления молодых людей можно назвать школу и учреждения дополнительного образования. Вторичными агентами воцерковления молодежи выступают знакомые, друзья, учителя, воспитатели, священнослужители и церковнослужители.

По данным нашего исследования, активную фазу воцерковления молодых людей отличает повышение уровня всех четырех видов их религиозной активности. Прежде всего, в рамках религиозного самообразования молодые люди обращаются к православной литературе. Зачастую на первом этапе поиск, а главное, выбор литературы для чтения осуществляется ими самостоятельно, без пастырского руководства, вследствие чего молодые люди зачастую выбирают литературу, не соответствующую по уровню сложности материала уровню их познавательной готовности:

Одна из первых книг, которую я приобрел, была книга Иоанна Дамаскина «Точное изложение православной веры». Но я ее прочитать не смог, потому что книга очень высокого уровня богословия. Я до сих пор ее полностью еще не прочитал.

Поэтому нужно советоваться со священником при выборе книги (мужчина, 17 лет).

Выбор литературы, содержание которой рассчитано на людей, имеющих высокий уровень знаний и значительный опыт христианской жизни, может привести к неправильному толкованию, а значит, и пониманию вероучительных вопросов или вызвать разочарование и понизить уровень интенсивности духовного поиска.

В активной фазе воцерковления происходит знакомство молодых с содержанием и смыслом православного общественного богослужения, правилами поведения в храме, они учатся исповедоваться и готовиться к причастию. В результате еженедельное участие в субботних и воскресных общественных богослужениях становится регулярной практикой молодых людей. Регулярность участия в общественных богослужениях и церковных таинствах исповеди и причащения признается молодыми людьми как необходимое и обязательное условие их религиозной жизни:

Я считаю, обязательно нужно исповедоваться и причащаться, если человек крещеный и считает себя православным христианином, то не реже раза в год – это точно, и в посты, конечно, нужно причащаться (мужчина, 17 лет).

Исповедь для молодых людей становится механизмом нравственного самоконтроля. Многие помнят первый свой опыт исповеди и отмечают, что в первый раз исповедоваться было психологически легче и проще, чем впоследствии, когда требовалось большего внутреннего напряжения, так как исповеди были более осознанными, глубокими, предполагающими более высокий уровень нравственной ответственности за совершенные проступки:

Сперва вообще нетрудно было исповедоваться. Наверное, особо не видишь какие-то грехи. Видишь же сначала поверхностные. А потом-то конечно! Потом как начнешь копать, и понимаешь, что не все так сладко (женщина, 21 год).

В процессе регулярного исповедования молодые люди адаптируют данную ритуальную практику, что позволяет им, с одной стороны, снизить уровень психологического напряжения, а с другой стороны, его сохранить. Респонденты обращали внимание на то, что, если они долго не посещали храм и не участвовали в богослужениях, то страх перед исповедью усиливался, а при возобновлении регулярности богослуженной практики снижался. В то же время полное отсутствие психологического напряжения при участии в таинстве исповеди оценивается молодыми людьми как проявление неправильного формального подхода к исповеди.

В активной фазе воцерковления начинается процесс формирования аскетической активности молодых людей. Во-первых, они учатся молиться. Постепенно молитва становится для них ежедневной практикой, и не только в рамках «утреннего» и «вечернего правила» – ежедневного

обязательного свода православных молитв для мирян, но и в обращении к Богу «во всех делах, во всех поступках, вообще в жизни». Респонденты отметили, что молитва является сложной практикой, но без нее полноценная религиозная жизнь настоящего христианина невозможна. Вторым важным направлением аскетической деятельности воцерковляющихся молодых людей является внутренняя работа над самим собой, включающая нравственную саморефлексию и самовоспитание сообразно христианской системе нравственных ценностей и социальных норм – христианских заповедей.

Приходская активность молодых людей, их участие во внебогослужебной жизни и деятельности определенной церковной общины, прихода становится обязательным элементом их религиозной жизни в активной фазе воцерковления. Для девушек она связана с их участием в организации деятельности воскресной школы, издательской деятельностью приходской газеты, социальным служением прихода. Приходская активность юношей реализуется в их помощи священнослужителям при подготовке к богослужению, в исполнении обязанностей пономоря, а впоследствии псаломщика и алтарника.

Как показали результаты нашего исследования, в активной фазе первичными агентами воцерковления молодых людей являются священники. Именно общение со священником становится поворотным пунктом в церковной интеграции молодого человека и определяет возможность перехода этого процесса от пассивной к активной фазе. Положительный первоначальный опыт взаимодействия со священником формирует основание для возникновения у молодых людей когнитивного интереса к православной вере и православной культуре:

Был такой человек, и по сей день он есть, сейчас служит, священник, зовут его отец Владимир, можно сказать, через него пришел к вере... Отец Владимир, он такой человек, словами нельзя передать. Есть люди, которые не располагают, просто не хочется с ними общаться, а с этим человеком просто хочется общаться и общаться бесконечно. Настолько мягкое сердце, что тянешься и тянешься к нему. Получается, что душа радуется, когда рядом с ним находишься. Как он говорит, особенно когда на службе. Однажды, когда он был дьяконом, я услышал, как он пел, как он читал, пронизывало до глубины души. И тогда начинаешь задумываться, а Бог-то он есть, что просто от человека не может так исходить (мужчина, 22 года).

Вспоминая свой первый и последующий опыт общения со священниками, молодые люди отмечали, что они встретили в их лице внимательных слушателей, рассудительных наставников, участливых и неравнодушных к их личным проблемам людей, а главное – пример христианского отношения и образа жизни. Именно священникам

принадлежит главная роль в оказании консультационной и эмоциональной помощи молодым людям в активной фазе их воцерковления так же, как она принадлежит близким родственникам в пассивной фазе этого процесса. Как первичные агенты церковной социализации священники осуществляют адаптационную, поддерживающую, просветительскую, наставническую функции.

Институтами воцерковления в активной фазе являются воскресные школы, курсы катехизации, в рамках которых осуществляется знакомство учащихся с основами православной веры, историей христианства и Русской православной церкви, аскетическим опытом и письменными трудами тех, кого Церковь признает в качестве учителей, Отцов Церкви, происходит теоретическое и практическое знакомство с православными таинствами, обрядами, ритуалами – литургической жизнью Церкви. Ядром церковного образования является воспитательный процесс – приобщение молодых людей к системе православных ценностей и развитие в них православной нравственности. Поэтому церковные общины стремятся организовать не только религиозное обучение детей и подростков, но и их досуг. Респонденты рассказывали, что в их воскресных школах проводятся праздничные мероприятия, осуществляются театральные постановки, организовываются совместно со взрослыми прихожанами паломнические поездки, проводятся тематические беседы и спортивные соревнования. Молодые люди отметили, что благодаря воскресной школе или православному летнему лагерю нашли себе друзей, узнали много нового и укрепились в вере.

Таким образом, в активной фазе воцерковления уровень религиозной активности православных верующих (познавательной, литургической, аскетической, приходской) возрастает. Первичным институтом второго этапа церковной социализации является церковный приход, а первичными агентами – священники. Вторичными институтами воцерковления второго этапа являются воскресные школы, курсы катехизации, летний православный лагерь, православное молодежное общество.

На этапе активного воцерковления молодые люди сталкиваются с различными трудностями, одни из которых носят внутренний психологический характер, другие – внешний социальный характер. Прежде всего, молодые люди обратили внимание на то, что в современном обществе очень сложно быть христианином по существу, то есть поступать по заповедям Христа, относиться к людям и их поступкам по-христиански:

Конечно, сложно. Потому что когда ты уже воцерковляешься, то уже надо всегда выбирать: или по вере, или нет. По-другому никак. Потому что любой поступок или так, или так. Поэтому всегда выбор во всех поступках. Это, конечно, сложно жить так: или себе – по кайфу, или по вере. Это самое сложное (женщина, 18 лет).

По мнению респондентов, пропагандируемые в современном российском обществе ценности находятся в противоречии с христианскими ценностями. Среди первых они выделили непочтение к старшим, неуважение к друг другу, жизнь в свое удовольствие:

Сейчас чаще всего молодые люди пьют, курят, ходят по клубам. Естественно, как религию можно с этим совместить?! А для того чтобы ходить по этим клубам себя надо оправдывать, и поэтому нельзя допускать, чтобы другие люди были религиозными. Нужно, чтобы вся масса ходила в клубы, чтобы самому человеку было спокойнее: а все ходят и я хожу, религиозных нет, и все нормально (женщина, 17 лет).

Поэтому в современном обществе особенно в молодежной среде воцерковленный человек является «белой вороной». Однако, по мнению игумена Нектария (Морозова), подобная социальная позиция воцерковляющегося молодого человека является показателем успешности его воцерковления. Он подчеркивает, что «жизнь христианина должна в корне отличаться от жизни людей, не знающих Бога»²⁴.

К трудностям социального плана можно отнести также неодобрение возрастающей церковной активности молодых людей со стороны их невоцерковленных родителей:

Родители сначала были очень рады, что я хожу в храм. Потому что помимо этого я еще и учился, все успевал и тренировался. Видно было, что я занят делом. Не на улице бегаю, не занимаюсь чем-то мрачным. Они видели положительную сторону. Но чем чаще я стал ходить в храм, тем им казалось, что надо знать меру в этом и не слишком углублять в веру, потому боялись, чего-то ... чего-то незнакомого, таинственного, и когда я стал часто ходить в храм, им, конечно, становилось тревожно (мужчина, 17 лет).

К психологическим трудностям активного этапа воцерковления молодых людей относятся завышенный уровень притязаний в духовной сфере, увлечение внебогослужебной деятельностью православного прихода в ущерб личной богослужебной и аскетической активности.

Значимыми факторами воцерковления молодых людей выступают: наличие в семье или их ближайшем окружении положительного примера искренней православной веры; заинтересованная, доброжелательная, инициативная, систематически активная, помогающая позиция агентов воцерковления; положительный опыт общения со священником.

Итак, подводя итоги анализа особенностей воцерковления православной молодежи, можно отметить, что в современном российском обществе процесс церковной интеграции православной молодежи представляет собой сложный, противоречивый и поливариативный процесс с заранее негарантированным результатом. Процесс воцерковления осуществляется поэтапно, в две фазы: пассивную и активную. Каждая фаза воцер-

ковления характеризуется определенным уровнем религиозной активности молодых людей. Пассивная фаза отличается неосознанным, формальным участием молодежи в церковной жизни. В активной фазе уровень религиозной активности православных верующих (познавательной, литургической, аскетической, приходской) возрастает. Успешность воцерковления во многом зависит от значимых других, в роли которых могут выступать ближайшие родственники, друзья, учителя, преподаватели, священнослужители. В значительной степени результативность воцерковления определяется уровнем ресурсного обеспечения этого процесса со стороны Русской православной церкви: наличием образовательных программ, институциональной организацией молодежного досуга и индивидуального приходского консультирования. Фактор индивидуальной активности молодежи в процессе ее воцерковления является решающим.

Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить д-ра социол. наук, профессора СГУ М. Э. Елютину и руководителя школы-студии глубинного интервью при кафедре социологии СГТУ канд. философ. наук И. Е. Штейнберга за помощь в обсуждении полученных результатов нашего исследования.

Примечания

- 1 См.: Кублицкая Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социс. 2009. № 4. С. 96–107.
- 2 См.: Каарияйнен К., Фурман Д. Е. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 103–119.
- 3 См.: Ипатова Л. П. Типы религиозного обращения в православие женщин в современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006.
- 4 См.: Воцерковление и катехизация в наше время. Интервью с архимандритом Иоанном (Экономцевым). 2007. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/212598.html> (дата обращения : 21.11.2011).
- 5 См.: Протоирей Владислав Цыпин. Русская Православная Церковь в советскую эпоху // История Русской Православной Церкви : Синодальный и новейший периоды. 3-е изд., испр. М., 2007. С. 360–635.
- 6 См.: Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. 2009. № 2 (100). С. 75 ; Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социс. 2001. № 7. С. 89–96 ; Хриенко А. П. Метаморфозы религиозно-нравственной детерминации современной молодежи // Социс. 2007. № 7.
- 7 Хабермас Ю. Вера и знание. Glauben und Wissen // Будущее человеческой природы: пер. с нем. М., 2002. С. 124–125.
- 8 Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. М., 2010. С. 4.
- 9 См.: Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования / под ред. И. Штейнберга. СПб., 2009.

- ¹⁰ См.: *Игумен Нектарий (Морозов)*. Беседы о воцерковлении. Саратов, 2010.
- ¹¹ См.: *Ткаченко А. А.* Воцерковление // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Московского и всея Руси. URL: http://www.pravenc.ru/text/155394.html#part_2 (дата обращения : 21.11.2011).
- ¹² См.: *Шиманский Г. И.* Литургия : таинства и обряды. М., 2003.
- ¹³ *Игумен Нектарий (Морозов)*. Что есть церковная жизнь и как на нее настроиться // Воцерковление.ru : [сайт]. URL: <http://www.vocerkovlenie.ru/index.php/vocerkovlenie/1258-2011-02-08-07-31-39.html> (дата обращения : 21.11.2011).
- ¹⁴ *Протоиерей Александр (Торик)*. Воцерковление для начинающих церковную жизнь. М., 2009. С. 3
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Игумен Петр (Мещеринов)*. Проблемы воцерковления // Киевская Русь. 2007. URL: <http://www.kiev-orthodox.org/site/churchlife/1484/> (дата обращения : 21.11.2011).
- ¹⁷ *Протоиерей Валериан (Кречетов)*. Воцерковление есть приобщение к преемству Церкви. Ч. 1 // Православие и современность. 2008. № 6 (22). URL: [http://www.eparhia-saratov.ru/index.php?option-com_content&task-view&id=5006&Itemid=3](http://www.eparhia-saratov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5006&Itemid=3) (дата обращения : 21.11.2011).
- ¹⁸ *Чеснокова В. Ф.* Тесным путем : процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005. С. 12.
- ¹⁹ *Игумен Нектария (Морозов)* Беседы о воцерковлении. С. 3.
- ²⁰ См.: *Алексеева М. С.* Воцерковленность как показатель религиозности // Социс. 2009. № 9. С. 97–102.
- ²¹ См.: *Синелина Ю. Ю.* Воцерковленность и суеверное поведение жителей Ярославской области // Социс. 2005. № 3. С. 96–107 ; *Синелина Ю. Ю.* Динамика воцерковления // Социс. 2006. № 11. С. 89–97.
- ²² См.: *Протопресвитер Николай Афанасьев*. Вступление в Церковь. М., 1993.
- ²³ См.: *Тальберг Н. Д.* История христианской Церкви. М., 2008.
- ²⁴ *Игумен Нектарий (Морозов)*. Беседы о воцерковлении. С. 26.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.334.2

СТРУКТУРА И ТИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. А. Алексеев

Саратовский государственный университет
E-mail: alekvladi@yandex.ru

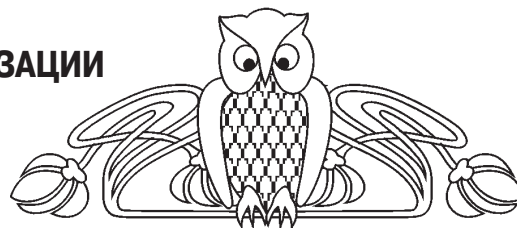
В статье исследуются основные подходы, сложившиеся в социологии как науке и связанные с изучением формирования структуры социальной организации и разнообразия ее типов, а также особенности, с помощью которых организация выступает как социальное явление. Продемонстрированы основополагающие взаимосвязанные признаки и свойства социальной организации.
Ключевые слова: системный и ситуативный подходы, социальная организация, структура, типы.

Structure and Types of Social Organization in Conditions of Modern Russia

V. A. Alekseev

The article presents an analysis of basic methods in sociological science which are related to studying the formation of social organization's structure and the variety of its types and also an analysis of specific features which an organization needs to possess in order to become a social phenomenon. There were also demonstrated basic interrelated attributes and properties of social organization.
Key words: systematic and situational methods, social organization, structure, types.

В современной литературе существует много работ, посвященных исследованию природы со-

циальной организации. По ходу рассмотрения данной тематики необходимо будет обратиться к некоторым из них. Только следует отметить, что основополагающие работы, с комплексным анализом организации, были написаны Д. М. Гвишиани¹.

Деятельность организации предполагает ее упорядоченность, и в этом смысле организация жизнедеятельности системы означает ее самоуправление совместно с самоорганизованностью. В социологии управления концепция самоорганизованности разрабатывается в рамках закона синергии, основанного на изучении взаимосвязи порядка и хаоса. Смешанные системы преодолевают хаос, приходят в состояние порядка под воздействием внешних факторов, связкой с другими системами, требований и установок систем более высокого порядка, в которые они входят как подсистемы. Однако в упорядоченное состояние система может прийти и за счет внутренней согласованности и сотрудничества элементов, дополняющих друг друга в своей деятельности, за счет синергизма.

На сегодняшний день можно говорить о нескольких подходах к исследованию организации, сложившихся в науке.

В качестве наиболее признанного подхода необходимо рассмотреть ситуативный или ситуационный подход². Его основу можно представить как попытку оценить организацию, ее полезность и эффективность, исходя из конкретной ситуации и условий. Соответственно этому подходу, нет идеальных организаций, успешных во всех отношениях и пригодных для решения любых задач. «Хорошая» организация – это такая организация, которая хорошо вписывается в состояние «здесь и сейчас».

Системный подход, классифицирующий организацию как совокупность частей, элементов, которые в единстве дают качественно новое состояние, позволяет исследователю не только анализировать организационную ситуацию, но и перейти к построению модели. Данный подход ни в коем случае не ограничивается рамками теории систем, он, опираясь на систему знаний, продуцированных другими науками, способствует выходу на возможные пути оптимизации функционирования организации.

В то же время важно отметить, что для исследования организации сегодня активно привлекаются знания, полученные социологией конфликтов, индустриальной социологией, математическим моделированием социальных систем и синергетикой. Исследование организаций с помощью системного подхода представлено работами Г. П. Щедровицкого³, А. И. Пригожина⁴ и др.

Понятие «организация» обозначает содержание деятельности по упорядочению взаимодействия людей, по направлению их усилий в определенное русло. В этом смысле говорят, например, об организации деятельности группы школьников, которые вышли на уборку территории школы в качестве участников субботника по очистке города.

Несколько иное значение придается понятию, когда говорят об организации процесса, например, когда заведующий учебной частью рассказывает об особенностях организации учебного процесса или практической работы школьников.

Другая особенность понимания термина «организация» связана с упорядочением взаимодействия нескольких компаний, например, по добыче сырья, его доставке на предприятие, производству какого-либо товара и обеспечению потребностей клиентов в этом товаре; ясно, что организация сольватации конкретных людей в процессе решения какой-либо проблемы и организация взаимосвязи компаний по определенной целевой программе требует от организаторов знаний, умений и навыков, находящихся на разных уровнях, а их деятельность наполнена разным содержанием. Термин «организация» используется в одном и том же смысле, характеризующем определенный вид деятельности по поддержанию взаимодействия людей, занятых решением какой-то задачи.

То же происходит с применением понятия «организация» при характеристике деятельности

особой группы специалистов, которые заняты обеспечением достижения определенных целей и в промышленной компании. Тогда организация взаимодействия людей в бригадах, цехах и отделах управления завода требует вполне конкретных знаний и умений у организаторов производства.

Организации рассматриваются как целевые социальные системы. Достижение цели является конечным результатом их деятельности. Только для реализации цели организации необходимы управление, разделение труда и иерархическое построение. С. С. Фролов предлагает следующее определение организации: «Организация – это социальная группа, ориентированная на достижение взаимосвязанных специфических целей и формирование высокоформализованных структур на основе специализации или разделения труда»⁵.

Отечественный исследователь В. И. Франчук считает, что социальная организация – это относительно устойчивая социальная целостность с разумным поведением. При этом разумное поведение означает способность организации выявлять и удовлетворять свои потребности или решать свои проблемы⁶.

В границах данной тематики необходимо использовать термин «организация» в первую очередь для обозначения объединения людей в определенных целях, находящегося в стационарном состоянии, добавляя при этом, что организации возникают тогда, когда достижение каких-либо общих целей осуществляется через достижение индивидуальных целей.

Члены общества объединяются в организацию, предположим, для производства продукции, способной удовлетворить определенные потребности клиентов, и вырученные за счет реализации продукции средства распределяются между членами организации (участниками производства), которые, в свою очередь, направляются ими для достижения своих целей, удовлетворения своих потребностей. Конфигурация в данном примере, разумеется, сильно упрощена, и сделано это исключительно для того, чтобы от «простого» впоследствии идти к более «сложному» в характеристике организации.

Наряду с этим необходимо заметить, что организация как объединение людей по целям возникает не только для производства продукции, но и для оказания услуг: по логистике и складированию, по обеспечению его целостности и невредимости и т. д. Все вышеобозначенные услуги касаются производства и реализации товара. Но термин «организация» охватывает и объединения людей, имеющих дело с востребованными в обществе услугами: деятельность по оказанию медицинских, юридических, образовательных услуг и т. д.

Значительно более специфики, в отличие от организации в сфере производства, в объединении людей в политические или общественные организации. По внешним показателям политическая организация мало чем отличается, например, от

сталелитейного завода: цель, вокруг которой организованы работники, организационная структура, должностные обязанности, соподчиненность, субординация и т. д., а отличается только производимой продукцией и формами взаимодействия в процессе производства.

В советской и российской литературе, когда речь идет об организации, в основном говорится о производственной организации. В большинстве работ в обсуждаются проблемы производства материальных благ, а работ, посвященных проблемам функционирования организаций негативного характера («аффилированные» организации), значительно меньше.

Каким образом организация представляет собой социальное явление?

Во-первых, социальную организацию необходимо отличать от биологической, так как в ней есть поставленная цель, которая вырабатывается сознательно, а также обеспечивается взаимодействие людей для достижения этой цели. Для целедостижения люди самоорганизуются, входят в определенные отношения между собой, формируя таким образом социальную систему. Исходя из этого, социальная организация – это, прежде всего, социальная система. В этом случае четко прослеживается совокупность взаимодействующих социальных групп и отношений между ними, возникающих в процессе деятельности по достижению намеченной цели.

Во-вторых, социальный эффект, который люди получают в результате слияния в организацию, при взаимодействии сотрудников в организации порождает силу, обладающую следующими характеристиками:

- несет в себе абсолютно иную природу, чем сила отдельного индивида;
- данная сила и есть «социальное», которое, преобразовываясь в самостоятельную силу, начинает затем управлять поведением людей, объединенных в данной организации, которые ее и создали;
- она намного больше, чем сумма сил отдельных индивидов (учитывая, что еще большему увеличению этого эффекта способствуют специализация, разделение труда и кооперация);
- на предприятии можно регулировать такую силу, ей возможно придать вектор направления, так как с ее помощью можно созидать и разрушать созданное, потерять достигнутое, в том числе и само объединение.

Очевидно, что практически все организации находятся в конкретной среде под влиянием самых разнообразных факторов внешнего характера, которые обозначают условия жизнедеятельности данной среды. Социум как сложнейшая социальная система более высокого порядка представляет для социальной силы организации внешнюю социальную среду и внешнюю социальную силу. В этом случае требуется ограничиться рассмотрением «социального», характеризуемого

внутренними правилами организаций. «Социальное» на уровне социума не есть совокупность «социального» самостоятельных организаций. Здесь рассматривается процесс с явлениями, имеющими неодинаковое качественное состояние и подчиняющимися разным законам обеспечения, поддержания и развития.

В-третьих, необходимо отметить, что каждая организация обладает своей социальной структурой. Как пишет величайший ученый второй половины XIX в., один из основоположников научной административной (классической) школы менеджмента Анри Файоль, любая организация состоит из двух частей: материального организма и социального организма. В своей книге «Общее и промышленное управление» он придает исключительное значение различным аспектам проблемы организации⁷. Важнейшая проблема управления организацией – постоянное поддержание ее результативного функционирования. Файоль находил решение этой проблемы в том, чтобы предоставить соответствие социальной и материальной структуры организации ее цели, ресурсам и потребностям.

Социальная структура организации – это комплекс социальных групп и их взаимоотношений, возникающих в процессе взаимодействия по реализации цели организации.

Социальная структура социума и социальная структура организации вплотную взаимосвязаны. Правда, в полной мере они никогда не совпадают из-за того, что между ними много одинакового.

Взаимодействие социальных групп в организации базируется преимущественно на социально-классовых отношениях, господствующих в обществе в целом. Одновременно эти отношения имеют свои своеобразные особенности. Социально-классовые отношения, действующие в обществе, не формируют упрощенного множества отношений, находящихся в организации. И несмотря на это, социальные группы в организации и отношения между ними одновременно присутствуют и в обществе.

Связи между социальными группами в организации выражаются различными формами:

- воздействия на порядок разделения обязанностей и средств, на возможность «участия в финансовых прибылях», на систему обеспечения соответствия «результат»–«бонус»;
- познания должностной иерархии при процедуре реализации своих служебных функций в организации;
- межличностных взаимоотношений, проявляемых на самых разных уровнях и т. д.

В-четвертых, организация существует и активно действует в обществе (в социальной государственной системе).

Общественность как социальная система от организации совсем не абстрагируется. Организация постоянно находится внутри границ какой-либо территории социальной общности,

имеющей свои отличительные особенности, что не может не сказаться на качественном составе сотрудников организации и на всех направлениях ее жизнедеятельности. В данном случае речь идет о городских и сельских поселениях разного типа: крупный город, средний город, малый город, рабочий поселок, поселок городского типа, большие и малые деревни, пригородные поселения, городские агломерации, поселения в аграрных или индустриальных районах, поселения в зонах отдыха и т. д. Специфика каждого типа поселения накладывает определенный отпечаток на действующие организации в данном поселении.

Помимо климатических и природных условий система расселения населения и социально-территориальная общность, в том числе и определенный тип поселения, оказывают воздействие на организацию:

- по полу и возрасту населения;
- по уровню своего социально-экономического развития;
- по уровню образования и социально-профессиональному составу населения ;
- по количеству и качеству рабочей силы;
- по религиозным и национальным традициям;
- по степени развития культуры.

В то же время и сама организация существенно влияет на развитие инфраструктуры поселения. Создание производственных организаций на малонаселенной территории, например, приводит к полному вымиранию нескольких сельских и формированию крупных городских поселений. Одна из открытых демонстраций влияния организации на интенсивное развитие территориальных образований – это проблемы монофункциональных и полифункциональных поселений, так как это приводит к сильной деформации городской инфраструктуры, трансформации структуры населения по полу и т. д. со всеми последующими осложнениями.

В-пятых, организация обладает своей индивидуальной оргструктурой, которая создается сознательно, с целью поддержания и развития результативного функционирования. Анализируя социальный организм производственного предприятия, Файоль говорит, что «... между социальным организмом простейшего предприятия, где все функции выполняются одним человеком, и социальным организмом национального предприятия, где заняты миллионы индивидов, располагается ряд всевозможных промежуточных форм»⁸.

Цель и структура – это два основных элемента, образующие фундамент системы жизнедеятельности организации, от них напрямую зависит качество и количество нужных результатов, на получение которых с ее помощью рассчитывают сотрудники организации.

В-шестых, организация живет и функционирует в социальном пространстве. Каждая организация – это социальное пространство в социальном мире высокого уровня.

Для того чтобы описать социальное пространство, сформированное организацией, нужно представить социальный мир в форме многомерного пространства, устроенного, как пишет французский социолог Пьер Бурдьё, по принципам распределения и дифференциации, созданным суммой действующих свойств в исследуемом социальном универсуме⁹.

Связь людей в рамках пространства, занятого организацией, основанной для достижения целей по удовлетворению их потребностей, выстраивания отношений между ними по поводу их положения в оргструктуре, для соответствия процентов получаемых благ сотрудником его вкладу в общее дело организации, приводит к формированию пространства новой природы – социальных отношений. Состояние человека в этом пространстве у Бурдьё складывается из его позиций в разных сферах благ, доходов, капиталов и в степени власти над ними.

Таким образом, разнообразие взаимодействующих организаций, находящихся в разных сферах и в отношениях между собой по поводу своего положения в этих сферах, создает социальное пространство социума, в котором они существуют. Данное социальное пространство несет в себе уже другую качественную детерминированность по сравнению с тем, какова исключительная специфика пространства, сформированного конкретной организацией.

В-седьмых, любая организация является безусловной системой корпоративных (духовных) ценностей с социокультурной целостностью и набором символов.

Определенным фактором, содействующим созданию социокультурной целостности организации, выступает ее социально-демографическая структура. Ясно, что каждая группа работников, отличающаяся по возрасту и полу, имеет свои особые потребности, интересы, запросы, которые отражаются на их представлениях о своей роли, месте в социально-профессиональной и социально – квалификационной структуре организации, в жизнеобеспечении организации в целом. На этих представлениях строится их видение и понимание своего места в системе вклада в дело организации, степени соответствия получаемых благ этому вкладу, что во многом формирует отношение к своим обязанностям и к организации в целом.

Рассматривая основополагающие признаки феномена организации, А. И. Пригожин показывает в известной своей работе¹⁰ разработанную им таблицу:

Самое заметное достоинство схемы в рамках данной темы заключается в том, что автор смог продемонстрировать взаимосвязь признаков и свойств организации.

Как видно из таблицы, организация строится на системе целей. Очень важно создать такую систему взаимодействия разных процессов, чтобы достижение одной цели выступало в качестве

Основополагающие взаимосвязанные признаки и свойства организации

Признаки \ Свойства	Социальный инструмент	Человеческая общность	Безличная структура
Цели	Цели-задания	Цели-ориентации	Цели-системы
Иерархия	Централизация	Личная зависимость	Власть
Управление	Целевое управляющее воздействие	Самоорганизация	Организационный порядок

средства достижения другой. Только путем построения иерархии возможно достижение целей. Но успешная работа иерархии, в свою очередь, предполагает эффективную систему управления и самоуправления.

Здесь все признаки и свойства организации органически связаны с единым для всех организаций качеством – управления и самоуправления, что и делает организацию в конечном счете организацией.

Следовательно, социальную организацию можно анализировать как систему способов (манер) деятельности индивидов, подгрупп и институтов, методов социального контроля, социальных ролей и систем ценностей, которые поддерживают совместную жизнь индивидуумов социума, гармонизируют их действия, стремления и желания, устанавливают разрешенные пути удовлетворения потребностей, помогают разрешить социальные конфликты и сложные проблемы, появляющиеся при активной жизнедеятельности организации.

УДК 316.334.2

**ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД
В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ВОЕННЫХ КАДРОВ**

О. Ю. Быстрыков

Саратовский государственный университет
кафедра социологии регионов
E-mail: oleg.b.1212@yandex.ru

В статье рассматриваются такие аспекты, как понятие инновационной армии и собственно инновации. В центр затрагиваемой проблематики ставится «военный профессионал», на которого и делается акцент при рассмотрении инновационной армии, анализируется факт введения приказа о поощрении физической подготовки военнослужащих и предлагается балльная система оценки выполнения военнослужащими своих должностных обязанностей.

Ключевые слова: инновация, инновационная армия, саморазвитие, система оценки работы военнослужащих.

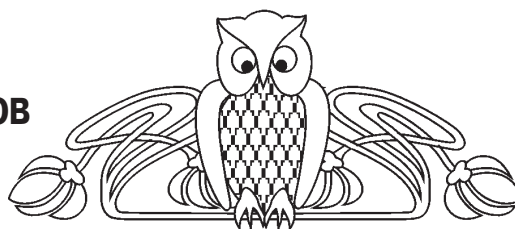
Innovative Approach to Improving the Military Personnel

O. Yu. Bustrayakov

In the article the author considers such aspects as the concept of the innovative army and innovation in general. Focuses the concerned

Примечания

- 1 См., например: *Гвишиани Д. М.* Организация и управление. М., 1972. С. 187–212.
- 2 См.: *Шерман Х. Д., Б. А. Бэбкок, Дж. Мазулло.* Три модели корпоративных отношений // Корпоративное управление и права акционеров. М., 2002. С. 57.
- 3 *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М., 1995.
- 4 *Пригожин А. И.* Методы развития организаций. М., 2003.
- 5 *Фролов С. С.* Социология организаций. М., 2001. С. 14.
- 6 См.: *Франчук В. И.* Основы общей теории социального управления / Институт организационных систем. М., 2000.
- 7 См.: *Fayol H.* General and Industrial Management. Los Angeles, 1916.
- 8 Ibid. P. 87.
- 9 См.: Социоанализ Пьера Бурдьё : Альманах российско-французского центра социологии и филологии Института социологии РАН / отв. ред. Н. А. Шматко. СПб., 2001.
- 10 *Пригожин А. И.* Социология организации. М., 1980. С. 71.

problem on «military professional», analyses the fact of putting into operation of the military order to encourage physical training of servicemen, and suggests the scoring methods for performance of duties by the servicemen.

Key words: innovation, innovative army, self-development, evaluation system of work of servicemen.

В последнее время все чаще поднимаются темы инновационной армии, необходимости ее создания в России. Чем она принципиально отличается от традиционной? В первую очередь, инновационная армия предполагает резкое наращивание боевых возможностей, многовариантность применения в пространстве и времени, расширение (в том числе и территориальное) боевых и связанных с ними задач, включая во-

енно-политические. Инновационная армия и обеспечивающие ее деятельность структуры, такие как оборонно-промышленный комплекс, военно ориентированные исследования и разработки и т. д., обладают новыми свойствами и качествами. Причем не только по своему военно-техническому оснащению и «облику», но и по организации и управлению, представлениям о военном искусстве и параметрах военной деятельности, характеру выполняемых персоналом задач. Речь идет о качественном преобразовании всех технологий в сфере военной деятельности и национальной безопасности в целом¹.

В своем докладе на Госсовете РФ 8 февраля 2008 г. «О стратегии развития России до 2020 года», говоря о необходимости новых подходов к военному строительству, Президент России Владимир Путин сказал: «... Роль человеческого фактора здесь как никогда высока. Нам необходима, если угодно, инновационная армия, где к профессионализму, техническому кругозору и компетентности военных предъявляются требования принципиально иного, самого современного уровня. Для этого необходимо серьезное повышение престижа военной службы. Дальнейшее увеличение денежного довольствия военнослужащих, укрепление их социальной защиты, действенное решение проблем с жильем. Для укрепления национальной безопасности в целом необходима новая стратегия строительства вооруженных сил до 2020 года. С учетом современных вызовов и угроз интересам нашей страны»².

Полностью одобряя эти положения и учитывая, что армия – очень своеобразный и сложный элемент нашего общества, можно сформулировать несколько важных тезисов.

Во-первых, военное строительство – это процесс, и процессные инновации означают новые методы (новые технологии) его организации.

Во-вторых, для процесса национального военного строительства важно не искать и выдумывать принципиально иные методы работы или, что еще хуже, пытаться привносить в нашу армию чуждые по духу и сути зарубежные военно-строительные изыски (типа кампании ее «поголовной профессионализации»).

В-третьих, необходимо тщательно и скрупулезно изучить тысячелетний опыт истории России и ее армии и найти в нем отработанные веками, эффективные и необходимые нам сегодня, инновационные методы и способы решения этой задачи, закрепить их в новой правовой базе и применить в государственной практике.

В-четвертых, история всех войн и армий мира убедительно доказывает, что вложение в человека в погоне в конечном счете всегда важнее вложения в оружие, поэтому при всей важности технических аспектов и компонентов Вооруженных сил главное направление становления армии России нового инновационного образца – формирование

принципиально нового качества ее офицерского корпуса.

В-пятых, необходимо отметить, что правда жизни заключается в том, что, несмотря на заметное усиление внимания руководства государства к проблемам армии, никаких существенных сдвигов в уровне ее собственно военного, экономического и морально-психологического состояния пока еще не произошло³.

Существующая многовариантность понимания проблематики инноваций в военной сфере приводит к еще большему количеству вариантов ее решения. Охватить всю сущность инновационной военной среды невозможно, поэтому автором предлагается рассмотрение конкретного направления – инновации военных профессионалов. Выбранное направление не случайно. Следует отметить, что как только берется курс на инновации, в умах людей зарождается ассоциация в первую очередь с какими-то механизмами, методами, методиками. Но чтобы плодотворно работать и существовать рядом с этими новшествами, необходим человек – профессионал, который и будет направлять и координировать выполняемое действие. Отсюда и акцент именно на военных профессионалов, в свою очередь, тоже совершенствующихся в новых областях, не останавливающихся на пути саморазвития.

Самостоятельная подготовка офицеров должна стать неотъемлемой частью их боевой и оперативной подготовки, а также повседневной жизни офицерских собраний в частях и гарнизонах. Она должна иметь вид обязательной и плановой работы, контролируемой, планируемой, оцениваемой и поощряемой вышестоящими штабами и высшими военными учебными заведениями. Эти инстанции обязаны формировать с этой целью соответствующие творческие планы, которые могут включать в себя как рефераты по гуманитарным дисциплинам, публицистическим и военно-историческим источникам, тематические обзоры отечественных и зарубежных СМИ и Интернета, так и описание реального боевого опыта, опыта проведения учений, воспитательной работы и т. д.

Кроме того, сам институт офицерских собраний частей должен быть использован в качестве школы обязательного профессионального самообразования офицеров, а успехи самообразования должны отмечаться в их аттестациях.

Важной частью самостоятельной подготовки офицера должна стать его научная работа в соответствующих аспирантурах и докторантурах⁴.

Чтобы офицер мог эффективно заниматься собственным профессиональным совершенствованием, необходимо создать и иметь в любом гарнизоне армии соответствующие библиотеки и терминалы для доступа в единую, в том числе и компьютерную, национальную сеть военных (общегражданских) библиотек.

Примером серьезного отношения к своей самостоятельной подготовке должен стать высший

командный состав Вооруженных сил России, каждый член которого обязан лично разрабатывать определенный круг военно-научных тем и курировать определенные области военных наук.

Представляется необходимым подчеркнуть, что военно-научная работа должна активно вестись не только в штатных структурах Генерального штаба и военных учебных заведениях, но и в общественных организациях, независимых экспертных структурах и учреждениях, и подкрепляться деятельностью (еще не созданного) независимого общественного военного экспертного совета, курируемого Советом безопасности или даже Президентом России. Таким образом, серьезная научная работа окажется успешной только в том случае, если будет существовать централизованное управление военной наукой.

На данном этапе строительства и модернизации нового облика армии принимаются меры для стимулирования личностного роста и развития специалистов вооруженных сил. Первым серьезным шагом в этом направлении стало принятие Приказа министра обороны Российской Федерации от 26 августа 2010 г. № 1115 «Об установлении ежемесячной надбавки военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, за квалификационный уровень физической подготовленности, выполнение (подтверждение) спортивных разрядов по военно-прикладным видам спорта и наличие спортивных званий по любому виду спорта». Согласно этому приказу, военнослужащие, выполнившие (подтвердившие) соответствующий квалификационный уровень физической подготовки, получают соответствующую ежемесячную процентную надбавку от 50 до 300% оклада по воинской должности⁵. Естественно, что военнослужащие, до сих пор занимающиеся спортом для себя, теперь будут иметь еще и материальный стимул заниматься спортом для своей службы. Ни для кого не секрет, что люди ассоциируют военного с физическим развитием и выносливым человеком. О каком же росте престижа профессии военнослужащего можно говорить, если половина будущих офицеров, а ныне курсантов, не смогут даже подтянуться. Таким образом, после вступления в силу приказа № 1115 решаются две задачи – военнослужащие приводят в порядок свою физическую форму и одновременно повышается обороноспособность страны, растет престиж профессии.

Однако для обороноспособности страны мало одной физической подготовки офицеров, здесь немаловажную роль играют и такие показатели, как интеллект, аналитические способности и, как ни странно, креатив. Чтобы считаться профессионалом, военнослужащий не только должен хорошо выполнять свои непосредственные обязанности, но и расширять кругозор, что в дальнейшем может послужить фундаментом развития военного искусства в целом. Любой специалист должен быть разносторонне развит, это поможет даже в экс-

тренной ситуации принять правильный алгоритм действий. Естественно, что загруженность военнослужащих достаточно велика, чтобы отдавать много сил параллельным знаниям, а подчас они и не стремятся «загружать» себя дополнительными занятиями. В данном случае необходима мотивация, которая пойдет на пользу военнослужащим и поможет выполнению профессионального долга. Если ввести балльную систему оценки деятельности военных, можно получить огромную отдачу для всей военной организации в целом.

Суть этой системы в следующем: все свои идеи по развитию военной науки военнослужащие будут представлять в виде собственных методических разработок, за которые предусмотрены баллы. Помимо методичек это могут быть собственные макеты бесед, личных планов и т. п. Все личные разработки следует обсудить на военных собраниях, коллективно доработать, если это требуется, и решить вопрос о возможности реализации наиболее удачных, актуальных и необходимых. Автор «светлой идеи» удостоивается поощрения, присвоения определенного количества баллов. Посредством набора баллов должна существовать возможность какой-либо их материализации, которую предлагается осуществить в виде присвоения уровня классности специалиста. Военные специалисты с более высоким уровнем классности будут на заметке у руководства, это поможет командованию гораздо оперативнее решать текущие вопросы, а также находить новые пути преодоления возможных негативных последствий событий, происходящих в стране. Таким образом, предлагаемая система поможет в стимулировании военнослужащих к самосовершенствованию и самореализации, а также в поиске «светлых идей».

Как показывает практика и многолетний опыт развития общества, самые абсурдные на первый взгляд идеи в конечном итоге оказывались наиболее жизнеспособными и актуальными. Просто необходимо их отыскать и не упустить.

Балльная система оценки самостоятельной работы хорошо зарекомендовала себя в гражданской жизни. На ней строится сейчас с самых ранних ступеней развитие маленьких граждан страны. Это собственные наработки, а проще говоря – портфолио, которое ребенок уже с детского сада начинает собирать по крупицам и дополняет на следующих стадиях своего развития. Портфолио позволяет развить собственные творческие таланты и составить представление о человеке. Если внедрить данную систему в военную среду, можно предотвратить потери стратегически мыслящих людей, способных быть нужными в решении проблем инноваций в армии, а это, несомненно, будет полезно высоким руководителям, в частности непосредственным вышестоящим командирам и верховному главнокомандующему. Также и для военнослужащего возможность раскрыться, поделиться стоящими идеями может обернуться стабильностью его службы. Находясь

на хорошем счету, такие специалисты будут подниматься по карьерной лестнице, достигая поставленных целей, не боясь оказаться «за бортом» военной жизни.

При этом необходимо отметить, что одним из самых негативных факторов современного военного строительства является отсутствие реальных и эффективных механизмов оценки предлагаемых теоретических исканий и претворения их в жизнь.

На этом пути существует несколько основных препятствий:

– во-первых, в Министерстве обороны и даже в Генеральном штабе не существует механизмов, способных профессионально и стратегически верно оценивать и анализировать предлагаемые им экспертные исследования общестратегического характера, а также выносить по ним свое профессиональное корректное суждение;

– во-вторых, лица, принимающие основные решения, с носителями идей и авторами теорий лично не встречаются, а значит, зависят от мнения своих некомпетентных исполнителей;

– в-третьих, практика принятия сущностных решений путем бессмысленных и бесконечных согласований порочна сама по себе, так как приводит любое решение или теорию к своей полной противоположности и снимает всякую персональную ответственность со всех участников этих решений;

– в-четвертых, никто не отвечает за реализацию решения целиком и не отслеживает ход их исполнения в плановом и ежедневном режиме.

Для того чтобы российская военная мысль вышла из сегодняшнего состояния «комы», необходимы серьезные институциональные изменения в системе национальной военной науки.

Очень серьезный фактор – лимит времени. Разумеется, мир не будет стоять на месте в своем научно-техническом развитии, в том числе и в сфере военных инноваций. Поэтому необходимо как можно своевременнее и полнее осваивать нововведения, чтобы идти в ногу со временем. Тем не менее инновации в военной сфере не-

исчерпаемы. Непредсказуемость их развития и применения становится все выше, при этом зачастую военные инновации пагубно влияют на все жизненные процессы.

Современная инновационная армия России в любом случае необходима. Именно для того, чтобы не воевать и сохранить не только значительные средства, но и стабильные условия для развития страны, человеческие жизни. Сильная (даже избыточно сильная) армия – это мощный стабилизатор, фактор сдерживания агрессора, консолидации государства и общества, важнейшая государствообразующая структура. И она в итоге окажется дешевле, чем ликвидация последствий, возможных в случае внешней агрессии (или угрозы таковой), силового давления по отношению к слабой России.

Примечания

- 1 См.: Казеннов А., Кумачев В. Инновационные вооруженные силы? Фонд исторической перспективы. URL: <http://www.perspektivy.info> (дата обращения : 24.10.2011).
- 2 Путин В. Доклад на Госсовете РФ 8 февраля 2008г. «О стратегии развития России до 2020 года». URL: <http://www.edu.ru> (дата обращения : 11.02.2008).
- 3 См.: Владимирцов А. Об инновационных Вооруженных Силах России, национальной военной мысли, военной науке и профессиональном военном образовании // Независимое военное обозрение. 2010. № 8. С. 14–16.
- 4 См.: Казеннов С. Армия на поле реформ – кадры решают все // Независимое военное обозрение. 2011. № 4. С. 25.
- 5 См.: Приказ Министра обороны Российской Федерации от 26 августа 2010 г. № 1115 «Об установлении ежемесячной надбавки военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, за квалификационный уровень физической подготовленности, выполнение (подтверждение) спортивных разрядов по военно-прикладным видам спорта и наличие спортивных званий по любому виду спорта» // Рос. газ. Федер. вып. 2010. 24 сент.

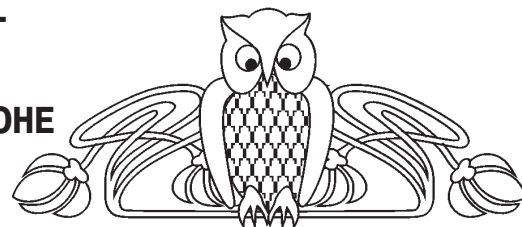
УДК 316.482.5 (470.44)

ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТОВ В РЕГИОНЕ

В. В. Мосина

Саратовский государственный университет
E-mail: vitel@pochtamt.ru

В статье рассматриваются особенности реализации этнической политики Саратовской области. Особое внимание уделяется роли областной целевой программы «Национально-культурное

развитие народов Саратовской области» в гармонизации межэтнических отношений в регионе.

Ключевые слова: этническая политика, концепция национальной политики, областная целевая программа, национально-культурные объединения.

Ethnic Politics as a Tool for Preventing Interethnic Tensions and Conflicts in Region

V. V. Mosina

This article is devoted to an implementation of ethnic policies of the Saratov region. Particular attention is paid to the role of the regional target program «The national-cultural development of the ethnic of the Saratov region» in the harmonization of interethnic relations in the region.

Key words: ethnic politics, concept of national policies, regional target program, national-cultural associations.

Этнический состав населения Саратовской области представлен 135 этносами. Русские составляют более 85% населения, остальные – это представители и российских, и зарубежных народов¹. Такой сложный состав населения, когда каждая этническая группа, будучи органически составной частью общества, в то же время имеет свои самобытные черты и культуру, определяет межэтнические отношения как один из основных элементов в системе общественных отношений региона. Стабильность межэтнических отношений во многом зависит от региональной этнической политики, от целесообразности ее практических шагов.

В Саратовской области первым программным документом, обобщающим опыт политической практики, конструирующим и систематизирующим цели и задачи этнической политики региональной власти, стала «Концепция национальной политики Саратовской области», утвержденная правительством области в мае 1997 г.² Концепция представляла собой адекватную попытку решения насущных проблем в сфере межэтнических отношений. Определив стратегию региональной государственной политики в долговременной перспективе, Концепция подготовила почву для дальнейших конкретных разработок.

Продолжением работы, осуществляемой правительством области, депутатами областной думы, Общественной палатой, муниципальной властью совместно с этническими общностями, стали разработка и реализация областных целевых программ «Национально-культурное развитие народов Саратовской области». Для их подготовки была создана представительная и компетентная комиссия во главе с губернатором области. В состав комиссии вошли руководители министерств и ведомств областного правительства, научные сотрудники ведущих вузов Саратова, представители муниципальной власти, а также общественных объединений и этнических организаций, средств массовой информации, деятели культуры и религии.

Исходя из положительного исторического опыта межэтнических отношений в регионе, программы создавались как инструмент комплексной и целенаправленной этнической политики областной власти. Система конкретных программных

мер по регулированию жизни этнических групп базировалась на подходе, предусматривающем преемственность, последовательность и поэтапность в реализации мероприятий. В основе программ лежит принцип единства традиций и новаций, системности, комплексности принятия решений в сфере этнокультурного развития полиэтнического и многоконфессионального населения области.

Разработчики целевых программ исходили из понимания того, что этнические проблемы неразрывно связаны с другими проблемами регионального общества – экономическими, социальными, политическими, культурными, духовными. В практическом плане программы представляют собой систему мер, направленных на возрождение и дальнейшее развитие этносоциальной сферы общественной жизни полиэтнического населения области.

Целевые программы начиная с 1998 г. стали механизмом исполнения конституционных прав граждан на сохранение и развитие родных языков и культур этнических групп, проживающих в регионе, и во многом послужили гармонизации отношений между народами Саратовской области.

В период реализации программ увеличилось число национальных объединений-участников программных мероприятий (до 32). Только в период с 2008 по 2010 г. реализовано свыше 120 проектов, охвативших самые разносторонние направления и нацеленных на сохранение стабильной межэтнической обстановки³. Примерами могут служить проект национально-культурного центра «Кавказ» Духовные песнопения к празднику Святой Пасхи; ряд проектов, направленных на совершенствование деятельности этнографического комплекса «Национальная деревня народов Саратовской области»; проекты, посвященные празднованию 65-й годовщины Великой Победы (увековечение памяти героев войны – представителей различных национальностей региона); проект, посвященный празднованию Дня Святой Троицы. Традиционно широко отмечаются и очень популярны у населения такие праздники, как Сабантуй, Навруз. Ежегодно проводятся дни национальных культур, олимпиады среди учащихся по знанию национального языка, круглые столы по этноконфессиональному и межэтническому взаимодействию народов, проживающих на территории области.

Одно из направлений реализации программы – сохранение национально-культурной самобытности народов области через сферу культуры и образования, поскольку самым достоверным отражением этнокультурного многообразия является языковое многообразие. Однако в эпоху всеобщей универсализации и глобализации языковое многообразие зачастую рассматривается в качестве препятствия развитию рынка и коммуникации. На долю этнических языков остается лишь повседневное бытовое общение. Такая ситуация вы-

зывает чувство ущербности собственных языков и ведет к утрате самобытной культуры и этнических традиций. Программа предусматривает решение этой проблемы отчасти через поддержку развития системы образования на этнических (родных) языках, обеспечение образовательных учреждений с изучением этнических языков учебниками и учебно-методической литературой.

В Саратовской области значительную роль в сохранении и развитии родного (нерусского) языка играют общеобразовательные учреждения с национальным компонентом. С 1992 г. в Саратове действует национальная татарская гимназия, в которой работают преподаватели и учатся дети разных национальностей. В настоящее время в гимназии часть дисциплин преподают на татарском языке. В области в девяти школах (городов Саратова и Пугачева, Базарно-Карабулакского, Дергачевского, Ершовского, Балаковского, Петровского муниципальных районов) преподают татарский язык, есть два татарских детсада – в городах Саратове и Пугачеве. Казахский язык преподается в пяти школах Александрово-Гайского и Новоузенского муниципальных районов, башкирский – школах Пугачевского, чувашский – Базарно-Карабулакского муниципальных районов. Школам Александрово-Гайского, Новоузенского, Энгельсского муниципальных районов области оказывает поддержку министерство образования и науки Республики Казахстан, периодически осуществляя обновление методической литературы и учебников, словарей и художественной литературы на казахском языке.

Для реализации программы активно привлекаются к работе различные областные этнокультурные общественные организации как важнейшая часть гражданского общества. На сегодняшний день в регионе зарегистрировано более 70 подобных объединений. Следует отметить, что многие из них испытывают значительные затруднения в организации своей уставной деятельности из-за нехватки средств, отсутствия постоянных помещений, офисного оборудования. Тем не менее активную общественную деятельность по возрождению и развитию культурных традиций своего народа ведут 37 организаций, основная часть которых объединена в Ассамблею народов Саратовской области и Ассоциацию национально-культурных объединений Саратовской области⁴.

В последние годы обозначилась тенденция увеличения числа районных отделений национальных общественных объединений области в районах с компактным проживанием различных этнических групп населения. За последние три года отделения и филиалы областных национально-культурных объединений зарегистрированы в 11 муниципальных районах области. Особенно это справедливо в отношении некоторых мусульманских народов региона, таких как казахи, татары, башкиры, азербайджанцы. В области

зарегистрированы две казахские национальные общественные организации: Саратовский областной центр казахской культуры «Казахстан» и Ассоциация поволжских казахов. В 1989 г. была создана татаро-башкирская общественная областная культурно-просветительская организация «Идель». В 1997 г. зарегистрирована Региональная татарская национально-культурная автономия Саратовской области. В 2003 г. создана молодежная татарская организация «Сары-тау». В области были созданы и азербайджанские национальные общественные организации: в 1994 г. – «Ватан», в 1996 г. – «Юрд», а затем – «Бирлик». В Вольском районе зарегистрировано общество чечено-ингушской культуры «Нийсо», в Саратове – чечено-ингушская общественная организация «Вайнах»⁵.

Этнокультурные объединения за время реализации программы стали активными и деятельными субъектами в общественно-политической жизни: все большее внимание они уделяют проводимым на территории области избирательным кампаниям, участвуют в работе различных консультативных органов, созданных при органах власти.

Определенным достижением областной власти стала реализация программы на муниципальном уровне. Очевидно, что конфликтные ситуации в сфере межэтнических отношений часто возникают именно на местах и изначально имеют бытовую основу. Поэтому как раз на местном уровне необходимо принимать серьезные меры по профилактике межэтнических конфликтов, созданию эффективных механизмов регулирования проблемных ситуаций, формированию у населения толерантных установок. Исходя из этого, программные мероприятия рассчитывались на вовлечение в работу по сохранению межэтнического мира и согласия диаспор и этнических групп муниципальных районов области.

Среди наиболее эффективных и вызвавших положительный отклик у населения муниципальных образований области стали такие проекты, как проект Ровенского муниципального района «Вместе лучше», реализованный в 2009 г. и направленный на совместное проведение мероприятий представителями старшего поколения и молодежи различной этнической принадлежности с целью поликультурного просвещения населения. В Красноармейском муниципальном районе в 2008 г. был реализован проект «Галерея семейных портретов», посвященный лучшим семьям района различной этнической принадлежности. Он позволил пропагандировать в районе семейные ценности на примере традиций полиэтнического населения района. Также большой положительный резонанс получил балашовский проект «Молодежь+», направленный на поддержание межэтнического согласия и взаимного культурного обогащения молодежи в районе.

В рамках реализации областной целевой программы на 2008–2010 гг. была заложена и реализо-

вана идея создания ресурсного информационного центра, оснащенного методической литературой и периодическими изданиями, для поддержки деятельности общественных объединений области. Мероприятия в рамках деятельности центра состоялись в Марксовском, Красноармейском, Аткарском, Ровенском, Новоузенском и других муниципальных районах области. Итогом работы можно считать сохранение стабильной межэтнической обстановки, а также активизацию деятельности в этих районах этнокультурных объединений и Общественных советов при главах муниципальных районов.

Особую актуальность в современных условиях приобретают программные мероприятия, способствующие снижению межэтнической напряженности, связанной с интенсивной этнической миграцией. Так, например, на Саратовском железнодорожном вокзале начал свою работу консультативный пункт для мигрантов, который организован Ассоциацией национально-культурных объединений области. Его деятельность позволяет снять напряжение, связанное с правовой безграмотностью въезжающих в область мигрантов, ведется разъяснительная работа, обеспечение справочным материалом.

Регулярно проводимые межрайонные совещания совместно с руководителями УФМС по Саратовской области по вопросам реализации миграционной политики на территории региона способствовали решению многих проблем, связанных с этнической миграцией. Эта работа позволила сократить количество незаконно проживающих мигрантов в области, провести разъяснительную работу среди сотрудников администраций, ра-

ботающих в сфере межэтнических отношений и миграционной политики.

Все эти меры, безусловно, способствуют относительной стабильности межэтнических отношений в регионе. Однако сложившаяся ситуация, равно как и перспектива ее развития, далеко не однозначна: наряду с отсутствием резкого проявления напряженности, социально-экономические и политические противоречия в этнической сфере в той или иной степени все же существуют. Таким образом, современное состояние межэтнических отношений требует дальнейшего систематического совершенствования работы органов местного самоуправления и этнокультурных общественных объединений по реализации этнической политики.

Примечания

- 1 См.: Уставщикова С. В. Этнический состав населения Саратовской области. Саратов, 2006. С. 5.
- 2 См.: Постановление Саратовской областной Думы от 09.07.1997 г. № 43–826 «О Концепции национальной политики Саратовской области» // Региональное законодательство Саратовской области. URL: <http://www.sarlaws.ru/index.php?ds=1033565> (дата обращения : 25.02.2011).
- 3 См.: Долгосрочная областная целевая программа «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» на 2011–2013 годы. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/saratov/284467/#review> (дата обращения : 12.11.2010).
- 4 Там же.
- 5 См.: Семенов В. В. Ислам в Саратовской области. М., 2007. С. 103–109.

УДК 316.344.331

ЛОЯЛЬНОСТЬ ПЕРСОНАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Е. М. Малиц

Саратовский государственный университет
E-mail: malic-elena@yandex.ru

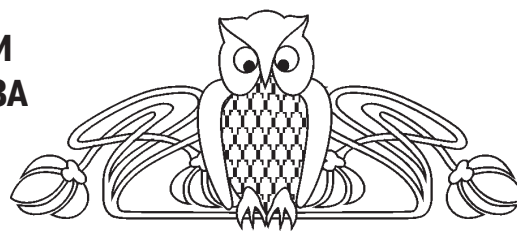
В статье рассматриваются и анализируются некоторые отечественные интерпретации понятия «лояльность персонала» по отношению к организации. Особое внимание уделяется основаниям для классификации видов лояльности.

Ключевые слова: лояльность персонала, отношение к организации.

Loyalty of Staff in the Organization as Object of Sociological Analysis

E. M. Malic

The article considers and analyzes some local interpretation of the concept «loyalty of the staff» to the organization. Particular attention is paid to the criterion for the classification of loyalty.

Key words: loyalty of staff, relation to the organization.

Лояльность персонала в организации – одна из наиболее актуальных тем в проблеме трудовых отношений, так как успех компании зависит не только от уровня профессионализма сотрудников, но и от отношения каждого работника к общему делу. Лояльность позволяет сотрудникам ощущать себя в одной команде, которая ориентируется на продолжительное существование. Это, в свою очередь, вызывает ощущение стабильности и надежности, что является очень важным критерием для россиян¹. Можно согласиться со следующим положением: лояльность сотрудника – козырь

компании². От ее уровня зависит эффективность труда, что является решением одной из важнейших бизнес-задач. Организационная лояльность требует постоянного развития и поддержания.

Все чаще появляются исследования, доказывающие пользу развития лояльности сотрудников в организации³, Интернет заполнен статьями, предлагающими методы ее развития⁴. Зарубежные исследователи в изучении феномена организационной лояльности продвинулись далеко вперед. Отечественные авторы при рассмотрении этой темы опираются в основном на подходы западных коллег. Однако однозначного, единого подхода в понимании и употреблении данного термина нет. Попытаемся рассмотреть и проанализировать отечественные интерпретации понятия «лояльность персонала» в организации.

Лояльность происходит от французского слова *loyal*, что в переводе означает «верный»⁵. В английском языке *loyalty* имеет два различных толкования: «преданность» и «терпимость». Отсюда берут начало две наиболее распространенные интерпретации, а также основные отличия использования в российской повседневности термина «лояльность персонала». Так, одни определяют лояльность как «доброжелательное и снисходительное (терпимое) отношение сотрудников к организации», другие – как «преданное, верное, инициативное отношение, направленное на интересы организации»⁶. В англоязычной литературе используют два термина: *organizational commitment* (дословный перевод – организационные обязательства) чаще всего встречается в научной литературе, *employee loyalty* (преданность служащих) – в популярной литературе.

В толковом словаре В. И. Даля «лояльный» обозначает «доступный, милосердный, человечный, человеколюбивый, приветливый, благородный, правдивый, доброжелательный»⁷. Малый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона добавляет к этому «законность, верность долгу, принципу»⁸. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой говорит о лояльном как о «держателем формально в пределах законности, в пределах благожелательно-нейтрального отношения к кому-, чему-либо»⁹. В Энциклопедическом словаре лояльность рассматривается как «выполнение законов, установок и требований органов власти» и «корректность, отказ от каких-либо предосудительных и недоброжелательных действий»¹⁰.

Анализируя определения понятия «лояльность» в словарях, можно выделить следующие аспекты его значения: верность, преданность, приверженность; терпимость, благожелательно-нейтральное отношение; доброжелательность, приветливость, благородность, правдивость; соблюдение правил, законов, отказ от каких-либо предосудительных и недоброжелательных действий.

Рассмотрим некоторые из социологических интерпретаций лояльности, которые представле-

ны в отечественных публикациях. Так, О. С. Дейнека определяет данное понятие следующим образом: «... лояльность – это приверженность делу фирмы, появляющаяся благодаря эффективной подготовке кадров, идентификации личных интересов с успехом компании и, наконец, человеческая связь между подчиненными и их начальником»¹¹. Данный автор при определении лояльности подчеркивает наличие взаимных обязательств работников и работодателя: «... работники платят своей лояльностью, а руководство заботится о работниках, их благосостоянии и удовлетворении личных потребностей»¹². Также он уделяет внимание механизмам межгрупповой идентификации: «... лояльность к своей группе (фирме) означает отчуждение от других групп»¹³.

Из определения О. С. Дейнеки следует, что лояльность возникает в результате целенаправленных действий со стороны руководства организации в ответ на что сотрудники отвечают приверженностью. Также автор подчеркивает важность наличия вертикальной «человеческой связи».

О. Батурина рассматривает лояльность с двух позиций: с позиции сотрудника – это положительное или нейтральное отношение к компании; с позиции руководителя – добросовестное выполнение всех поручений по отношению к сотрудникам и создание дружеских отношений в коллективе, наличие командного духа. Лояльность основывается на удовлетворенности потребностей работника и появляется тогда, когда его собственные жизненные планы совпадают со стратегическими планами развития компании, он видит ее преимущества, верит, что состоится в ней как профессионал. При таких условиях сотрудник становится партнером, согласовывает свои усилия с действиями своих коллег, разделяет ценности компании и т. д., он осознает, что, действуя на пользу компании, действует на пользу и себе¹⁴.

Нужно обратить внимание, что О. Батурина в отличие от О. С. Дейнеки интерпретирует и нейтральное отношение к организации как лояльное. И если О. С. Дейнека подчеркивает важность положительного вертикального взаимодействия («человеческой связи между подчиненными и их начальником») ¹⁵, то Батурина делает акцент на горизонтальном взаимодействии (дружеских отношениях в коллективе).

К. В. Харский лояльность определяется как способность, которая может быть активизирована и развита. Лояльность, по его мнению, приносит реальную экономическую выгоду, но на ее формирование и развитие требуются долгосрочные программы и инвестиции. Автор говорит о двух уровнях лояльности: минимальном – сотрудник носит униформу и бейдж, которые заставляют его соблюдать определенные правила поведения, и высшем – принятие сотрудником целей, ценностей и принципов компании.

Одним из самых больших препятствий на пути развития лояльности, по мнению К. В. Хар-

ского, является возникновение у сотрудника чувства несправедливости – в отношении зарплаты, наказаний, повышения коллеги по службе¹⁶. При этом у каждого человека свое понимание справедливости. Впрочем, у лояльных сотрудников, по мнению автора, есть и «ахиллесова пята» – это неприятие изменений, что может послужить большим тормозом в деятельности всей компании.

Определяя лояльность к организации как способность, К. В. Харский, в отличие от О. Батуриной и О. С. Дейнеки, которые рассматривают это понятие как отношение сотрудника к компании, в которой он работает, говорит и об отрицательной черте лояльных подчиненных – сопротивлении новшествам в организации.

М. И. Магура рассматривает лояльность как составную часть приверженности, которая помимо этого включает в себя идентификацию и вовлеченность. Под приверженностью он понимает внутриличностное состояние, определяющее ожидания, установки работников, особенности их рабочего поведения и то, как они воспринимают организацию¹⁷.

Лояльность – это эмоциональная привязанность к организации, желание оставаться ее членом; удовлетворенность содержанием работы, своей карьерой в организации; ощущение внимания и заботы со стороны организации; уверенность в целесообразности длительной работы в данной организации¹⁸.

Идентификация – это «осознание организационных целей как собственных». Она зависит от того, насколько сотрудники организации информированы о положении дел в организации, о перспективах; видят единство собственных целей и целей организации; считают справедливой оценку своего труда со стороны организации и т. д. Вовлеченность – это желание вносить свой вклад как члена организации для достижения ее целей, не ограничиваясь должностными инструкциями, готовность нести ответственность за результаты своей работы¹⁹.

Интерпретация М. И. Магуры отличается локальностью: если Дейнека определяет лояльность как приверженность, то Магура рассматривает ее как составную часть приверженности, которая отвечает за эмоциональную составляющую отношений между предприятием и его сотрудником.

В. И. Доминяк определяет лояльность как: доброжелательное, корректное, искреннее, уважительное отношение персонала к руководству, сотрудникам, иным лицам, их действиям, к компании в целом; осознанное выполнение сотрудником своей работы в соответствии с целями и задачами компании и в интересах компании; а также соблюдение норм, правил и обязательств, включая неформальные²⁰.

Автор выделяет эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты организационной лояльности. К эмоциональной составляющей относятся чувства и эмоции, испытываемые человеком

по отношению к организации; к когнитивной – разделение и принятие организационных ценностей, целей, норм, правил, процедур, решений и т. д.; к поведенческой – готовность прикладывать усилия и действовать в интересах организации²¹.

В. И. Доминяк отмечает, что развитие лояльности зависит как от руководства компании (качества работы над мотивацией сотрудников, эффективности организации рабочего процесса и т. д.), так и от сотрудника (его социализации, опыта работы, личностных особенностей, индивидуальных норм, ценностей). Однако определяющим моментом в специфике формирования и развития этого отношения является культура организации, ее нормы и ценности²².

В отличие от предыдущих авторов, Доминяк включает в понятие лояльности и неформальные отношения, а также выделяет важность взаимодействия на горизонтальном и вертикальном уровнях. Средой же развития лояльности в трудовом коллективе, по его мнению, является корпоративная культура.

Итак, из вышеизложенного можно выделить следующие интерпретации понятия «лояльность персонала» применительно к организации:

- отношение сотрудников к компании: положительное, нейтральное или терпимое;
- выполнение начальством всех обязательств по отношению к сотрудникам;
- способность сотрудников к формированию своего поведения в отношении организации;
- приверженность работников к компании;
- эмоциональная привязанность сотрудников к организации, где они работают.

Исходя из анализа определений отечественных авторов, дадим свою интерпретацию лояльности: это иерархические, потребительские, эмоциональные отношения персонала к организации, сотрудникам, своему делу, которые являются потенциалом компании в достижении ее целей.

Провести классификацию видов лояльности к организации можно на основе разных оснований:

- в зависимости от субъекта: лояльность сотрудников (по отношению к организации, к лицам, с которыми они ассоциируют управление компании, сотрудникам, партнерам и т. д.) и лояльность лиц, которые формируют (или не формируют) ее у работников компании;
- в зависимости от объекта: целостная (лояльность распространяется субъектом на всю компанию), лидерская (складывается в отношении формального или неформального лидера(ов) компании) точечная (формируется по отношению к какому-либо департаменту или подразделению);
- в зависимости от характера эмоционального восприятия субъектом: положительная, нейтральная или терпимая;
- в зависимости от характера формирования: стихийная или целенаправленная;
- в зависимости от основы формирования: потребительская (возникает на основе удовлетво-

рения потребностей сотрудников), корпоративная, (существует на основе корпоративной культуры компании ее ценностей, норм, традиций и т. д.), харизматическая (на основе личностных качеств формального или не формального лидера(ов)) и ситуативная (диктуется внешними и внутренними условиями, которые влияют на организацию);

– в зависимости от степени распространенности среди сотрудников компании: частичная или полная;

– в зависимости от приносимого компанией результата: эффективная (ведет к достижению целей, решению бизнес задач) и не эффективная (не способствует или даже ухудшает ситуацию в жизнедеятельности компании).

Наличие лояльности персонала в организации способствует формированию единой команды, взаимопониманию и социальной гибкости персонала. Сегодня это является неотъемлемым условием конкурентоспособной организации. Такое условие активно только в случае постоянного применения поддерживающих мер, которые необходимо закладывать в политику управления компанией: «Каждый работодатель получает таких работников, каких заслуживает»²³.

Примечания

1. См.: Ценность стабильности растет. URL: http://www.imagineyou.ru/pgs/main_news_3.php?iid=14 (дата обращения : 9.12.2011).
2. *Либерова Т.* Лояльность сотрудников: как ее определить и оценить? Персональный подход. URL: <http://www.p-podhod.ru/statyi/16-2010-01-22-04-34-21.html> (дата обращения : 25.11.2011).
3. См.: *Ниссов И. В.* Новый взгляд на лояльность. URL: <http://www.hrm.ru/novyjj-vzgljad-na-lojalnost> (дата обращения : 19.11.2011) ; Как повысить лояльность. HR-Portal. URL: <http://www.hr-portal.ru/article/kak-povyisit-lojalnost-personala> (дата обращения : 19.11.2011).
4. См.: *Либерова Т.* Указ. соч. ; *Староверов Д.* Лояльность персонала как фактор безопасности бизнеса // Амулет. 2003. № 9. URL: <http://www.amulet-group.ru/page.htm?id=49> (дата обращения : 26.11.2011).
5. Французско-русский словарь активного типа / под ред. В. Г. Гака, И. Ж. Триомфа. 3-е изд. М., 2000. С. 599.
6. *Доминяк В. И.* Организационная лояльность : основные подходы. Менеджер по персоналу. URL: <http://www.hrliga.com/index.php?module=profession&op=view&id=542> (дата обращения : 3.12.2011).
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб., 1863–1866 в соответствии с современными правилами орфографии. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения : 9.11.2011).
8. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Малый энциклопедический словарь : в 4 т. М., 1994. Т. 2. С. 133.
9. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992. URL: <http://ozhegov.info/> (дата обращения : 10.11.2011).
10. Энциклопедический словарь : в 2 т. / под ред. Б. А. Введенского. М., 1963. Т. 1. С. 223.
11. *Дейнека О. С.* Экономическая психология : учеб. пособие. СПб., 2000. С. 124.
12. Там же. С. 127.
13. Там же.
14. См.: *Батурина О.* Лояльность сотрудников : причины и преимущества // Кадровый менеджмент. 2003. № 3. С. 17.
15. *Дейнека О. С.* Указ. соч. С. 124.
16. См.: *Харский К. В.* Любого человека можно сделать лояльным // Отдел кадров. 2004. № 11. URL: <http://otdelkadrov.by/number/2004/11/438/> (дата обращения : 23.11.2011).
17. См.: *Магура М. И., Курбатова М. Б.* Современные персонал-технологии // Управление персоналом. 2001. № 6. С. 45–50.
18. Там же. С. 45.
19. *Магура М. И.* Патриотизм персонала по отношению к своей организации – решающее конкурентное преимущество // Управление персоналом. 1998. № 11. С. 20–27.
20. См.: *Доминяк В. И.* Лояльность – причинение пользы // Отдел кадров. № 11. 2004. С. 102–105.
21. См.: *Доминяк В. И.* Организационная лояльность : основные подходы...
22. См.: *Доминяк В.* Лояльность – причинение пользы. С. 102–105.
23. Большая книга афоризмов. М., 2003. С. 674.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.3

ВЛАСТЬ И ГРАЖДАНЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВОЙ ЭПОХИ

А. Г. Чернышов

Центр стратегических инициатив и прогнозов, г. Москва
E-mail: ag555@mail.ru

Статья посвящена формированию сетевого гражданского общества, влиянию «цифровой» революции на структурирование нового социального пространства, а также особенностям взаимодействия властных институтов и граждан в условиях информационной эпохи. Подчеркивается важность осознания новых реалий и необходимости в выработки новых ценностных ориентаций в сегодняшнем мироустройстве.

Ключевые слова: сетевое гражданское общество, власть, поколение Next, «цифровая» революция, манипуляция сознанием, коллективный разум.

The Power and Citizens in the Conditions of an Information-network Epoch

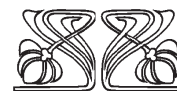
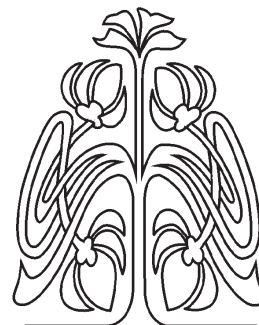
A. G. Chernyshov

Article is devoted formation of a network civil society, influence of «digital» revolution on structurization of new social space, and also features of interaction of imperious institutes and citizens in the conditions of an information epoch. Importance of comprehension of new realities and necessity for developments of new valuable orientations in a today's world order is underlined.

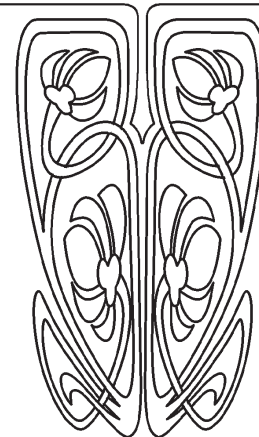
Key words: network civil society, power, generation Next, «digital» revolution, manipulation with consciousness, collective reason.

Конфигурация мира претерпевает изменения. Причем во многом это стало возможным в силу бурного развития информационных технологий. Но что самого существенного принесла с собой произошедшая «Цифровая революция?» С чем мы, собственно, должны будем со временем окончательно проститься, а что останется? Обмениваться информацией, иметь возможность пользоваться ею оперативно, при этом еще и налаживая различные социальные связи через виртуальное пространство, – все это стало очевидной реальностью. Но надо понимать, что все сегодняшние технологические прорывы – это во многом технические средства улучшить человеческие коммуникации и провести определенные производственные модернизации. А вот как развивается под воздействием новых информационно-сетевых условий сам человек, общество в целом, взаимосвязи между властью и гражданами – тут еще многое предстоит понять.

Вполне естественно, что рождающийся человек должен начинать свое познание мира с более высокого типа, чем было у его предшественников. Но ведь немаловажно обеспечить не только передачу опыта прежних поколений в одном конкретном индивидууме, но и создать глобальный банк знаний предшествующих времен, куда бы мог обращаться любой желающий. А в условиях современных технологий обмена информацией, необходимость в обмене такого рода информацией, в самосовершенствовании, воспитании ставится под сомнение. Для того, чтобы «переварить» в себе всю ценную информацию, надо, во-первых, иметь к этому потребность. А во-вторых, необходимо уметь различать и самостоятельно фильтровать ту или иную информацию, выделяя из нее самую полезную и важную. Все ли сегодня на это способны? Не «убежал» ли технический прогресс, которым мы так все сегодня гордимся, вперед от социального и биологического естества человека?

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Ведь оказывается, что многие еще в своем детстве не проходят полноценного периода адаптации и осознания себя как личности, как «Я». Поэтому сознание многих людей уже во взрослом состоянии находится на низших ступенях, многие взрослые в душе еще без всяких шуток остаются детьми, со своими детскими обидами и комплексами. И это не детская непосредственность, которую рекомендуют сохранять в себе многие психологи, а именно то, что характеризует недоразвитость и болезненность созревания в раннем возрасте, что потом переходит в неизменном виде во взрослую жизнь. Такие люди вываливаются из одного временного состояния и втягиваются в другое, в следующий период своего физиологического роста, так и не поняв первичных, но при этом не менее фундаментальных для всего последующего развития, знаний об обществе и о себе. А это уже чревато глобальными изменениями в психике. Человек становится заложником собственных же технологических решений, и во многом его жизнь превращается в формальность. Поэтому многие со временем начинают культивировать здоровый пофигизм, который потом превращается в цинизм. А представьте теперь хотя бы на время, что такие люди приходят во власть, управляют городами, регионами, большими и малыми странами!

Сегодня практически сразу после рождения человек попадает в различные «сети»: школьные, вузовские, производственные, бюрократические... Они все по-разному, но оказывают влияние на человека по отдельности, этапами и одновременно. Какими-то сетями, типа Интернета, человек пользуется технологически. Но назвать интернет-сети только техническим средством связи уже нельзя, так как они несут в себе уже и мощное социальное значение.

Интернет стал катализатором того, что возникли и развиваются мощнейшие по своему охвату и влиянию социальные сети, их можно уже назвать целыми социально-информационными системами. Великая сетевая интернет-революция свершилась! Что дальше? Революция свершалась как бы не настоящая, а виртуальная. Однако она затрагивает суть человеческого общежития, меняет его стиль жизни. Человек становится все больше воспитан сетями и Интернетом, а не систематическим усвоением знаний, ценностями семьи и прежними традициями. Надо понимать, как это отразилось на отдельно взятом индивидууме и обществе в целом.

Человек своими руками сотворил электронную эпоху. Мы практически сумели создать с помощью Сети невиданные прежде возможности накопления огромного количества информации. Сумели сделать так, чтобы она не растворялась в безбрежном историческом пространстве и при этом каждый смог бы оставить свой электронный след в созданной среде. Социум дворовый, когда друг друга знали все в лицо и сами коммуникации происходили в режиме личного общения, сме-

нился социумом виртуальным. Иными словами, мы стали общаться больше, интенсивнее, но заочно, то есть значительно меньше вживую. Для социальных сетей сегодня характерна большая ширина охвата, но важна и глубина заложенной в ней мысли. Восполняет ли интернет-пространство все потребности конкретного человека в общении и взаимообогащении новым опытом и знаниями? Интернет из первичной «информационной свалки» все активнее становится местом обмена актуальной информацией, публичной трибуной, архивом памяти. С момента своего зарождения и по настоящий период интернет-пространство, безусловно, развивалось в сторону не только наполняемости разнообразной информационной продукцией. Система фактически по многим своим характеристикам приобрела элементы самоуправляемого характера. Структурируется и цивилизуется общение. Оно становится более разносторонним, целевым и предметным.

Интернет стал новым общественным местом, где формируются нормы и правила поведения, приличия и традиции. Сообщество создает общие привычки и вкусы и уже может очень даже солидарно «поставить на место» не только прощтрафившегося представителя власти или знавшую шоу-звезду, но и «сделать замечание» члену своего виртуального общежития, вплоть до объявления его персоной нон грата. Интернет становится местом, где все труднее спрятаться за виртуальным псевдонимом или «ником». Все более заметна тенденция, что представителю интернет-сообщества негласно предписывают вести себя в соответствии со своим статусом в реальной жизни. Но мы все время должны помнить, что какой бы ни была виртуальная реальность, она лишь проекция интерактивных вещей в нашем мозгу! И не оказывается ли, что чем пестрее, насыщеннее и визуальнее становится интернет-пространство, тем дальше от человека уходит осознание определенных ценностных оснований, понимание истинной и порой не такой радостной и красочной реальности. А что если завтра произойдет сбой и на время все мониторы компьютеров погаснут? Человек, который многие часы, дни, месяцы и даже годы проводил в этом своем иллюзорном мире, в одночасье лишится его и ему вынужденно придется оторвать свои глаза от погасшего экрана и взглянуть в окно, в реальную жизнь. Что он там увидит?!.. И захочет ли? И сможет ли? Или ему этого уже и не надо и он уже задал для себя алгоритм дальнейшего развития в виде превращения в прототип героя фильма «Матрица»?.. Мы не так и далеки в некотором смысле от полной утраты реальности, потому что уже сегодня созданная на наших глазах гиперреальность в конечном итоге приводит к формированию всякого рода симулякров, то есть несамостоятельных феноменов, отсылающих человека к чему-то фантастическому. В этом смысле власть начинает понимать опасность такого нового института, как человеческое

сетевое сообщество, и предпринимает попытки поставить его под свой неусыпно-манипуляционный контроль.

В свое время появился термин «паблик рилейшнз» (или попросту «пиар»), авторство которого приписывают Эдварду Бернейсу. Сегодня без этого вообще трудно представить нашу современную жизнь. Более того, порой вся наша жизнь и состоит целиком из одного сменяемого друг друга пиара. Нас стало много на планете и мир глобализуется. И если раньше, в конкретном племени или селе, находился шаман (или лицо, его заменяющее), который осуществлял функции и наставника, и «пиар-менеджера», то сегодня такими свойствами сполна обладают средства массовой информации. Шаман насаждал общественное мнение, а пиар-менеджер манипулирует общественным мнением по своему разумению или по указке определенных идеологических или политических штабов или кабинетов. Пиар позволяет управлять массами путем порой совсем незамысловатых подходов. Определенные технологические средства в умелых руках превращаются в средство создания «фальшивых реальностей». Наступила эпоха манипуляции сознанием в глобальном масштабе или эпоха глобальных манипуляций.

Мы обманываем (извините – «пиаримся») направо и налево. Порой без разбора смысла и фактического существа дела пытаемся навязать своему собеседнику личный и единственно правильный, как нам кажется, взгляд на течение современной жизни и процессов, происходящих за окном. Власть на всех уровнях пиарится, так как ей нужно быть лучше, чем она может быть на самом месте, а в определенный день идти на выборы и избираться; бизнес, даже зная свое реальное положение, старается напустить туману и быть «белым и пушистым», а иначе акции предприятия могут рухнуть в одночасье; в вузах и школах учителя и преподаватели рассказывают прописные истины, которые в настоящей жизни уже давно не действуют. Но как же не ударить в грязь лицом перед учениками! Зато как тешат воображение и слух рассказы о «лакированной» истории и мнимых героях... А что тогда говорить про собственно «пиарный цех» из актеров, шоуменов и примкнувших к ним определенных журналистов и телеведущих. Тут уж, как говорится, сам Бог «велел» оторваться по полной, выдавая желаемое за действительное, превращая порой даже самые серьезные вещи в балаган. Все это в итоге ведет к тому, что реальные действия и образы подменяются пиаром и виртуализируются до неузнаваемости.

Нас с детства учат развивать абстрактное мышление, ибо без него не только невозможно представить мир во всем его объеме, красках и полутонах, но и найти действенные способы для оптимальных изменений. Поэтому нет ничего удивительного в том, что важнейшим из искусств

стало в свое время кино. Сейчас ему на смену приходит интерактивное вещание на телевидении и в Интернете. И эти технологии продолжают бурно развиваться. Особенно дети предпочитают активно смотреть, но не читать. Не случайно кинематограф прозвали великим иллюзионистом, так как он далекий от реальности картинку мог превратить в сказочную и такую манящую, словно детская мечта. В то же самое время в руках настоящего профессионала-видеооператора-аниматора реальные образы получались насыщеннее, эмоциональнее, могли мысленно перенести человека на многие километры от того места, где он находился. Современные интерактивные технологии еще более приблизили абстрактные вариации к эффекту личного присутствия. Одно только непонятно: зачем нужно до невозможности либо приукрашивать реальность, либо, что еще хуже, изменять ее до неузнаваемости, создавая ложные образы? Это нужно властной элите, имеющей стойкие намерения управлять по своему разумению, что удобнее делать, если для всех остальных будет создан иллюзорный виртуальный мир. Только вот как долго удастся продержаться «на плаву» такой придуманный в головах пиар-технологов сказочный вариант мироздания?

В мире происходит «производство» все большего объема информации и знаний. Но что они изменят в нашей жизни, если мы не сможем ими системно воспользоваться? Ведь из года в год все больше финансовых средств, в том числе налогов самих граждан, вкладывается транснациональными корпорациями и властными структурами для генерирования инноваций и гражданских идей. Однако затем эти новые технологии получают свое воплощение исключительно в замкнутой среде для избранных. И этот разрыв – какими «благами цивилизации» могут воспользоваться состоятельные слои, а какими более бедные – продолжает расти. «Архитектура» открытости, являющаяся основой развития Интернета и всего сетевого сообщества как такового, входит в противоречие с закрытостью властных институтов и бизнес-интересов.

Рядовой гражданин нуждается в том, чтобы канал передачи знаний в Сети был максимально открытым и качественным и по содержанию, и по контенту. Для этого требуется не просто применение определенной матрицы и технологий по транспортировке информационных потоков, в этой связи основным инструментом отбора и фильтрации поступающей информации для конкретного гражданина служит его высокий уровень образования и критического мышления. Как мы прекрасно понимаем, такой гражданин представляет опасность для самой власти, и у последней появляется очень большой соблазн не допустить такой ситуации. А раз так, то, по логике, система образования будет и дальше деградировать, а в Сети все больше будут применяться технологии, позволяющие создать для пользователя

иллюзию благополучия и спокойствия. Или же вообще цинично заменить реальную картинку на придуманную, когда вместо событий «арабской весны» в таких странах, как Египет, Ливия и т. д., фактически наступает настоящая «осень», а мы продолжаем верить в торжество демократии и необходимость и неизбежность ее привнесения на штыках в другие страны.

Сегодня, в век глобальной по охвату и скоростной по времени передачи информации, как никогда возрастает необходимость в ценностных коридорах, точках роста определенных ценностных результатов, ценностных подходах, чтобы хотя бы со временем они были осознаны и восприняты всем обществом. Важно изменить поля знаний, а может быть, и провести ревизию этих полей и понять какими «семенами» мы хотим их засеять и как бороться с разрастанием «сорняков». А то окажется, что «семена» все ГМОшные и дадут урожай лишь однажды или вообще будет пустоцвет, или же «сорняк» забьет, погубит культурные растения.

Сегодня социальные сети стали политическим актором, а значит, способны бороться за власть (или же с их помощью можно бороться за власть). Выходит, что виртуальные объединения граждан можно инициировать в толпу, которая выйдет за улицы городов и снесет не угодный ей режим. Или же это сетевое сообщество двинется в сторону своей внутренней систематизации, самообразования и мобилизации. На очень важной и опасной развилке мы сегодня стоим. Властная элита, как уже подчеркивалось, не желает дальнейшей самоорганизации граждан в Сети. Соответственно продолжатся варианты по обузданию и «приручению» сетевого сообщества. Приемы для реализации таких идей мы наблюдаем сегодня воочию. К примеру, углубление традиционных и развертывание новых систем безопасности. Под предлогом необходимости защиты от террористов и бандитов происходит расширение сфер безопасности на общегосударственном и региональном уровнях, автоматически переносится на конкретное учреждение и фирму. В конечном же итоге это зачастую не увеличивает защищенности конкретного гражданина, а лишь помогает усилить для него новые страхи, ведет к сужению свободы и ужесточению жизни, особенно для законопослушных граждан. При этом сократить сразу «поле» свободы власть не может, так как это слишком заметно и способно вызвать консолидацию общества против таких действий. Поэтому все делается постепенно, путем «давления» на психику и формирования целой системы мифов и фобий. Людей подталкивают поддержать парадоксальные для их же свободы и безопасности решения – собственными руками проголосовать за ограничения свободы и прав для реального выбора. Правда, появление возможностей для тотального влияния на умы людей путем всевозможных глобальных информационных ресурсов

может привести к тому, что построенная модель не выдержит натиска человеческих информационных потоков и «плотина» прорвется...

Такое своеобразное соревнование между властью и обществом ставит на повестку дня еще несколько существенных вопросов. Один из них связан с тем, что, по сути дела, власть начинает рассматриваться в целом, без особого ранжирования на федеральную и региональную, партийную, исполнительную. Власть остается по одну сторону баррикад, в том числе к ней начинают причислять и системную оппозицию, которая как бы сливается с правящими кланами в целом, представляя единое «темное» пятно, а на другой стороне оказывается все оставшееся общество. Таким образом, исчезает различие между правящей в настоящее время властью и оппозицией, так как Сеть становится самодостаточной силой со своей иерархией ценностей, со своими кумирами и порядками. Нынешняя «официальная» оппозиция может и не дожидаться того времени, когда сможет занять власть, ибо Сеть заменяет ее. К тому же все более очевидным становится тот факт, что даже при смене власти, к примеру в Европе, с одной партии на другую, реальная власть к оппозиции не переходит, а, как правило, перетекает от одних элитных групп к другим, не меняя ничего по сути. Фактически мы наблюдаем ситуацию, когда власть вынужденно обнажается под влиянием извне и оказывается, что «король-то голый». Формальная власть, она же и.о. элиты, равно как примкнувшая к ней по факту своей близости к властным рычагам оппозиция, выступают двумя сторонами одной и той же медали. А Сеть формирует запрос на новое прочтение системы «власть–общество». Власть действует традиционными и испытанными приемами обольщения, запугивания и обещания перемен. И чем шире публичная политика начинает нести в себе заряд имитационного характера, тем сильнее, пусть пока и спонтанно, консолидируется Сеть. Нарождающееся и крепнущее день ото дня сетевое гражданское сообщество ждет иного отношения к себе. С одной стороны, сообщество это очень неустойчиво, не ранжировано и может вроде бы исчезнуть всего лишь одним отключением компьютера из розетки, поэтому стоит ли обращать на него внимания и реагировать на возникающие запросы в Сети? Но в том то и дело, что отключить электричество – значит потерять влияние на Сеть со стороны самой власти и к тому же утратить контроль над собственными системами властной безопасности.

Что такое сегодня Сеть, ее зоны влияния и ответственности? Есть влияние без участия и участие без особого влияния на происходящие события, ибо тотально власть сконцентрирована в других местах и в конкретных руках, строго оберегается от чужого участия. Сеть, порой предоставляя широкий выбор пользователю-гражданину, освобождает его от какой-то ответ-

ственности за свои действия. Все так. Однако факторы эволюционного давления также имеют место быть, и Сеть постепенно все более сорганизовывается и системообразуется. Она внесла в прежний порядок вещей и еще один очень важный фактор. Если раньше власть достаточно легко могла себя легитимизировать посредством Конституции либо по факту сакральности, то теперь этого оказывается мало. Сетевое общество требует более «обнаженной» свободы, на что власть, в силу своей клановости и замкнутости, пойти не может и поэтому все больше начинает упираться на применение силы и манипулирование сознанием людей.

Современная молодежь, пришедшая на смену поколению «Пепси», хочет реальных и где-то даже радикальных перемен. И это не случайно, ибо нарисованная красивая виртуальная картинка в Сети все рельефнее вступает в противоречие с реальными картинками из повседневной жизни. Поколение Next прошло путь в Сети от сообщества создателей до современных пользователей, так как взрослые очень активно «втаскивали» молодых людей в свое понимание построенного ими общества потребления. Сегодня новое поколение все больше ищет, в том числе и в Сети, смысловые ориентации, артикулируя при этом необходимость и социального смысла. Власть же, увлеченная самопиаром и освоившая вроде бы

УДК: 378.091.2 + [378.016: 32] (470+571)

ГОССТАНДАРТЫ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА СООТНЕСЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ

А. А. Вилков, Н. И. Шестов

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru, nikshestov@mail.ru

В данной статье рассматриваются особенности внедрения госстандартов третьего поколения и проблемы соотношения компетенций бакалавриата и магистратуры. На основе обобщения опыта первых лет подготовки бакалавров и магистров – политологов в СГУ в рамках перехода к уровневой системе образования и внедрения компетентного подхода авторы предлагают свое видение обозначившихся проблем и способов их решения.

Ключевые слова: госстандарт третьего поколения, компетентный подход, профессиональные компетенции, общекультурные компетенции, «историческая память», бакалавриат, магистратура.

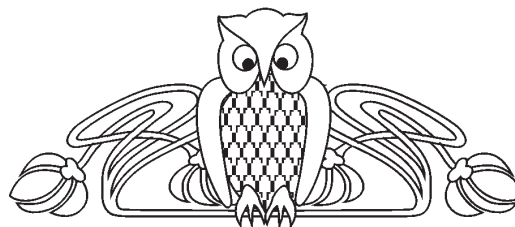
**State Educational Standards Third Generation:
the Problem Relating Competence Undergraduate
and Graduate**

A. A. Vilkov, N. I. Shestov

This article discusses the features of the implementation of state standards and the problems of third-generation correlation undergraduate

все способы оболванивания граждан, не может уже остановиться на полдороге. Тактика гражданской умиротворенности все чаще начинает давать сбой, так как накапливающийся в сознании людей критический настрой к имеющимся в их жизни проблемам не находит должного выхода и реализации. Последний шанс для власти – попытаться переформатировать имеющееся сетевое пространство «под себя». От структурирования Интернета перейти к «структурированию» самого человека. Именно поэтому в свободном интернет-пространстве все больше наблюдается «огораживаний»: установка фильтров, перлюстрация переписки и т. д. Конечно, никто не отменял важность этических и моральных норм и, соответственно, запретов на распространение той или иной информации. Но в том то и дело, что гражданское общество должно выработать кодекс чести совместно с властью, при поддержке власти. Однако власть боится идти на такой отчаянный для нее шаг, понимая, что это может привести к смене властных и вообще ценностных ориентиров.

Сетевому гражданскому обществу предстоит пройти очень нелегкий путь между Сциллой и Харибдой и попытаться занять свою важную нишу в новой системе ценностных координат, одновременно становясь той социальной площадкой, которая со временем сможет претендовать на роль коллективного разума.

and graduate competencies. On the basis of summarizing the experience of the first years of bachelor's and master's degrees – political scientists in the SSU in the transition to a tiered system of education and the introduction of competence-based approach, the authors offer their vision discernible problems and their solutions.

Key words: state standard third-generation, competence approach, professional competence, general cultural competence, «historical memory», bachelor, master.

С переходом к уровневой системе образования заметно актуализируется прагматическая направленность образовательного процесса в вузе. На это направлен, помимо прочего, компетентный подход. Разумность его возражений не вызывает, однако действующие госстандарты третьего поколения для вузовской подготовки политологов оставляют достаточно большое количество вопросов относительно принципиального смысла тех компетенций, которые в них сформулированы. В

этой связи некоторые существенные моменты, относящиеся к профессиональной и общекультурной подготовке студентов-политологов, нуждаются в дополнительной проработке. Данные вопросы касаются как содержания и направленности компетенций для бакалавров и магистров, так и их системной взаимосвязи и преемственности.

Рассмотрим некоторые обозначившиеся проблемы на примере компетенций в области исторических знаний, определяющих содержание и качество познаний магистров и бакалавров-политологов в истории России и других стран.

Вряд ли у кого возникнет сомнение в необходимости для профессионального российского политолога знать историю своей страны и тех стран, которые сегодня включены в мировой политический процесс. Практическая сторона вопроса состоит в том, каким итоговым качеством должно обладать это знание, чтобы из стен вуза выходил не только грамотный специалист, но и компетентный и ответственный гражданин. Должно ли это быть знание, ограниченное традиционными рамками курсов по отечественной и зарубежной истории? Или же состоявшимся практическим результатом освоения студентом-политологом основных образовательных программ бакалавриата и магистратуры следует считать такое качество знаний о прошлом, которое можно охарактеризовать понятием «историческая память»?

Как представляется, вопрос состоит не в том, чтобы в очередной раз переписать программы курсов бакалавриата и магистратуры, затрагивающие вопросы истории политической мысли и политической истории различных стран. На наш взгляд, нужно более четкое приведение формулировок этих компетенций в соответствие с той ролью, которая, как это можно понять, была им отведена составителями новых ФГОС ВПО в структуре образовательного процесса, а именно ролью структурного элемента в идеологии образовательного процесса.

Компетенции, заложенные в госстандартах последнего поколения, претендуют на инновационность подхода к качеству исторического знания, которым должен будет обладать студент-политолог по итогам освоения образовательных программ. Однако само это качество определяется в компетенциях специфически.

«Исторические» компетенции бакалавров сформулированы так, что трудно однозначно понять, идет ли речь о количественных, или качественных характеристиках познаний студентов в истории. Бакалавр должен обладать: «...готовностью уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия (ОК-4); способностью понимать движущие силы и закономерности исторического процесса, роль насилия и ненасилия в истории, место человека в историческом процессе, политической организации общества (ОК-5)». В плане

профессиональной компетенции от бакалавра требуется знание: «... политической истории России и зарубежных стран (знание основных этапов и характеристик политической истории России и зарубежных стран, особенностей исторических традиций в политическом развитии, владение навыками политического анализа исторического прошлого (ПК-5); истории политических учений (знание основных учений и концепций мировой и отечественной политической мысли, умение работать с оригинальными научными текстами и содержащимися в них смысловыми конструкциями) (ПК-6)» (URL: <http://ликобрнауки.рф>).

Судя по общекультурным компетенциям, бакалавр должен знать исчерпывающие ответы на вопросы, над которыми мировая научная мысль бьется уже не одно столетие и, тем не менее, не достигла окончательных результатов.

Ученые, какую бы идеологическую и методологическую позицию они ни занимали, до сих пор не могут однозначно раскрыть движущие силы и закономерности исторического процесса и договориться между собой по основным принципиальным позициям. Решить, например, чем «цивилизационный» анализ исторического процесса лучше или хуже «формационного»? Или ответить на вопрос, олицетворяет ли нынешнее состояние человечества «конец истории» или это только ее истинное «начало»?

Иными словами, специалисты самого высокого уровня не могут предложить консолидированное понимание законов развития больших социально-политических систем, чтобы на его основе элементарно объяснить гражданам и элитам, что они должны делать в соответствии с этими законами, чтобы не лишиться свои политические системы светлого будущего. Но от студента бакалавриата (позавчерашнего школьника) такое понимание требуется общекультурными компетенциями совершенно серьезно. То же самое можно сказать о проблеме места человека в историческом процессе, которую за четыре года обучения должен для себя решить бакалавр.

Что касается политической организации общества, то не каждый остепененный политолог, способный сходу перечислить признаки государства, так же легко, не вступая в противоречие с данными археологии, этнографии, культурологи, экономической науки, ответит на простой вопрос: как и откуда возникло государство?

Остается непонятным и то, почему исторически компетентный бакалавр должен обязательно понимать роль насилия и ненасилия в истории, и лишь по мере сил, как можно предположить (в силу отсутствия в компетенциях), он должен понимать роль, например, научных и религиозных знаний, этических представлений, политических интересов и политических конфликтов в той же самой истории?

«Теория насилия», одним из разработчиков которой еще в XIX столетии был известный

германский философ Е. Дюринг, уже тогда существенно проигрывала другим историческим подходам в своем методологическом потенциале. Более полутора столетий тому назад было понятно, что у понятий «насилие» и «ненасилие» нет четко очерченных смысловых границ.

По желанию исследователя «насилие» можно усмотреть во всем, даже в образовательном процессе и в процедурах социализации личности, в моральных нормах и религиозных предписаниях. И одновременно образцом «ненасильственности» при желании можно представить колониальные захваты прежних времен и современные силовые акции по «насаждению демократии» в странах третьего мира. Официально всегда в этих случаях (а официальная точка зрения отражается в источниках) речь ведут о защите гуманитарных ценностей, «основ цивилизации и порядка», о приобщении «мирных граждан», страдающих от политического и военного насилия своих элит, к либеральным плодам прогресса. Все это подавалось и подается в источниках, которые уже стали или завтра станут историческими, как свободный и ненасильственный выбор «народов» самих колонизированных или демократизированных стран в пользу прогресса. Фактически для бакалавра, осваивающего историю в ракурсе насилия и ненасилия, выбор в пользу того или иного понимания сущности данных категорий будет определяться не столько уровнем профессионализма, сколько уровнем его идеологической или мировоззренческой ангажированности.

Знание основных этапов и характеристик политической истории России и зарубежных стран, особенностей исторических традиций их развития, как это прописано в профессиональных компетенциях, требует от бакалавра, позавчерашнего выпускника средней школы, за отведенные ему четыре учебных года разобраться в проблематике научных периодизаций историй разных стран. И это при том, что отечественные историки до сих пор не сошлись во мнении, был ли в нашей истории «период феодализма», был ли «капиталистический период», не говоря уже о «периоде социализма» и «постсоветском» периоде. Он должен разобраться в периодизациях, основанных на разных философских концепциях исторического процесса и на разном понимании смысла, который мы вкладываем в понятия «эпоха», «период», «этап» «традиция», «новация», «модернизация», «прогресс» и «регресс». По большому счету, он должен приобрести то свойство специалиста, которое можно условно назвать «чувством исторического времени».

Владение навыками политического анализа исторического прошлого подразумевает как минимум способность бакалавра определиться с предметом и методологией анализа (если под анализом подразумевать не конкретный метод, а совокупность логических процедур). Иными словами, ему необходимо понимать аналитические

преимущества и недостатки различных известных науке методологий, чтобы определиться в своем выборе. Бакалавр должен, чтобы продемонстрировать свои аналитические навыки, быть в курсе ключевых для современной политической науки теоретических и прикладных проблем, из ряда которых он мог бы выбрать те, которые станут предметом его исследовательского внимания. Способность проявить такой навык не всегда обнаруживается даже у соискателей кандидатских и докторских степеней.

Если же имеется в виду, что бакалавр должен усвоить только ту версию философии истории, только те характеристики исторических традиций и те оценки опыта зарубежных стран, о которых ему сообщит конкретный преподаватель, а под навыками политического анализа исторического прошлого подразумевается опыт написания двадцатистраничного реферата по курсу истории России, то естественен вопрос: какое отношение это имеет к инновационной стратегии образовательного процесса?

Заметим, содействовать новому качеству преподавания, по замыслу авторов ФГОС, должно уменьшение количества лекционных занятий, на которых обычно студентом приобретаются фундаментальные теоретические знания и он вводится в круг основных проблем своей научной дисциплины. Одновременно увеличивается доля самостоятельной работы студентов и практических занятий, готовиться к которым студент должен также самостоятельно.

Остается лишь догадываться, где взять в России значительное количество таких студентов, которые своим умом, не выслушав предварительно мнений специалистов по ключевым вопросам своей науки, посредством элементарных манипуляций с электронными ресурсами информации за четыре года дойдут до понимания движущих сил и закономерностей исторического процесса, поймут место человека в истории, приобретут навыки политического анализа исторического прошлого и настоящего. При том что преподаватель в рамках требований ФГОС выступает преимущественно в роли организатора процесса самостоятельного освоения студентами фундаментальных знаний.

Для рядовых студентов такая способность – дар достаточно уникальный и редкий. Реально же имеет смысл рассчитывать только на то, что в ходе самостоятельной работы большинством бакалавров просто будет несколько увеличен школьный запас фактических сведений по истории, который на практических занятиях будет несколько систематизирован для последующей сдачи студентом соответствующего экзамена или для заполнения теста. В самом лучшем случае, наряду с цифрами, именами и датами, в этот количественно приросший интеллектуальный багаж войдут и некоторые знания по методологии и философии исторических исследований. Как видится, навыки установления методологической

связи между исследуемым предметом и фактами истории бакалавр самостоятельно выработать практически не в состоянии.

Справедливость или ошибочность данного предположения (достаточно, на наш взгляд, реалистичного) будет очевидна уже через три-четыре года, когда состоятся первые выпуски бакалавров-политологов, подготовленных по новым ФГОС. Однако уже сегодня можно констатировать, что студентов магистратуры задумываться над такими связями государственные стандарты вовсе не обязывают.

Это можно понять так, что для магистра не является принципиально важным, соответствуют ли его способности понимать «связь времен» потребностям общества в актуализации такой связи. Фактически отсутствие «исторических» компетенций в содержании ФГОС для магистров-политологов можно объяснить только одним – его разработчики исходили из того, что все необходимые знания и теоретико-методологические навыки в этой области магистрант уже должен иметь в своем багаже, приобретенном в период обучения по программе бакалавриата.

По сути, если рассматривать формулировки компетенций как обозначение идеологии образовательного процесса, они подразумевают, что некое новое качество исторического знания у бакалавра политологии может возникнуть вследствие простого количественного добавления им знаний о прошлом к тому небольшому набору сведений, которыми его наделила средняя школа.

Возможно, в соответствии с законами диалектики новое качество знания действительно могло бы у бакалавра-политолога возникнуть последствием постепенного приращения фактических знаний. Но тут немалым препятствием на пути реализации законов диалектики становится сама традиция построения исторического образования студентов – не историков.

У самих преподавателей существует разброс мнений относительно того, какое количество сведений о прошлом своей страны и других стран нужно давать студенту – не историку, чтобы обеспечить его становление в качестве культурной личности. В отличие от средних школ, современные вузы имеют достаточно широкие возможности для определения объемов исторических знаний, включаемых в программы различных учебных курсов.

Здесь обычно сталкиваются два диаметрально противоположных подхода. Достаточно распространено мнение, что формирующемуся политологу достаточно помнить о прошлом в количественном измерении не более того, что содействует усвоению им наследия политической мысли – преимущественно, это даты жизни великих мыслителей и отдельные события, имеющие прямое или косвенное отношение к институционализации политической науки в России и за рубежом.

Выглядит это вполне логично, если учесть, что курс истории политической мысли является базовым и его освоение представляет собой самостоятельную профессиональную компетенцию (ПК-6), а исторический компонент в других базовых политологических курсах относительно невелик и его (в общем плане) обеспечивает ознакомительный курс по политической истории России (иногда еще и европейских стран). Формулировка компетенции ПК-6 не предусматривает, что студент должен обладать способностью критически оценивать применимость для анализа российской современности тех достижений зарубежной и отечественной политической мысли прошлых веков, о которых ему сообщает в соответствующем учебном курсе.

Возникает естественный вопрос о практической необходимости для профессионального становления политолога даже этого небольшого количественного накопления исторических знаний, даже в этом, достаточно узком, сегменте исторического процесса, который связан с историей политической мысли.

Не менее распространено убеждение, и оно согласуется с общим патриотическим настроем сегодняшней российской политики, что «истинный» политолог-профессионал обязан помнить о прошлом своей страны и сопредельных стран как можно больше и желательно в деталях. Образно говоря, политолог с вузовским образованием должен обладать способностью, подобно известному киногерою, «вспомнить все». Эта позиция находит отклик в рядах политологов, имеющих базовое историческое образование. Тех, кто осознает самостоятельную ценность исторического факта безотносительно к тому, как мы к этому факту относимся и видим ли в данный момент возможность опереться на него в решении политических задач.

Данный подход побуждает преподавателей разными правдами и неправдами увеличивать в учебных курсах перечень обязательных к запоминанию студентами дат, цифр, имен и событий. Естественен вопрос: не избыточно ли такое количественное накопление знаний о фактической стороне истории, что оно дает для профессионального становления политолога?

В аргументации выбора в пользу того, что из дат и событий, имен и определений студенту-политологу нужно запомнить в обязательном порядке, а что нет, очень трудно встать на объективную почву. Трудно с объективных позиций доказать, например, что современному бакалавру-политологу важно знать и помнить спасителей Московского государства в период Смуты Дмитрия Михайловича Пожарского и Косьму Минича Сухорука и не так важно знать о существовании спасителя Московского княжества в период Большой Феодалной войны Федора Васильевича Басенка.

Количественный подход создает определенный «произвол» и в освоении теории историче-

ского процесса, на что, и это замечательно, ориентируют бакалавров-политологов компетенции в госстандарте последнего поколения. Почему, например, при обучении политологов надо делать акцент на теориях, объясняющих особенности государственной политики, а не на теориях, объясняющих особенности участия общества в политике? Ведь в реальности в политике действуют два ключевых субъекта.

Это практическая проблема для современной отечественной политологии. Часто можно наблюдать, как обычное плохое знание социальной истории побуждает современных политологов к не самому продуктивному мифотворчеству, например, на тему неких «исконных свойств» русского государства, русской политики, русской культуры и менталитета русского общества, мешающих его полноценному участию в современной политике. Из рассуждений политологов выходит, что за полторы тысячи лет российской истории ничего, собственно, в земле нашей не менялось, то есть российской истории как таковой просто не было. Нет соответственно того великого и разнообразного прошлого, которое могло бы быть предметом гражданской гордости и профессионального интереса для специалиста-политолога.

Порой за этим стоит принципиальное непонимание людьми, пишущими об «исконных» законах российской политической жизни, того, для чего вообще нужны политологу знания о прошлом и что им с этими знаниями делать. Если у формирующегося политолога нет понимания того, что делать с накопленными знаниями, как бы ни был велик или мал их количественный объем, это свидетельствует о его некомпетентности. Заметим, что в той части компетенций, которые касаются прикладных аспектов профессиональной и общекультурной подготовки политологов-бакалавров и политологов-магистров, их составителями акцент закономерно сделан на тех навыках и способностях, применимость которых на практике будущими специалистами абсолютно очевидна.

Против приведенных критических соображений могут возразить, что речь ведь идет об идеологии, об общей направленности образовательных усилий вузовского сообщества. Тем более, на наш взгляд, актуальна потребность в том, чтобы цель усилий была уточнена и усилия не были растратены впустую.

Возможно, усилению и уточнению идеологической направленности «исторических» компетенций бакалавров и делу появления соответствующих компетенций и на следующем образовательном уровне, у магистров, могла бы посодействовать перiorientация общего подхода с количественных на качественные ориентиры. Таким качественным ориентиром, возможно, могла бы выступить задача формирования у студента-политолога «исторической памяти» с последующим предоставлением ему возможности расширить границы этой базовой компетенции (професси-

ональной и общекультурной одновременно) в период обучения в магистратуре.

Одним из возможных вариантов формулировки компетенции может быть такой: *«Квалифицированный политолог должен обладать “исторической памятью”, то есть способностью анализировать современные политические процессы в ретроспективе и соотносить этот анализ с прогнозированием их перспективы. Он должен обладать навыками совершенствования своей “исторической памяти”, то есть приведения ее качества в соответствие с современным уровнем научного знания об историческом опыте и исторических тенденциях социально-политического развития, и с изменениями общественного запроса на историческое знание как современного ресурса развития».*

В связи с вышесказанным возникают два вопроса. Почему компетенция должна быть сориентирована именно на «историческую память» как качественное состояние сознания политолога, а не на что-то другое, например на космополитическое восприятие связей прошлого настоящего и будущего? (Формально последнее целеориентирование компетенции могло бы выглядеть вполне логичным в свете современных тенденций глобализации.) И второй вопрос: как может выглядеть такая перiorientация с количественного на качественный результат на практике и как обеспечить при таком подходе принцип уровневого образования?

Понятие «историческая память» часто используется в политическом и политологическом дискурсах, и не всегда к месту. Историки проявляют больше корректности, когда используют данное понятие для характеристики состояний массового сознания. Его понимают как способности общества посредством своих политических и неполитических институтов актуализировать знание о своем прошлом и прошлом других обществ в качестве ресурса своей внутренней и внешней политики, ресурса культурного и экономического развития (что особенно заметно в истории культурных и хозяйственных практик русского крестьянства, например), а нередко и геополитического участия.

В последние полтора столетия в большинстве так называемых цивилизованных стран, включая и Россию, такие состояния массового сознания доминировали и во многом определяли логику политических и политико-культурных процессов. «Историческая память» и сегодня (в своем специфически актуализированном политической повседневною и идеологическими ориентирами на будущее виде), в формате «политической памяти», является значимым фактором политического процесса. Особенно велика её роль для социально-политических систем с очень богатой и противоречивой историей или, напротив, историей слишком бедной реальными противоречиями и реальным опытом и потому удобной для

конструирования новых фактов, новых смыслов, новых законов исторического развития, новых национальных идентичностей. Вся политика, в которой ресурс «исторической памяти» выполняет системообразующую функцию, современные исследователи порой именуют «политикой памяти».

Понятие «историческая память», таким образом, выступает в качестве синтетической характеристики смысла, цели и динамики политического процесса в его прошлых и нынешних состояниях, в известном смысле и в качестве характеристики потенциала его развития в будущем.

Это понятие характеризует способность общества понять логику своего политического и вообще культурного существования. Логично предположить, что на его основе при помощи образовательных программ возможно поставить задачу сформировать определенное качество профессиональный и вообще культурный инструментарий будущего профессионального политолога. Иными словами, его способность адекватно воспринимать окружающие политические реалии должна каким-то образом быть соотнесена с этим свойством современных обществ обладать «исторической памятью», с их способностью использовать ее как ресурс развития.

Иначе говоря, исследовательский инструментарий политолога (качество его профессионального и гражданского сознания, в первую очередь) должен быть соотнесен со свойствами предмета его будущих исследовательских усилий, на который этот инструментарий будет впоследствии обращен.

Для адекватного понимания политических процессов в обществах, обладающих устойчивой «исторической памятью» как ресурсом прогресса, современный политолог должен сам быть носителем «исторической памяти» как предпосылкой его собственной способности к профессиональному и гражданскому совершенствованию. Причем обладать ею он должен в возрастающих масштабах. Это позволяет рассматривать формулировку «исторической» компетенции политолога, предложенную выше, в качестве общей для политологов-бакалавров и магистров, объединяющей оба эти уровня на общем идеологическом основании.

Логика образовательного процесса требует, тем не менее, выдержать и принцип спецификации компетенций по его уровням. Вторая часть предложенной формулировки базовой компетенции открывает возможность для достаточно четкой спецификации. Последняя может быть прописана в госстандартах политологов-бакалавров и магистров в виде соответствующих комментариев к базовой компетенции.

Навыки совершенствования «исторической памяти» у политологов-бакалавров и политологов-магистров можно дифференцировать, имея в виду, что «историческая память» как таковая, как состояние индивидуального или коллектив-

ного сознания формируется в порядке наделения носителей знаний о фактической стороне исторического процесса новыми, часто альтернативными смыслами. «Историческая память» во всех своих измерениях прирастает в режиме создания новых и актуализации старых интерпретаций фактов прошлого. По этой причине она не совсем уж индифферентна к достижениям исторической и политической наук, которые по разным каналам поставляют массовому сознанию фактический (а отчасти и теоретический) материал для его собственной интерпретационной работы, осуществляемой в форме продуцирования социального мифотворчества, идеологического творчества, элементарных фобий.

В соответствии с данным тезисом навыки развития политологом, гуманитарием вообще, своей «исторической памяти» – это, прежде всего, навыки интерпретирования постоянно увеличивающегося объема фактических знаний о прошлом общества и государства в своей стране и других странах, знаний об истории самой науки, об истории ее теоретических поисков. Это навыки нахождения в системе профессионального и гражданского мировоззрения (по признаку смысла) места всему, что узно о прошлом и что не может быть отброшено специалистом по соображениям профессиональной этики и гражданской ответственности. Это навыки перехода с одного уровня осознания, выражаясь словами Карла Ясперса, «смысла и назначения истории», на другой уровень.

Возможно, идеология образовательного процесса могла бы основываться на принципе, согласно которому в осознании прошлого первичными и наиболее практически значимыми для политики являются те интерпретации прошлого, которые вырабатывают сами общество и элиты по ходу своего взаимодействия и которые позволяют им удерживать политический процесс в организованном русле. Это, образно говоря, «профанный» уровень интерпретаций прошлого, на который ориентирована политическая повседневность. Если это учесть, то логичным было бы, чтобы бакалавр формировался, прежде всего, как специалист, компетентный в тех интерпретациях прошлого, которыми оперируют современные ключевые субъекты политики и которые позволяют ему видеть мир реальной политики глазами того общества и той элиты, членом которых он является.

Бакалавр формируется как профессионал, способный к социальной деятельности в структуре институтов гражданского общества и правового государства. Магистр же, на следующем этапе, формируется как специалист, способный расширить свои способности оперирования первичными, социальными интерпретациями за счет новейших достижений науки, то есть обладающий способностью оценить сущность политических процессов со стороны, а именно как ученый-политический аналитик, способный к опредмечи-

ванию политической реальности и к операциям с научными методологиями.

Данное предложение не требует глубокой структурной реорганизации существующих учебных планов и программ. Это иная, возможно, более точная, формулировка той задачи, решением которой вузовское сообщество сегодня уже занято. Это более четкое понимание того, каков может быть тот идеальный результат от реализации этих программ, к которому могут и должны стремиться студенты и преподаватели и который на идеологическом уровне может быть понятен обществу и элитам и одобрительно ими воспринят.

Подобную интерпретацию «исторических» компетенций целесообразно распространить и на другие общекультурные и профессиональные компетенции, что позволит как минимум уйти от той неопределенности, которая до сих пор не устранена введением ФГОС, в соотношении характеристик и областей профессиональной деятельности бакалавров и магистров.

Большинство российских вузов, получивших право на самостоятельное определение содержания образовательных стандартов по различным направлениям подготовки (МГУ, СпбГУ, а также ряд московских вузов, имеющих статус научно-исследовательских университетов), пошли по пути не просто обеспечения преемственности ООП бакалавров и магистров, но фактически связали их в единое системное целое. В результате бакалавриат рассматривается в данных вузах как «подготовительная» ступень для получения «завершенного» вузовского образования в рамках магистратуры, которое дает хорошие шансы для трудоустройства и профессиональной деятельности выпускников-политологов.

В бакалавриате акцент делается в одном случае на усвоении необходимого минимума основ теоретических знаний и практических навыков, которые имеют свое логическое системное завершение в рамках магистратуры, в другом – на теоретической составляющей, которая затем

дополняется прикладными учебными курсами в рамках магистратуры. Какая из двух этих основных моделей соотношения бакалавриата и магистратуры при этом выбрана – особой роли не играет. Единая их суть заключается в том, что бакалавры максимально нацеливаются на продолжение обучения в магистратуре.

Однако такая модель, как представляется, не соответствует ни ресурсным возможностям большинства региональных вузов, ни общественным потребностям в целом.

Казалось бы, ФГОС ВПО по направлению «политология» обеспечивает восприятие бакалавриата как полноценного и завершенного высшего образования. Обеспечивается это, в первую очередь, обозначенными сферами и видами профессиональной деятельности бакалавров и требованиями к ней. Сравнительный анализ содержания ФГОС с госстандартом предшествующего поколения, по которому сейчас заканчивается осуществление подготовки специальности «политология», показывает, что характеристики профессиональной деятельности бакалавров не только несколько не уступают специалитету, несмотря на уменьшение срока обучения, но в определенной степени расширяют их (табл. 1).

Материалы данной таблицы свидетельствуют, что определенное сужение области и видов осуществления профессиональной деятельности бакалавров, по сравнению со специалистами, произошло лишь в отношении педагогической деятельности, ограничивающей ее общеобразовательными учреждениями и образовательными учреждениями начального профессионального и среднего профессионального образования в качестве учителей обществознания и политологии. Все остальные области, объекты и виды профессиональной деятельности бакалавров прописаны более конкретно и развернуто. Думается, что тем самым разработчики ФГОС ВПО попытались легитимировать

Таблица 1

Области, объекты и виды профессиональной деятельности специалистов и бакалавров

Параметры сравнения	Специалитет (5 лет обучения)	Бакалавриат (4 года обучения)
Области осуществления профессиональной деятельности	В системе общего и специального образования, в практической политике	Общеобразовательные учреждения и образовательные учреждения начального профессионального и среднего профессионального образования в качестве учителей обществознания и политологии (распространяются на выпускников вузов, где обеспечивается получение квалификации «преподаватель»); академические и научно-исследовательские организации, связанные с политологической проблематикой, в качестве научных сотрудников, способных к участию в коллективных исследовательских проектах; органы власти и управления, редакции СМИ в качестве сотрудников, способных к участию в разработке и осуществлении реализуемых данными органами решений; аппарат политических партий, коммерческих и общественных организаций, осуществляющих проектную (консалтинговую, консультативную, исследовательскую и аналитическую), а также информационную деятельность в сфере политики, в качестве сотрудников, способных к участию в разработке и осуществлении реализуемых данными структурами решений

Окончание табл. 1

Параметры сравнения	Специалитет (5 лет обучения)	Бакалавриат (4 года обучения)
Объекты профессиональной деятельности	Образовательные и научно-исследовательские институты, органы государственной власти и местного самоуправления, консультационные центры, общественно-политические организации	Различные сферы общественно-политического, социокультурного и экономического пространства Российской Федерации и мира. В собственно политической сфере – это, прежде всего, структуры государственной власти и управления (федеральный, региональный и муниципальный уровни), политические партии и общественно-политические движения, система современных международных отношений; в социокультурном плане – политическая культура и самосознание, общественно-политические настроения; в экономическом аспекте – взаимодействие власти и бизнеса, политические интересы и устремления различных групп экономического сообщества
Виды профессиональной деятельности	Научно-исследовательская; организационно-политическая, консультационная и преподавательская (в высшей школе)	Научно-исследовательская; педагогическая (для вузов, дающих квалификацию «преподаватель»); организационно-управленческая; проектная. Конкретные виды профессиональной деятельности, к которым в основном готовится бакалавр, определяются высшим учебным заведением совместно с обучающимися, научно-педагогическими работниками высшего учебного заведения и объединениями работодателей

в массовом сознании статус бакалавриата как полноценного и завершеного высшего профессионального образования.

Если сравнить требования к профессиональной подготовленности специалиста (в соответ-

ствии с ГОС 2) и профессиональные компетенции бакалавра, то окажется, что последние практически ни в чем не уступают (особенно с учетом наличия еще более развернутых характеристик общекультурных компетенций) (табл. 2).

Таблица 2

Требования к профессиональной подготовленности специалиста и профессиональные компетенции бакалавра

Специалитет	Бакалавриат
<p>Умение определять специфику политической среды и деятельности «человека политического», их влияние на развитие общества и отдельные его компоненты</p> <p>Владение пониманием мировоззренческого уровня политики, основ политической философии, взаимосвязи политики и идеологии, политики и культуры</p> <p>Знание понятийно-категориального аппарата и методологий политической науки, основных отраслей (направлений) политического знания, владение инструментарием политического анализа и прогнозирования</p> <p>Знание и умение выделять теоретические и прикладные, аксиологические и инструментальные компоненты политического знания, его экспертные, прогностические и иные функции, понимание роли политической науки в подготовке и обосновании политических решений</p> <p>Умение выделять инструментальные и внеинституциональные аспекты политики, рациональное и иррациональное в ней</p> <p>Владение методикой и техникой эмпирических политических исследований, умение применять эти знания для решения теоретических и прикладных задач</p> <p>Знание основных разновидностей современных политических систем и режимов</p>	<p><i>Научно-исследовательская деятельность:</i></p> <p>владение навыками научных исследований политических процессов и отношений, методами анализа и интерпретации представлений о политике, государстве и власти (ПК-1);</p> <p>владение навыками участия в исследовательском процессе, представление о методах современной политической науки и их применение в политологических исследованиях (ПК-2)</p> <p><i>Педагогическая деятельность:</i></p> <p>владение методикой преподавания курса обществознания и политологии, а также отдельных дисциплин политологического знания в средней общеобразовательной школе, лицее и гимназии, способность логично и последовательно представлять освоенное знание (ПК-3);</p> <p>способность и умение использовать полученные знания и навыки по введению в политическую теорию (владение методологией анализа современных политологических доктрин и подходов, формирование навыков исследовательской работы в области теории политики) (ПК-4);</p> <p>знание основных этапов и характеристик политической истории России и зарубежных стран, особенностей исторических традиций в политическом развитии, владение навыками политического анализа исторического прошлого (ПК-5);</p> <p>знание основных учений и концепций мировой и отечественной политической мысли, умение работать с оригинальными научными текстами и содержащимися в них смысловыми конструкциями) (ПК-6);</p> <p>освоение основных теоретико-методологических подходов в политической компаративистике, знание современных школ и концепций в сравнительной политологии, владение навыками сравнительного анализа политических систем и институтов (ПК-7);</p> <p>знание закономерностей поведения и менталитета политических лидеров и рядовых граждан, их рациональных убеждений и бессознательных мотивов, массовых политических настроений и личностных особенностей политиков (ПК-8);</p>

Окончание табл. 2

Специалитет	Бакалавриат
<p>Владение кругом проблем, относящихся к человеческому измерению политики, специфике политической социализации личности, политической этике, критериям и методам гуманизации политики, соотношению сущего и должного, общего блага и индивидуального интереса</p> <p>Умение работать в коллективе, принимать управленческие решения в условиях конфликтных ситуаций</p> <p>Понимание специфики основных этапов политической истории России и мирового политического процесса; умение использовать знание политической истории для анализа современной политической ситуации в стране и мире</p> <p>Иметь представление об основных теоретических концепциях мировой политики и международных отношений</p> <p>Умение анализировать международные политические процессы, геополитическую обстановку, проблемы, относящиеся к месту и статусу России в современном мире</p> <p>Владение знанием «о мире политического» в его соотносительности с гражданским обществом, экономикой, социокультурной системой</p>	<p>знание основных закономерностей и тенденций мирового и российского политического процесса, иметь представление о процессах глобализации и их влиянии на современные международные отношения, о месте и роли основных политических институтов в современном обществе (ПК-9);</p> <p>иметь представление об аналитической и прогностической функциях современной политологии, знание методов сбора и первичной обработки политической информации, методологии и методик политического анализа, освоение основных теоретико-методологических подходов в сфере политического прогнозирования (ПК-10);</p> <p>иметь представление о менеджменте в системе современной политологии, знание методов принятия и реализации политических решений, умение применять политические технологии, формирование навыков политического консалтинга (ПК-11)</p> <p><i>Организационно-управленческая деятельность:</i></p> <p>способность к участию в организации управленческих процессов в органах власти, в аппарате политических партий и общественно-политических объединений, органах местного самоуправления (ПК-12);</p> <p>способность к участию в проведении политических кампаний, к использованию знаний об избирательных технологиях и других видах политической мобилизации (ПК-13);</p> <p>владение методиками социологического, политологического и политико-психологического анализа, подготовки справочного материала для аналитических разработок (ПК-14);</p> <p>способность рационально организовать и планировать свою деятельность, применять полученные знания для формирования собственной жизненной стратегии (ПК-15);</p> <p>способность к ведению деловой переписки (ПК-16)</p> <p><i>Проектная деятельность:</i></p> <p>способность использовать знания о политической диагностике, участвовать в работе по описанию, прогнозированию политических процессов и проблемных ситуаций (ПК-17);</p> <p>способность к использованию методов политического позиционирования бизнес-структур, СМИ и других участников политического процесса (ПК-18)</p>

Материалы данных таблиц позволяют констатировать, что по своей содержательной сущности (как количественных, так и качественных характеристик требований) компетентностный подход, заложенный в основу ФГОС ВПО по направлению подготовки 030200 «Политология» (квалификация (степень) «бакалавр»), нацеливает на такой же профессионально-универсальный уровень, как и подготовка специалистов. Тем самым реформой высшего образования в современной России вновь актуализирован хорошо известный исторический лозунг строителей социализма «Пятилетку за четыре года!».

В очередной раз возникает резонный вопрос – за счет каких резервов его можно реализовать без ущерба качества подготовки бакалавров? Как обеспечить реальный высокий уровень общекультурных и профессиональных компетенций без увеличения учебной нагрузки? Каким образом обеспечить системность и прочность усвоения теоретических и прикладных знаний с учетом предстоящего перехода к балльно-рейтинговой системе оценок качества знаний? Как и за счет чего дать возможность выбора специализиру-

ющего профиля подготовки в региональных вузах, чаще всего имеющих небольшие группы бакалавров-политологов? Ряд вопросов можно было продолжить, но и обозначенные требуют своего обсуждения и определенного решения уже в ближайшее время.

Одним из способов снятия ряда проблем представляется изменение стратегии подготовки бакалавров за счет переориентации приоритета теоретико-методологических компетенций на практикоориентированные компетенции. Определенные шаги в этом направлении в ФГОС ВПО уже сделаны (прежде всего, в отношении компетенций, нацеливающих на преподавательскую деятельность), но пока еще непоследовательно, с оглядкой на необходимость усвоения бакалаврами-политологами всей совокупности широких познаний в самых различных областях политической науки, которые были обоснованы в свое время госстандартами для специалистов.

Определенная фильтрация совокупности всех учебных курсов бакалавриата и соответствующая кристаллизация прикладных курсов возможна за счет усиления сотрудничества с представителями

работодателей. Например, в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского в соответствии с рекомендацией Совета работодателей юридического факультета была изменена тематика курсовых и дипломных работ. Они стали больше ориентироваться именно на особенности политической системы Саратовской области, региональные институты, процессы, механизмы и технологии. Соответствующие изменения были внесены и в ряд соответствующих учебных курсов.

Усиление прикладной составляющей подготовки бакалавров позволит решить и еще одну проблему региональных вузов – обоснование специфики подготовки в рамках магистратуры. Тогда мотивация поступления в магистратуру будет у тех выпускников бакалавриата, которые в большей степени склонны к научно-исследовательской работе и ориентированы на более глубокое и всестороннее освоение теоретико-методологических основ политологии. В соответствующей корректировке нуждаются и профессиональные компетенции выпускника магистратуры.

В целом, в организации учебного процесса было больше практического смысла, если бы формирующийся профессиональный политолог имел возможность сначала посмотреть на обще-

ство, частью которого он как гражданин является, изнутри, его, общества, собственными «глазами», прежде чем он станет смотреть на это общество извне как на предмет политических манипуляций, модернизаций, трансформаций.

Это вопрос общей стратегии уровневого образования, но еще и вопрос оптимизации технологии политического воспитания будущего профессионала. Сейчас ситуация такова, что прежде чем студент-политолог научится смотреть на мир политики глазами таких же, как он, граждан, современные образовательные программы бакалавриата уже вооружают его предельно мощным и универсальным аналитическим оружием политических теорий. В результате неизбежна иллюзия, что при их помощи он способен решить любые политические проблемы собственного общества и государства и других социально-политических систем, что он уже полностью состоялся в качестве политического аналитика и менеджера. Такого, «вооруженного» по последнему слову науки и привыкшего к позиции стороннего наблюдателя за общественно-политическими процессами, профессионала-политолога, когда он возьмется за политические операции, очень трудно будет убедить не резать «по живому».

УДК 316.334.3+366.636

ПОНЯТИЕ КОНСОЛИДИРОВАННОЙ И ФРАГМЕНТИРОВАННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. А. Зимин

Саратовский государственный университет
E-mail: natali.26.12@mail.ru

В статье критических позиций рассматриваются основные трактовки политической культуры как консолидированной реальности и обосновывается авторское понимание фрагментированной политической культуры.

Ключевые слова: политическая культура, консолидированная политическая культура, мультикультурализм, фрагментированная политическая культура.

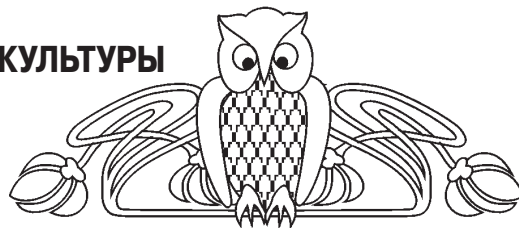
Consolidated and Fragmented Concept of Political Culture

V. A. Zimin

The article critically examines the main interpretations of political culture as a consolidated reality and justify the author's understanding of a fragmented political culture.

Key words: political culture, consolidated political culture, multiculturalism, fragmented political culture.

Одной из самых дискуссионных в политической науке является проблематика, отражающая российскую специфику социокультурного развития и ее воздействие на политическую жизнь

современной России. Не прекращаются дискуссии по вопросам причинной обусловленности специфики российской политической культуры, ее способности к эволюции в соответствии с современными глобализационными вызовами, функциональности в контексте задач политической модернизации и повышения роли гражданского общества. Как представляется, для исследования современных состояний политической культуры, возможно, продуктивным стал бы подход, основанный на представлении о ней как о фрагментирующейся реальности.

Большинство современных концепций политической культуры реализуют подход, основанный на представлении о культуре вообще и политической культуре в частности как консолидированной и консолидирующейся реальности.

Один из первых исследователей политической культуры Э. Я. Баталов характеризовал ее «как систему исторически сложившихся, относительно устойчивых и репрезентативных («образцовых») убеждений, представлений, установок сознания и моделей поведения индивидов

и групп, а также моделей функционирования политических институтов и образуемой ими системы, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, определяющих ее основные направления и формы и тем самым обеспечивающих воспроизводство и дальнейшую эволюцию политической жизни на основе преемственности». По его мнению, «любая политическая культура носит “бинарный” характер, т. е. включает в себя не только положительные, но и отрицательные устойчивые черты, наблюдаемые в сознании и поведении субъекта политического процесса»¹.

Данная трактовка является одной из наиболее распространенных и общепринятых в российской политической науке. Подобные консолидированные трактовки функциональности политической культуры характерны (начиная с Г. Алмонда) и для различных ее интерпретаций в западной политологии.

К этим теоретическим представлениям часто привязана и практическая политика. Типичными примерами последовательной практической реализации двух различных ее вариантов являются идеологически обоснованная советская стратегия формирования политической культуры строителя коммунизма в советском обществе, а также либерально-демократическая стратегия европейской политики мультикультурализма.

После распада СССР советская модель формирования нового человека на основе универсальной интернациональной политической культуры оказалась невостребованной.

По мнению сторонников либеральной политики мультикультурализма, «усилия в направлении конституционализации международного права могут рассчитывать на успех, только если мировое общество способно интегрироваться в культурном смысле – т. е. через признанные в различных культурах принципа политической справедливости – поверх уровня функциональной интеграции»². Первая практическая попытка установления такой межкультурной коммуникации привела к принятию Устава ООН и Декларации прав человека.

В современных условиях эти попытки стали более широкими по содержанию. По мнению Ю. Хабермаса, главными препятствиями на пути реализации общемирового проекта «многокультурного концепта мир-общества» выступают не только «рефлексы» национальных государств, подверженных «неблагоприятному влиянию герменевтических условий асимметричных властных отношений», но и традиции метафизического мышления. Тем не менее, автор оптимистично утверждает, что «проект конституции для культурно разделенного международного сообщества обеспечивает возможность рассмотреть светскую мысль со стороны двух различных перспектив, а именно, и с точки зрения мировых религий, находящихся в конкуренции друг с другом как на

глобальном уровне, так и внутри национальных обществ, и с точки зрения конфликта между этими религиозными доктринами, а также метафизическими воззрениями, с одной стороны, и позициями пострелигиозного и постметафизического мышления – с другой. Это перемещает социологическую проблематику на уровень политической теории. Ибо ныне становятся интересны исходные когнитивные предпосылки перспективной межкультурной коммуникации относительно будущих политических рамок многокультурного мирового общества»³. Конечная цель остается неизменной – мировое космополитическое сообщество, первопроходцами в строительстве которого являются архитекторы общеевропейского пространства⁴.

Анализ исследований представителей различных направлений мультикультурализма⁵ подтверждает тезис о том, что, несмотря на определенные различия, все они укладываются в единое русло и основываются на принципах либерального мессианизма, в соответствии с которым основная тенденция развития политической культуры состоит в стремлении к консолидации и унификации. Отсюда – рассуждения о конце истории как политико-культурном состоянии современных обществ, вставших на пути либеральной демократии⁶. Отсюда – идея глобализации как конца истории, растянутого в неопределенном времени. В соответствии с ней историю создает разнообразие форм, смыслов и процессов. В этом отношении глобализация как идея тождественна идее конца истории. Отсюда – идея модернизации как процесса, который повсеместно должен привести институциональный дизайн обществ и их политическую культуру в «органическое состояние», позволяющее оптимизировать то управление этими обществами, которое осуществляют элиты.

В этом отношении показательны рассуждения Дж. Сороса, одного из видных идеологов перехода к единому политическому сообществу в общемировом масштабе. По его мнению, в современном мире имеет место весьма существенный дисбаланс между реальной мировой системой капитализма и, по сути, эфемерной мировой политической системой. В этой связи «для стабилизации и подлинного регулирования мировой экономики нам нужна некая мировая система принятия политических решений. Иными словами, нам необходимо новое мировое сообщество для поддержания мировой экономики. Мировое сообщество не означает мировое государство. Отмена государства не является ни реальной, ни желательной; но вплоть до настоящего момента, поскольку существуют общие интересы, выходящие за пределы государственных границ, суверенитет государств должен быть подчинен международному праву и международным институтам»⁷.

Если говорить о связи идеи прогресса политической культуры с идеей модернизации, то она обусловлена именно представлением о по-

литической культуре как консолидирующей и стремящейся к структурному и смысловому единообразию (на основе общечеловеческих ценностей) реальности.

Так происходит потому, что большинство современных концепций, прямо или косвенно затрагивающих проблемы политической культуры, родились в последние два столетия, когда действительно в политико-культурных процессах наблюдались тенденции к выработке обществами в разных частях света культурных императивов на почве идей и ценностей, сформулированных в рамках западного мира и поддержанных (или обусловленных) его цивилизационным опытом буржуазного развития.

Они не случайно разделились на консервативное, либеральное и социалистическое направления, поскольку каждое из этих направлений намечало в исторической перспективе (причем намечало достаточно безапелляционно) некую стратегическую точку, в которой такая консолидация обществ произойдет на почве признания единого набора политических идей, ценностей и форм организации. Несмотря на принципиальное отличие в политических идеалах конструируемого и внедряемого на их основе общественно-политического устройства, все эти идеологии объединяла уверенность в неизбежности универсального «светлого» будущего всего человечества.

Реформы и революции, приобретшие в последние два столетия невиданную прежде популярность, стали популярны именно в качестве инструментов эффективного достижения обозначенных сторонниками различных идейно-мировоззренческих направлений точек консолидации. Была концептуализирована даже идея консервативной революции. Новый импульс получила идея конституционного устройства политики и права. Конституция стала трактоваться как один из важнейших инструментов консолидации политической культуры.

Этот процесс сопровождался востребованием той части идейного наследия древности, Средневековья и Нового времени, в которой на первый план выдвигались идеи общего политического будущего цивилизованных народов, идеи перехода обществ и государств к единой стилистике политических взаимодействий на почве общепризнанных (общечеловеческих) ценностей.

В результате естественное стремление к идеалу, свойственное сознанию любого человека, пишущего о настоящем, полном противоречий, и о будущем, которое он хочет избавиться от аналогичных противоречий, к тому, чтобы этот идеал разделило как можно больше людей, было перенесено на характеристики динамики политической культуры и стало основой современной методологии ее исследований.

В то же время, реальная многовековая политическая история самих европейских стран

демонстрировала очень сложную динамику политико-культурных процессов.

От фрагментированного состояния до римского завоевания она развивалась в сторону консолидированного состояния в римскую эпоху. Затем, в эпоху «великого переселения народов», вновь обозначилась тенденция к фрагментации и возник тот ряд специфических «феодализмов», об основаниях соединения которых в одну формационную или цивилизационную модель до сих пор спорят исследователи⁸.

Затем начался процесс политико-культурной консолидации католической Европы, сменившийся в Новое время религиозной и политической Реформацией, сопровождавшейся политико-культурным расколом. На смену расколу пришла новая консолидация на почве ценностей уже буржуазной политики и буржуазной культуры.

Именно последняя консолидация сопровождалась наиболее напряженной теоретической рефлексией. Обусловлено это было тем, что сам образ консолидированного будущего мира либеральной демократии столкнулся как с внешними (со стороны собственных колоний, без которых он не мог развиваться), так и с внутренними (со стороны традиционализма и левого революционаризма) вызовами в форме альтернативных образов будущего, которые были реальной угрозой достигнутому консолидированному состоянию европейского мира.

В современных условиях этот процесс фрагментации значительно ускорен глобализацией и многообразными модернизациями. Глобализации и модернизации, нацеливающие все процессы на приведение к единому стандарту, лишают цивилизационную систему внутренних стимулов к развитию и как бы перекашивают ее основные модели в сторону утраты своей специфической идентичности.

Возникают компенсирующие тенденции в виде культурной фрагментации. В научной литературе они приобретают различное концептуальное оформление. Одним из самых последних направлений в данной области, на наш взгляд, является изучение процессов взаимоотношения общемировых тенденций социокультурного развития и тенденций сохранения регионально-локальных культурных особенностей в рамках концептуального оформления теории глобализации и глокализации⁹.

Суть глокализации, по мнению ее сторонников, заключается в том, что она дает возможность избежать уже обозначившихся негативных последствий и конфликтных ситуаций процессов глобализации. В соответствии с данной концепцией универсализация принципов и ценностей мирового политического развития сопровождается повышением толерантности в отношении многообразия социокультурного развития не только отдельных стран, но и отдельных регионов, которые укрепляют свою самобытность за счет расширения горизонтальных культурных связей,

в том числе независимо от национально-государственного деления.

Как представляется, это своего рода инвариация, особая концепция мультикультурализма, в рамках которой процессы глобализации должны будут сформировать единое универсальное либерально-демократическое ценностное ядро, создающее социокультурную основу для реализации космополитического устройства мирового сообщества. В этом случае сохранение «периферийного» культурного своеобразия может расцениваться как своего рода декоративное прикрытие глобализационной модели общественно-политического устройства.

Появление концепции глокализации во многом было обусловлено тем, что «новые демократии», возникшие после краха восточного блока и разрушения СССР, испытывают огромное множество политических, экономических, социальных, идеологических и культурных проблем, связанных со становлением демократического государства и гражданского общества, формированием рыночной экономики и поисками своей национальной идентичности. По мнению В. В. Герменчука, «западный опыт общественной трансформации, который был щедро предложен им в качестве универсального образца для стратегий развития, не оправдал связанные с ним ожидания»¹⁰.

Подобные сомнения в универсальности институтов и ценностей либерального Запада характерны для многих современных исследователей, которые отмечают отсутствие обобщенной теории институтов и организационного развития, их оптимальных форм и правил перестройки, рационализации механизмов власти и управления¹¹. Тем не менее большинство из них не подвергает сомнению онтологически предопределенный консолидирующий смысл в рамках общенациональной политической культуры.

Однако для консолидированных состояний политической культуры характерно простое и логичное соответствие формы смыслу, который ее наполняет. Эта простота позволяет самым разнородным социально-политическим системам быстро интегрироваться в единое политико-культурное пространство и создавать прорывы в развитии политической культуры в определенные эпохи.

По мере того, как разные политические сообщества уточняют смысл, вложенный в признанные ими политические формы, адаптируют этот смысл к собственной потребности использования стандартных и общепризнанных форм, смысл начинает жить вполне самостоятельной жизнью. Иногда формы либеральной демократии (что особенно явно заметно сегодня на примере арабского мира) наполняются смыслом, противоположным идее свободы, законности, равноправия. Подобные обвинения очень часто слышны и в адрес российской политической системы, которая строилась с ориентацией на универсальные либеральные принципы и ценности, но получила в результате определенное авторитарное содержание.

Возникает парадоксальная ситуация, когда именно стандартизация институциональных форм политики открывает широкие возможности для наполнения их различным, часто альтернативным смыслом, соответствующим намерениям разных народов использовать специфику своей политической культуры ответов на модернизационные вызовы и в качестве аргумента в споре за место в будущем глобальном мире. Думается, что именно в рамках такой трактовки политической культуры заключены существенные эвристические возможности для объяснения политических и социально-экономических процессов и их последствий в постсоветской России.

Примечания

- 1 Баталов Э. Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // Баталов Э. Я. Политическое «слишком человеческое». М., 2000. С. 52.
- 2 Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе // Полис. 2010. № 2. С. 13.
- 3 Там же. С. 13.
- 4 См.: Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 5 (39). С. 152.
- 5 См.: Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М., 2004; Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. М., 2006; Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М., 2012; Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Ханнингтона / пер. с англ.; под ред. В. В. Сапова. М., 2004 и др.
- 6 См.: Фукуяма Ф. Конец истории и Последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М., 2004.
- 7 Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. С. XXVI.
- 8 См.: Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Международные Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. Т. 2: Материалы. СПб., 2010; История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
- 9 См.: Азроянц Э. А. Глобализация: катастрофа или развитие? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М., 2002; Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М., 2001; Богатуров А. Д. Современный мир: система или конгломерат? Опыт транссистемного подхода // Богатуров А. Д. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002; Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М., 2004; Шинковский М. Ю. Глокализация как предмет научного исследования // Полития. 2008. № 2 (49).
- 10 Герменчук, В. В. Пространство власти и управления. Минск, 2008. С. 4–5.
- 11 Там же.

УДК 32.01

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Г. М. Барашков

Саратовский государственный университет
E-mail: eternity65@yandex.ru

В статье рассматривается становление институтов гражданского общества в современной России, их специфика, функциональная особенность и влияние на политические процессы исследуемого периода.

Ключевые слова: гражданское общество, российский опыт демократизации, институты гражданского общества, российская специфика гражданского общества, особенности функционирования гражданского общества в России.

Functional Features of the Institutions of Civil Society in Modern Russia

G. M. Barashkov

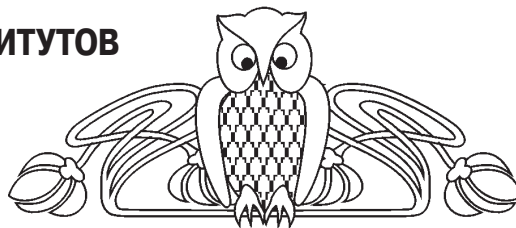
This article discusses the development of institutions of civil society in modern Russia, their specificity, functional feature and influence on the political processes of the investigated period.

Key words: civil society, Russian experience of democratization, institutions of civil society, Russian peculiarities of civil society, functional features of civil society in Russia.

Идея гражданского общества обрела особую актуальность в условиях посткоммунистического пространства, где радикальные преобразования привели к активному поиску ценностных ориентиров. Идея гражданского общества должна была прийти на смену коммунистической идеологии как некая ценность (ориентир), которая заложила бы некую парадигму взаимоотношений и взаимодействий власти и общества. И, собственно говоря, здесь начинаются определенные проблемы, имеющие как теоретическую, так и практическую плоскость.

Во-первых, идея гражданского общества не имеет надлежащего концептуального оформления, поэтому не сложился тот уровень метатеории, который бы обеспечивал аксиоматический подход к рассматриваемой проблеме. Вероятно, этим объясняются утверждения, что идея гражданского общества была всего лишь регулятивной нормой в канун буржуазных революций и не больше, а само гражданское общество оформляется только в эпоху раннеиндустриального этапа, чтобы уже во второй половине XIX в. трансформироваться в массовое общество и прекратить свое существование¹.

Другие авторы полагают, что идея гражданского общества никогда не обретала своего определенного состояния. Она никогда не выходила за рамки некоего идеала².

Третьи ученые пытаются рассматривать данный феномен в абсолютном отрыве от института государства, определяя гражданское общество как «ту ткань нашей совместной с другими жизни, которая для своего поддержания не нуждается в государстве, поскольку создается за счет низовых инициатив», опираясь на рынок и общественность³.

Есть и те, кто высказывает мысль о том, что феномен гражданского общества, являясь творчеством и продуктом эпохи Нового времени, продолжает существовать и ныне, претерпевая исторические модификации⁴.

Исследование этого феномена и многообразие взглядов на его сущность и перспективу сопряжено с попыткой решить проблему взаимосвязи и взаимодействия государства и гражданского общества, выявить правовое пространство этой взаимосвязи, определив статус государства и гражданского общества в системе общества.

Нет единого ответа и на вопрос, что есть гражданское общество в условиях XXI в., времени постмодерна, формирования постиндустриального общества и поиска новой модели развития в условиях глобальных кризисов.

Возникает вопрос: применимо ли понятие «гражданское общество» к России? Одни видят основу российского гражданского общества в крестьянской общине, православной идеологии, соборности дооктябрьского периода. Другие считают, что гражданского общества в пространствах Российской империи и СССР никогда не существовало, для этого не существовало никаких предпосылок, и его нужно создавать впервые. Если же создавать впервые, то либо используя опыт Запада, либо опираясь на традиции с учетом российских условий.

Вместе с тем из множества дискуссионных моментов, встречающихся в трактовке содержания гражданского общества, диапазон которых колеблется от полного отрицания его эффективности в качестве конкретной модели социально-политической практики до некоторых частных моментов его понимания, для современной России, по нашему мнению, особый интерес представляют вопросы, связанные со способностью российского общества к самоорганизации и автономизации от государства, с выявлением субъектов, формирующих гражданское общество, с применимостью

западной модели гражданского общества для воплощения в России, с выяснением характеристик современного типа гражданского общества – то есть того круга проблем, которые имеют огромное политическое значение для будущего страны.

Иными словами, проблематика гражданского общества в ином социокультурном контексте предполагает анализ фундаментальных вопросов, фиксирующих специфику российской цивилизации, обращающихся к институциональным основаниям гражданского общества в современной России и, наконец, актуализирующих проблемы «разрыва–преемственности» между дореволюционной Россией и Советским Союзом, Советским Союзом и постсоциалистической Россией. Без их анализа вряд ли возможно продуктивное рассмотрение ключевых вопросов состояния российского общества в настоящей момент, поскольку элементы гражданского общества всегда вырастают на базе тех институтов и принципов общежития, которые складываются в традиционных сообществах и имеют многовековую историю. Именно культурно-цивилизационное своеобразие обществ, определяемое той или иной устойчивой доминантой ценностей, непосредственно влияет на весь смысл жизнедеятельности человека и отражается в повседневной деятельности масс.

При таком подходе перспективу гражданского общества в России следует рассматривать не с позиций поверхностного западничества, а принципиально иначе. Она должна быть содержательно увязана с конкретной ситуацией и вместе с тем с национальными культурно-историческими традициями, в которых государство, эгалитаризм, предпочтение коллективу всегда были определяющими для национальной самоидентификации. И здесь можно согласиться с авторами, считающими, что на протяжении всей своей истории Россия развивалась в целом по «европейскому пути», хотя в этом процессе с самого начала проявились качественные особенности, связанные со спецификой русской культуры⁵. Гражданское общество тем самым не является для нас чем-то чуждым, скорее оно естественно и органично, но его конкретные формы, вне всякого сомнения, были иными, чем на Западе.

Обращение к своеобразию России является обращением не ради только самого своеобразия, скорее это попытка расширения возможных альтернатив выхода из системного кризиса сегодняшнего дня. Необходимо это также и для восстановления связи с национальным духом народа, его образом и строем жизни, вековыми социальными и политическими традициями. Нельзя пренебрегать базовыми, первичными структурами массового национального сознания, формирующими характер народа. Новая государственность в любом случае будет опираться на традиционные социокультурные и политические ценности общества. В каких формах это произойдет, будет

зависеть от всей совокупности разнопорядковых факторов как прошлого, так и настоящего.

Политическое развитие современной России показывает, что механическое перенесение западных экономических и политических структур на иную социокультурную почву ведет лишь к деградации социальных отношений, дезорганизации социальных субъектов, резкому обострению существующих и порождению новых социальных противоречий и в конечном счете к снижению качества мотивации любой человеческой деятельности. Всегда существует прямая зависимость развития общества от совокупности социальных институтов, сформировавшихся в ходе его многовековой эволюции и придающих той или иной стране неподражаемое своеобразие. В связи с этим перспектива гражданского общества в России должна рассматриваться не с позиций теоретического монизма, как это обычно происходит сейчас, а совершенно иначе. Она должна быть содержательно увязана с конкретной ситуацией и вместе с тем с цивилизационной органикой России, а не проявляться в попытках массовой инфильтрации западных институтов гражданского общества, да к тому же еще во многом и в их иллюзорно-утопическом варианте.

Вместе с тем в настоящее время основная задача заключается в формировании такого типа гражданского общества, который был бы адекватен и современной эпохе. Именно этим должны определяться способы преобразования России. На наш взгляд, реалистический учет объективных тенденций мирового развития не требует разрушения собственных цивилизационных основ, скорее, наоборот, в них на институциональном уровне должны быть проведены преобразования, соответствующие современным техническим и организационным достижениям Запада. И это вполне возможно, поскольку опыт ряда государств (Японии, Китая, Индии, стран Латинской Америки и др.), которые отвергли вестернизацию, но, тем не менее, модернизируются, превратились в современные общества, свидетельствует о том, что сохранение своей цивилизационной самобытности не препятствует эффективному экономическому развитию⁶. А в нашем случае сложившаяся критическая ситуация во многом обусловлена именно нашим неумением или нежеланием совместить необходимую модернизацию основополагающих факторов социальной жизни с национальными особенностями российской культурно-исторической традиции.

Условия зарождения гражданского общества в России отличались от аналогичных процессов на Западе. На формирование гражданского общества в России, на ее культурно-цивилизационное многообразие влияли следующие факторы.

Во-первых, большие географические пространства, экстенсивный способ их освоения в неблагоприятных климатических и природных условиях предопределили низкий уровень

цивилизированности и социокультурного мироустройства⁷. Во-вторых, социальная эволюция осуществлялась по принципу «сильное государство – слабое общество», общество оказалось не в состоянии ограничить политическую власть. Доминантной формой социальной организации стала государственность, что изначально формировало соответствующее нормативно-ценностное пространство. В-третьих, это наличие института «власть – собственность», когда власть над людьми сочетается с властью над собственностью, что сближало Россию с восточным социально-политическим устройством. В-четвертых, это неразвитая городская культура и неоформленный городской образ жизни, соответственно, большой удельный вес субкультуры простолюдинов, то есть людей, лишенных индивидуально-субъективного начала, не способных и не желающих отвечать на вызовы меняющихся обстоятельств. Их отличительный признак – неприятие таких проявлений личности, как свобода, достоинство, собственность⁸. В-пятых – неразвитость рынка в условиях господства крестьянской общины и подавляющей доли крестьян в составе населения и, соответственно, недостаточное развитие частной собственности, стимулов сельскохозяйственного труда, предпринимательства. Даже с отменой крепостного права при несомненном оживлении хозяйственной жизни община продолжала сковывать инициативу подавляющего большинства населения.

Эти российские особенности следует сопоставлять с цивилизационными и упущенными альтернативами, в том числе с возможностями формирования гражданского общества. На наш взгляд, эти возможности относились в большей степени к XX в., чем веку XIX, в котором был проделан путь, вполне адекватный ситуации пореформенной России. А уже с 17 октября 1905 г. появилась принципиальная возможность для России стать конституционной монархией, но эта альтернатива не реализовалась. Реформы П. А. Столыпина заложили возможность «размышления» общины, препятствовавшей становлению гражданского общества, но и им не суждено было реализоваться в полной мере.

После Октябрьской революции в политической сфере стала доминировать большевистская партия, а затем советское государство во всех сферах общественного бытия. Этатизм и идея классовой борьбы вытеснили идею гражданского общества, а формализация общественной жизни и отсутствие гарантий личных прав и свобод нанесли по ней ощутимый удар.

Кризис коммунистических режимов в конце 80–90-х гг. XX в. привел к обновленному интересу к возможностям гражданского общества противостоять тоталитаризму сначала у диссидентов, затем у политиков и теоретиков из числа разочаровавшихся марксистов. Для одних это был рецидив индивидуалистического и конституционного либерализма, для других – признание

превосходства свободного рынка над централизованной плановой экономикой. Популярность идеи в странах бывшего коммунистического мира способствовала ее общему ренессансу во всех странах либеральной демократии или движущихся в этом направлении.

Ситуацию в странах Центральной и Восточной Европы с точки зрения идеи гражданского общества наиболее полно выразил Е. Шацкий. По его мнению, отрицание коммунизма и поиск альтернативной позиции явились естественным источником симпатий к либерализму, который в странах реального социализма появился сначала как своего рода коммунизм наоборот, иначе говоря, как своеобразный свод принципов, противоположных официальной идеологии и бывших, по сути, негативами коммунистических реалий. Свобода понималась как противоположность повсеместным запретам и ограничениям, права человека и гражданина как противоположность господствующему этатизму, рынок как противоположность плановой экономике и т. д.⁹ Ключевыми в оппозиционных ценностях были две идеи – автономия личности и гражданское общество.

Интерпретация идеи автономии личности была связана не с оппозицией личности к обществу, а с оппозицией личности к государству, поскольку считалось, что в условиях социализма индивид подвергается давлению в первую очередь со стороны государства. Поэтому индивид стремился найти поддержку в обществе, которое, по его мнению, также находилось в оппозиции к государству. Но этот подход весьма серьезно отличался от западного понимания свободы личности, где ее уверенно связывали последние столетия с расширением частной сферы¹⁰.

Обращение к идее гражданского общества также было вполне естественным, поскольку либерализм основывается на различении государства и общества, различении, которое и отражает большинство современных концепций гражданского общества. По мнению Е. Шацкого, понятие «гражданское общество» далеко не случайно стало главным оппозиционным лозунгом и приобрело популярность именно в 80-е гг. XX в., когда оно распространилось под самыми разными названиями: «независимая культура», «параллельные структуры», «альтернативное общество» и др.

Таким образом, понятие «гражданское общество» было введено в обращение как само собой разумеющееся, и им стали пользоваться, по мнению Е. Шацкого, как определением не то цели, к которой следовало стремиться, не то наиболее ощутимых результатов оппозиционной деятельности, не то любых, сохранивших независимость от государства отношений и структур. Иногда подчеркивалось, что пока коммунисты находятся у власти, «гражданское общество неизбежно обречено оставаться реальностью для меньшинства, иногда проявлялась тенденция к отождествлению его с обществом как таковым...»¹¹

Данная смысловая неоднозначность была связана с использованием понятия прежде всего в пропагандистских, а не аналитических целях. Это имело своим следствием значительную неопределенность термина, что проявлялось в отсутствии четкой границы между описательным и нормативным аспектами. В конечном итоге, как пишет Е. Шацкий, понятие гражданского общества, получившее признание в Восточной Европе, опиралось на какие-либо классические теории либерализма только в той их части, в которой слово «civil», в отличие от своего первоначального значения, получает принципиально «общественное» содержание и перестает быть синонимом слова «political». В данном случае речь идет не только о различии гражданского общества и государства, но и о весьма решительном их противопоставлении¹². И более того, «идея гражданского общества появилась в Восточной Европе прежде всего как идея антигосударственная», и в этом ее принципиальное отличие от западной ситуации, где возврат к идее гражданского общества также имел антиэтатистский характер, но не включал в себя восприятие государства как по сути своей враждебное и чуждое обществу. По мнению Е. Шацкого, без понятия «оппозиция» такого рода обществу вообще невозможно дать определение, поскольку мерой его развития является степень выраженности и многогранности этой оппозиции¹³.

Таким образом, теоретические представления, которые получили распространение в бывших социалистических странах, имели принципиальные особенности, касающиеся понимания самой сущности гражданского общества, его взаимодействия с государством, и тем самым серьезно отличались от западноевропейских концепций. Противопоставление гражданского общества и государства основывалось на вытекающем из теории тоталитаризма убеждении, что социалистическое государство проникает во все сферы жизни и тем самым уничтожает гражданское общество, а поэтому борьба за возрождение гражданского общества является борьбой с тоталитаризмом.

В конечном итоге все это оформилось как принципиальные различия между западно- и восточноевропейскими идеями гражданского общества. Во-первых, еще до появления концепции гражданского общества на Западе произошла Реформация, которая привила индивидам «контрольные механизмы» и сформировала основу эмансипации личности. Во-вторых, на Западе гражданское общество, по мнению большинства специалистов, было уже в течение нескольких веков некой данностью, естественной средой социального взаимодействия. В Восточной Европе гражданское общество появилось как идеологическая конструкция, в которой речь шла о создании нового морального и общественного порядка, но экономическая база которого, тем не менее оставалась в высшей степени туманной. Поэтому

можно говорить о причинах ограниченности идеи гражданского общества в этом регионе, которых, по мнению Е. Шацкого, было три: во-первых, непонимание характера отношений между гражданским обществом и государством; во-вторых, недостаточное развитие взглядов на экономическую базу гражданского общества; в-третьих, чрезвычайная расплывчатость представлений о более справедливом обществе, а также весьма условные представления по проблемам представительства и согласования разнородных интересов, неизбежно существующих в обществе с развитой социальной дифференциацией¹⁴.

Данные обстоятельства не позволяют классифицировать идею гражданского общества в Восточной Европе как либеральную и без каких-либо оговорок отнести к тому или иному теоретическому западному образцу, хотя, конечно, эти взгляды вполне укладываются в рамки западной либеральной традиции, но одновременно во многом и не совпадают с ней.

Своеобразие восточноевропейской идеи гражданского общества последней четверти XX в. отмечается и в более широком контексте теорий «демократического транзита» с их ключевыми понятиями «переход к демократии» и «закрепление демократии». В рамках этого подхода происходящее в постсоциалистических странах трактуется как одно из проявлений современной общемировой тенденции к демократизации.

Становление гражданского общества в современной России происходило в уникальной исторической ситуации: исчерпанность советской модели организации социума выражалась в процессах его самораспада. Облик гражданского общества складывался в начале 1990-х г. под воздействием адаптировавшихся к новым реалиям старых советских структур, выпадения из социальных отношений большого количества людей и разного рода тенденций, структурирующих новый тип социума. В этой связи анализ функциональных особенностей институтов гражданского общества в России предполагает рассмотрение развития и современного состояния политических партий и групп интересов, а также общей эволюции принципов взаимодействия данных институтов и государства в процессах выработки публичной политики.

В своем развитии современные политические партии в России прошли три основных этапа:

- 1) становление политического плюрализма в СССР и соответственно России до развала СССР (1986–1991 гг.);
- 2) формирование политических партий в процессе электоральной борьбы (1992–1999 гг.);
- 3) превращение политических партий в политико-административных агентов государства (с 2003 г.).

Становление политического плюрализма в СССР началось в период перестройки с середины 1980-х гг., которая позволила возникнуть ряду

групп, сыгравших впоследствии существенную роль в формировании политических партий. На этом этапе можно выделить четыре основных тенденции.

Во-первых, диссидентские группы не сыграли той роли, которую подобные группы имели в Центральной и Восточной Европе периода третьей волны демократизации. На формирование политического плюрализма в СССР большее влияние оказали так называемые «неформальные группы», активная деятельность которых пришлась на вторую половину 1980-х гг. В 1986 г. в Москве и Ленинграде возникли первые неформальные клубы, еще провозглашавшие социалистические лозунги, но уже противостоявшие официальной коммунистической идеологии. Объединение ряда клубов в региональные народные фронты, а затем в Народный фронт РСФСР создало условия для активной оппозиционной деятельности на выборах в Советы в 1989 и 1990 гг. По новому Закону о выборах объединения избирателей, основу которых зачастую составляли эти клубы, получили право выдвигать в избирательных округах своих кандидатов, соперничавших с кандидатами от «блока коммунистов и беспартийных».

Во-вторых, консолидация демократических сил происходила и в рамках Съезда народных депутатов СССР, состоявшегося в 1989 г. Здесь сформировалась влиятельная и активная межрегиональная депутатская группа, лидером которой стал главный оппозиционер и будущий Президент России Борис Ельцин.

В-третьих, в конце 1980-х гг. возникли первые политические организации, которые называли себя партиями, такие как Христианско-демократический союз, Союз конституционных демократов, Конфедерация анархо-синдикалистов (1989), Демократическая партия России, Социал-демократическая партия РФ (1990) и др. Возможность легальной деятельности этих организаций как партий возникла после отмены ст. 6 Конституции СССР в марте 1990 г.

В-четвертых, процессы дифференциации происходили и в правящей еще КПСС. В 1990 г. в ней было сформировано объединение под названием Демократическая платформа в КПСС, деятельность которой привела к образованию ряда партий, например Республиканской партии.

После принятия новой Конституции в 1993 г. и связанными с этим изменениями в политической системе стала формироваться российская политическая система со множеством партий различной идеологической окраски, с доминированием левых сил.

Избирательный цикл 2003–2007 гг. существенно изменил партийно-политический спектр России. Роль доминирующей партии начала выполнять «Единая Россия», которая стала называться партией власти. Левые партии были значительно потеснены, а правым либеральным партиям – СПС и «Яблоку» – не удалось пройти в парламент.

Превращение партий в политико-административных агентов государства является характерной чертой современного этапа партийного строительства. Стоит согласиться с немецким исследователем Э. Шнайдером, который считает, что «было бы неправильно автоматически делать вывод о недемократичности Государственной Думы только на основании того факта, что две трети парламента поддерживают правительство... Тем не менее, с учетом того, что к президентскому лагерю следует отнести, по сути, все партии, кроме разве что КПРФ, да при этом принять во внимание, что «Единая Россия»... захватила должности председателей всех 29 комитетов (нередко также и первых заместителей председателя), оставив все остальные фракции без единого председательского кресла, то можно действительно задаться вопросом, является ли еще Госдума местом политического противоборства»¹⁵, или «местом для дискуссий». Хотя этот процесс неравномерен и в разной степени касается всех партий, тем не менее, ряд существенных характеристик отрыва партий от исходных интересов формирующегося гражданского общества заставляет говорить о том, что партийно-политическое общество в России все больше смыкается с государством.

Одним из факторов, подтверждающим данный тезис, является образование в канун выборов 2011 г. народных фронтов, прежде всего, конечно, ОНФ как наиболее многочисленного и созданного под патронатом власти. Власть ищет новые формы взаимодействия с обществом. Это объясняется тем, что старая модель построения гражданского общества в целом не вписывается в концепцию «вертикали власти» и вызывает лишние проблемы для власти. Но сделанные с высоких трибун заявления о необходимости построения в России гражданского общества и демократизации страны должны подкрепляться на практике, что, собственно говоря, и подталкивает власть на поиск модели гражданского общества в России, отвечающей текущему моменту. Создание таких объединенных фронтов должно создать определенную иллюзию тесного взаимодействия власти и общества, соучастия, взаимного интереса на благо общей цели. И именно через такие фронты власть может контролировать ситуацию и управлять ею, а общественные организации превратятся в филиал «Единой России». Таким образом, гражданское развитие происходит не через участие граждан в равноправном диалоге с органами государственной власти, а через процессы задаваемые и управляемые «сверху».

Более того, создание подобного рода объединений является признанием недееспособности или ограниченной дееспособности российских политических партий. Российская партийная система, а следовательно, и политическая система переживает серьезный кризис. Партии либо создаются по велению администрации президента, либо не могут быть зарегистрированными. Дей-

ствующие же партии, даже те, которые заявляют о своей оппозиционности, находятся под давлением властей, что, безусловно, сковывает их инициативу. Возможно, новый закон о политических партиях переломит данную негативную тенденцию.

Исследуя группы интересов в современной России, следует отметить, что они, так же как и партии, прошли три основных этапа:

1) возникновение и функционирование групп интересов в СССР (середина 1950-х – начало 1990-х гг.);

2) признание групп интересов в качестве легитимных субъектов политики и возникновение открытой межгрупповой конкурентной борьбы (начало 1990-х – 1999 г.);

3) ограничение группового плюрализма и превращение наиболее значительных групп интересов в политико-административных и социальных агентов государства (с 2000 г.).

СССР к середине 1950-х – середине 1960-х гг. в связи с либерализацией политического режима внутри властно-управленческого аппарата, вокруг различных его элементов (ведомств, отраслей, предприятий и т. д.) начали формироваться многочисленные партикулярные группы интересов.

Исследователь Г. Скиллинг полагал весьма важным изучение процессов артикуляции и агрегации интересов в условиях, когда советская политика уже не была направлена на революционное преобразование общества, однако автономная политическая мобилизация, свобода слова и свобода организаций отсутствовали. Он утверждал, что «индустриализация породила в Советском Союзе разнообразные организованные и не организованные интересы, взаимодействие которых на политической арене необходимо принимать во внимание при объяснении политической борьбы и ее исходов»¹⁷.

Другой зарубежный исследователь, Дж. Хог, подчеркивал, что в центре советского политического процесса лежал «бюрократический конфликт», участниками которого выступали специфические группы интересов – «комплексы», состоявшие из «специализированного партийного, государственного, общественного и научного персонала, работавшего в пределах соответствующих областей политики». К этим «комплексам» он причислял ведущие министерства и ведомства, полагая, что те в большинстве случаев действовали совместно с их «естественными союзниками» – подразделениями аппарата ЦК, контролировавшими их работу. Дж. Хог признавал, что «окончательная власть была сконцентрирована в высших органах Коммунистической партии». Тем не менее, он считал, что партийные лидеры не действовали «волюнтаристски», а в целом вынуждены были следовать советам специализированных комплексов в соответствующих их профилю областях политики. Ограничивая себя «посредничеством в конфликтах», которые возникали между данными комплексами, они практически делегировали ком-

плексам полномочия в выработке политических решений, оставляя за высшими органами партии лишь роль «заключительных арбитров»¹⁸.

В целом, можно сказать, что в СССР группы интересов оказывали существенное воздействие на процессы выработки государственной политики и формировались вокруг ведомственных и региональных административно-бюрократических структур. Среди наиболее влиятельных групп интересов в Советском Союзе исследователи выделяют как ряд отраслевых комплексов (военно-промышленный, строительный, горно-металлургический, топливно-энергетический, химический, аграрный, машиностроительный), так и несколько наиболее значимых региональных партийно-государственных групп (московская, ленинградская, украинская)¹⁹.

Признание групп интересов в качестве легитимных субъектов политики и возникновение открытой межгрупповой конкурентной борьбы происходит в начале 1990-х гг. и связано с политической (демократизация политической системы) и экономической (введение рыночных институтов) трансформацией российского общества.

Наиболее заметными в этот период становятся группы интересов, связанные с так называемыми «олигархами», интегрированными финансово-промышленными группами, крупнейшими банками и различными частями бюрократического аппарата²⁰. Социально-экономической основой для появления указанных групп интересов послужили особенности экономической реформы в современной России. В первую очередь, это номенклатурный характер отечественной приватизации, которая не только не размывала систему номенклатурно-бюрократического «рынка власти», но и закрепила взаимоотношения государства и вновь возникшего бизнеса на основе принципов бюрократического рынка с неразделенностью экономической и политической власти, а также перманентной конверсией власти в собственность и собственность во власть²¹. Данная система, будучи модифицированным вариантом советского административного рынка, привела к формированию привилегированных групп интересов, обладающих доминирующим влиянием на принятие важнейших политических решений. Такие группы возникли на основе экономической олигархии, сконцентрировавшей в своих руках весомую долю национального богатства, и наиболее организованных частей бюрократического аппарата, «приватизировавших» значительный административный ресурс государства²².

Доминирующее положение указанных групп интересов объяснялось как характерной для того периода десубъективизацией государства, так и слабым развитием массовых, не связанных с олигархическими и бюрократическими структурами групп интересов.

Анализируя в этой связи степень общественно-политической активности граждан и уровень

развития институтов гражданского общества в России в 1990-х гг., можно сказать, что, несмотря на сопоставимые с общеевропейскими показатели интереса к политике, количество россиян, участвовавших в общественно-политической деятельности, было крайне мало²³.

Исходя из вышесказанного, не вызывают удивления и низкие показатели развития третьего сектора в России в 1990-х гг. Несмотря на высокие цифры официальной статистики относительно негосударственных и некоммерческих организаций, реально вели активную деятельность небольшой процент этих организаций²⁴.

Большое количество партий, некоммерческих организаций в России в этот период не может считаться истинным индикатором состояния институтов гражданского общества. Большинство из них не обладало чертами подлинно гражданских ассоциаций и было отчуждено от основной массы граждан и формально представляемых ими социальных групп, не доверяющих им и не видящих в них защитников своих интересов²⁵.

Таким образом, слабость институтов гражданского общества, низкая социально-политическая активность граждан, отсутствие гражданской компетентности, неготовность большей части населения к продуктивному освоению демократических институтов и эффективным коллективным действиям с целью отстаивания своих интересов с неизбежностью способствовали доминированию наиболее организованных, привилегированных групп интересов, представляющих верхние страты российского общества в системе социально-политического взаимодействия. Стоит согласиться с выводом Р. Саквы о том, что в России того периода «сложная система элит подменила собой развитие гражданского общества»²⁶.

Современный этап развития групп интересов в России берет начало в 2000 г. и связан с реформами президента В. В. Путина и характеризуется превращением наиболее значительных групп интересов в политико-административные и социальные группы государства. Данный этап определяется тремя основными тенденциями.

Во-первых, становятся заметными укрепление российской государственности и ограничение возможностей функционирования и влияния бюрократических групп интересов. Данная тенденция нашла отражение в целом ряде политико-административных преобразований (консолидация центральных политико-государственных институтов, реформа федеративных отношений, административной реформы и т. п.) и ознаменовала собой отказ от прежнего типа лидерства, основанного на слабоструктурированном, внеинституциональном характере политического господства. Президент признавался в качестве центра принятия политических решений лишь благодаря роли арбитра в перманентном конфликте различных властных группировок. Конфликт генерировался постоянным противопоставлением разных политических

институтов. В такой форме воплощался принцип «сдержек и противовесов».

В. В. Путиным была принята новая модель политико-административного правления, в центре которой находился уже не столько «управляемый конфликт» разных частей государственного аппарата, сколько система иерархического подчинения основных политико-административных институтов президентской власти. Таким образом, указанная тенденция привела к интеграции на корпоративистских началах подавляющего большинства бюрократических групп интересов в единую властно-управленческую вертикаль во главе с президентом страны.

Во-вторых, влияние групп интересов крупного российского бизнеса на государственную политику претерпело ограничения и изменения. Данная тенденция проявилась в формулировании новых, неформальных правил взаимодействия бизнеса и государства, в соответствии с которыми большой бизнес должен:

- быть лоялен по отношению к государству;
- спонсировать экономические, социальные и политические проекты власти;
- принять на себя социальную ответственность за отрасли и регионы, где он доминирует;
- не поддерживать оппозицию²⁷.

Таким образом, в результате принятия этих правил произошло не только сокращение политического влияния групп интересов крупного бизнеса, но и фактическое включение данных групп на основе корпоративистских механизмов в действующую политико-административную вертикаль власти.

В-третьих, власть пытается включить в управленческую вертикаль массовые, не элитные группы интересов. Данная тенденция выразилась в создании сверху целого ряда институтов социально-политического взаимодействия (гражданские форумы, общественная палата и т. д.), цель которых состоит в инкорпорации наиболее влиятельных общественных организаций для их использования в качестве медиаторов государства в диалоге с обществом. Следовательно, предполагается, что все наиболее значительные массовые группы интересов будут интегрированы в сформированную в России политико-административную вертикаль власти.

Таким образом, современный политический режим России предполагает отход от плюралистической и возвращение к корпоративистской модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества. И хотя принципы социально-политического взаимодействия за последнее время существенно трансформировались, качественное состояние институтов гражданского общества не претерпело значительных изменений. На настоящий момент уровень развития указанных институтов в России все еще остается крайне низким по сравнению с ведущими демократическими странами мира. Данное обстоятельство определя-

ется такими фундаментальными факторами, присутствующими российскому обществу, как низкий уровень социального доверия и отсутствие эффективных навыков социальной самоорганизации²⁸.

Следует отметить крайне низкий уровень институционализированных форм социально-политического участия граждан в деятельности политических партий, профсоюзах, общественных и религиозных организаций, органов местного самоуправления. Среди основных причин общественной и политической пассивности россиян доминируют такие, как занятость своими делами и уверенность в том, что их общественная деятельность не будет результативной. К негативным факторам, влияющим на гражданскую активность граждан, относятся разобщенность, отсутствие взаимопомощи и сопричастности.

В заключение можно констатировать, что уровень развития институтов гражданского общества и их функциональность в современной России являются явно недостаточными. Не имеет однозначного ответа вопрос, каким образом может сказаться ограничение политического плюрализма, характерное для современного политического режима, на развитии институтов гражданского общества в России? С одной стороны, пресечение чрезмерного влияния привилегированных элитарных групп интересов создает некоторый простор для самоорганизации не элитных групп общества, что делает систему социально-политического взаимодействия более сбалансированной. С другой – все более закрытый, властноцентрический характер данной системы не способствует деятельному включению различных социально-политических сил в процессы выработки государственной политики и сокращает возможности эффективного социально-политического взаимодействия.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Селигман А.* Проблема доверия. М., 2002. С. 71.
- ² См.: *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 65.
- ³ См.: *Дарендорф Р.* После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. М., 1998. С. 89.
- ⁴ См.: *Голенкова З. Т.* Гражданское общество в России // Социс. 1997. С. 26.
- ⁵ См., напр.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII– начало XX в.): в 2 т. Т. 2. СПб., 2000. С. 287.
- ⁶ См., напр.: *Шестов Н. И., Барашков Г. М.* Гражданское общество и его аналоговые формы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. серия. 2011. Т. 11. Сер. Социология. Политология, вып. 4. С. 71–78.
- ⁷ *Соловьев В. Н.* Условия формирования гражданского общества в России. М., 2008. С. 18.
- ⁸ Там же. С. 19.
- ⁹ См.: *Шацкий Е.* Протолиберализм : автономия личности и гражданское общество // Полис. 1997. № 5. С. 69.
- ¹⁰ Там же. С. 78.
- ¹¹ Там же. С. 83.
- ¹² Там же. С. 84.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 85.
- ¹⁵ *Шнайдер Э.* Россия после выборов // Вестник аналитики. 2004. № 2. С. 10.
- ¹⁶ О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» : федер. закон от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ // Рос. газ. 2012. № 73. 4 апр.
- ¹⁷ Цит. по: *Бреслауэр Дж.* В защиту советологии // Современная сравнительная политология : хрестоматия. М., 1997. С. 267.
- ¹⁸ См.: *Гражданское общество : истоки и современность* / науч. ред. И. И. Кальной. СПб., 2006. С. 196.
- ¹⁹ См.: *Лепехин В.* Лоббизм. М., 1995. С. 3–24 ; Лоббизм в России : Этапы большого пути. М., 1995. С. 10–14.
- ²⁰ См.: *Гаман-Голутвина О. В.* Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М., 2000. С. 162–172 ; *Кива А. В.* Российская олигархия : общее и особенное // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 18–28 ; *Лепехин В. А.* От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 66–82.
- ²¹ См.: *Павроз А. В.* Генезис российской экономической олигархии (начало – середина 90-х годов) // Современные аспекты экономики. 2004. № 3 (54). С. 197–202.
- ²² См.: *Кордонский С.* Рынки власти : Административные рынки СССР и России. М., 2000. С. 45. ; *Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991. С. 31–62.
- ²³ См.: *Российское общество и радикальные реформы : Мониторинг социальных и политических индикаторов.* М., 2001. С. 153–156.
- ²⁴ *Якимов В.* Создание работающих механизмов социального взаимодействия – шанс для возрождения России // Профессионалы и сотрудничество. М., 2000. Вып. 4. С. 155–156.
- ²⁵ См.: *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Потери и обретения в России девяностых : в 2 т. М., 2000 ; *Дилигенский Г. Г.* Существует ли в России гражданское общество? // Поговорим о гражданском обществе. М., 2001.
- ²⁶ *Саква Р.* Режимная система и гражданское общество в России // Полис. 1997. № 1. С. 79.
- ²⁷ *Мухин А. А.* Новые правила игры для большого бизнеса, продиктованные логикой правления В. В. Путина. М., 2002. С. 4.
- ²⁸ См.: *Власть и народ в России : Обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка.* М., 2003. С. 13–18.

УДК 342(470+571)

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ф. А. Вестов

Саратовский государственный университет
E-mail: vestovfa@mail.ru,

В статье речь идет о концептуализации роли правового государства в политическом процессе европейских стран и специфике политического развития России, о тех факторах, которые определяют особое отношение к возможностям и перспективам укрепления правового государства в процессе модернизации современной России.

Ключевые слова: правовое государство, концепции правового государства, либеральные доктрины, политическая субъектность, политическая модернизация.

Legal State and Specifics of Political Development in Russia

F. A. Vestov

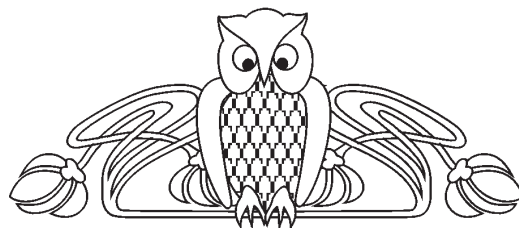
The article is devoted to the conceptualization of the legal state role in the political process going on among the European countries, and to the specifics of the Russian political development. It considers also the factors that determine the special attitude to the possibilities and perspectives of strengthening of legal state in Russia during the process of modernization in present day Russia.

Key words: legal state, conception of the legal state, liberal doctrines, political subjectivity, political modernization.

В научных дискуссиях по проблемам правовой государственности в России довольно часто на вопрос «Зачем нам нужно правовое государство?» исследователи дают ответ: «Чтобы соответствовать стандартам культуры, демократичности, в широком смысле – цивилизованности». Этот ответ обнаруживает, что патерналистские установки, упование на то, что именно государство решит все проблемы за себя и за общество, свойственны интеллектуальному сообществу России в не меньшей мере, чем массовому сознанию, по отношению к состоянию которого интеллектуалы всегда высказывались довольно критически.

Парадоксально, но такой ответ предполагает к тому же, что мы обладаем достаточно системным представлением о мировом опыте функционирования правовых государств и столь же системным представлением о том порядке действий, в результате которых на свет появится российское правовое государство. Разнообразные по времени и месту действия эксперименты с правовой государственностью в теории и на практике привели к достаточно противоречивым результатам.

Где-то правовое государство стало основой стабильного политического и экономического развития, а где-то, как в России, например, в последние два века, попытки его создания оборачи-

вались кризисами, социальными конфликтами и легитимацией в массовом сознании режимов, ориентированных на неправовые принципы политики и управления. «Считается, что без государства демократия невозможна. И в общем плане это, конечно, верно: демократия не может существовать в “безгосударственном” пространстве, она в качестве современной практики является вариантом взаимосвязи государственных и гражданских институтов. Однако в существующей теоретической и эмпирической литературе нет достаточно четкой концептуализации и дифференциации типов государственности и их взаимосвязи с вариантами и траекториями режимных изменений»¹.

Ожидаемая системность не кроется за этим ответом уже потому, что никто стандартов демократичности и цивилизованности никогда не устанавливал и никто обязательной зависимости между демократическим и правовым характером государственности не обнаруживал. Точно так же, как не обнаруживается такой жесткой взаимозависимости демократии и рыночной экономики. Та и другая связи существуют в сознании современников как некое допущение, преимущественно теоретическое, точнее сказать – идеологическое, позволяющее предполагать и, если говорить о его идеологической направленности, верить, что светлое будущее человечества связано с демократией и ни с чем другим. Верить, что и движение к этому будущему не окажется хаотическим, а будет введено в определенные рамки, выверенные наукой.

Но эта позиция при всей ее уязвимости выдает существование в научном сообществе потребности в неких четких индикаторах, по которым наука могла бы определять направленность и меру прогресса современных социально-политических систем, меру их приближения к тому самому светлому будущему. Должно быть что-то, выполняющее, образно говоря, роль сертификата качества политических отношений. Что-то, что позволяет идентифицировать в политическом процессе лидеров и аутсайдеров или тех, кто принципиально идет своей политической дорогой. Таким «сертификатом качества» стало правовое государство (в качестве идеи и в качестве определенного институционального оформления политических и административных процедур).

Дежурной темой для исследований, проводимых отечественными политологами, стала модернизация в России. Обсуждается смысл, который

можно и нужно вложить в это понятие, спектр тенденций в экономике, культуре и политике, которые можно было бы подвести под это понятие, изменения в мотивациях поведения граждан и многое другое. При этом умалчивается важный для изучения российского политического процесса вопрос: модернизация не может длиться вечно, и если нам известен начальный момент этого процесса, которым формально можно считать официальное провозглашение курса на модернизацию, то относительно конечного момента существует полная неясность. Когда модернизацию можно будет признать законченной и на основании каких показателей? Нужен ряд индикаторов, по которым не только специалисты, но и рядовые граждане в массе своей могли бы судить о реализованности одной из важнейших стратегий современной политики. Причем такой индикатор, значимость и достоверность которого ни у кого из внешних и внутренних наблюдателей российского политического процесса сомнений не вызывала бы.

Пожалуй, единственным претендентом на роль такого индикатора может быть государственный механизм. Политическая наука в России вместе с философской и исторической науками, а также всей системой государственной идеологической пропаганды советского времени так долго прививали массовому сознанию подданных и граждан российского государства мысль, что все в их прошлом, настоящем и будущем определяется состоянием государства, что это убеждение действительно стало частью ментальности российской нации. Тем более что исторический опыт самой нации этому убеждению не противоречил. И второй аргумент. Государство является осью движения всей политической системы, и по качеству этой оси можно судить о том, пришла система или нет в состояние, при котором она может двигаться вперед со скоростью, превышающей прежние. Переход государственного механизма в новое качество, обозначаемое понятием «правовое государство», до сих пор служит для историков и правоведов очень точным индикатором для определения того рубежа, на котором жизнь большинства европейских социально-политических систем повернула в либерально-демократическое русло. Следовательно, нет формальных препятствий к тому, чтобы и для оценки состояния модернизационного процесса в современной России использовать этот индикатор.

Использование такого масштабного и сложного по внутренней организации индикатора сопряжено с необходимостью научного анализа ряда принципиальных проблем. Первую из них можно сформулировать следующим образом. Если принять во внимание, что речь идет о приобретении правового качества не государством вообще, а именно либерально-демократическим государством, каковым на протяжении последних десятилетий очень постепенно и с большими трудностями становилась Россия, то допустимо пред-

положить, что как минимум функция ключевого индикатора могла бы быть распределена между социальными и государственными механизмами, между их состояниями на том этапе модернизации, который политолог собирается оценивать. В истории европейской и российской науки демократически настроенными исследователями из числа историков, социологов и политологов неоднократно предпринимались попытки написать вместо «истории государств» альтернативные «истории народов», вместо разработки политических программ реформирования государственного строя разработать планы замены государственного управления общественным самоуправлением. Иными словами, не прямо, но вопрос этот был поставлен наукой достаточно давно.

За и против такого допущения тоже можно привести некоторые аргументы. В европейской истории судьбы государств складывались различно. Бывало так, что государство действительно на длительных отрезках политического процесса выполняло роль системообразующего центра всей политической, экономической и культурной жизни, когда люди были искренне убеждены, что без верховной власти жить нельзя, так же как не может быть «земли без сеньора». Порой, напротив, как это было с Французским королевством в период Столетней войны, с Английским королевством при Иоанне Безземельном и в период войны Алой и Белой Роз, с Польшей и Венгрией в XVIII и XIX столетиях, государственность становилась «разменной монетой» в борьбе политических интересов и амбиций различных элитарных и социальных групп. По-разному складывалась в истории и судьба европейских социумов. Они разными путями шли к политической идентичности (идентичности нации) и достигли на этом пути разных результатов – вполне сопоставимых по своей противоречивости с результатами развития государственных начал европейской жизни.

Наука учитывала эту историческую вариативность политической субъектности социумов и государств. Уже в XVII–XVIII вв. европейские мыслители предпочитали говорить о «народах» и «странах» во всемирной истории и «государствах», чья судьба зависит от «характера народов» и климатических характеристик «стран»². Государства в Европе превращались для науки во всеобщий эталон политического прогресса, по мере того как становились национальными, гарантиями реализуемости национальных интересов во внутренней и внешней политике. Именно вокруг этого выстраивалась вся системность представлений о государстве и на этой почве рождалось представление, что системность права, достигнутая к этому времени, может быть перенесена на государство и на представления о государстве, если само это государство станет правовым, подчинит систему своих действий и интересов системе правовых норм.

Почему так сложилось, почему системность представлений о праве была перенесена наукой на государство, а не на «народы», о которых любили рассуждать европейские мыслители прошлого? Вероятно, потому, что, если за критерий взять состояние другого ключевого субъекта исторического процесса, общества, корректность использования этого индикатора в качестве универсального будет под еще большим вопросом. Не случайно, когда в прежние времена и сегодня у сторонников идеи цивилизационной самобытности того или иного пути развития возникает потребность эту самобытность доказать, то они обращаются к чертам личности социальной структуры в разы чаще, чем к чертам личности государственной структуры.

Любой самый «типичный» социум, настолько типичный, что исследователи считают возможным говорить о соответствии его неким «стандартам» демократичности и гражданственности, в реальности всегда оказывается гораздо более сложным и уникальным образованием, чем самое «самобытное» из государств. Современные процессы политической, экономической и культурной глобализации выявили тенденцию к тому, что государственная организация существенно упрощается в своих принципах и формах. То и другое применением военной силы, «мягкой силы», экономическим и культурным давлением на национально-государственные элиты и массовое сознание приводится в соответствие не слишком приспособленному к гибкому реагированию на страновые особенности «стандарту цивилизованности, демократичности и прогрессивности», который был порожден геополитическим лидерством США в XX столетии и сегодня отражает это сохраняющееся доминирование.

Общества же, напротив, усложняются. Не только за счет миграционных потоков³, которые вместо превращения либеральных социумов в «плавильный котел» этнических идентичностей превращают их в поле жесткой конкуренции за доминирование одних этнокультурных, правовых и экономических идентичностей над другими. Но и за счет того, что они развиваются в качестве гражданских структур, которым упрощающееся в своих функциях государство передает добровольно или вынужденно (в результате «цветных революций» и международных конфликтов, например) все больше прав и ответственности в области текущей политики и управления, чем стимулирует возникновение новых социальных, идеологических, правовых и культурных стратификаций.

Специалисты видят в этом принципиальное отличие современного этапа мирового демократического процесса от его предшествующих этапов. Если раньше общество в борьбе за свою политическую субъектность опиралось на революционную или какую-то другую идею, его политическое поведение было идеологически мотивированным,

то нынешнее «цветные революции» являются «безыдейным процессом»⁴.

В центре системы мотиваций сегодня находится создание новых социальных структур, особенно элитарных, новых форм гражданского ассоциирования. При том, что во всех этих новых формах не заложено какой-либо новаторской идеи, какого-либо новаторского проекта будущего. Идеино они часто ориентированы на реанимацию социальных традиций. Зато в них заложено представление о возможности для общества, в отличие от организованного по «либеральному стандарту» государства, бесконечно совершенствовать свою структуру и свои функции на основе традиций и просто потому, что общество первичнее и больше государственного механизма. В этом отношении никакая конституция полномочий общества как политического субъекта и суверена не ограничивает.

Самый «типичный» социум всегда предстает перед исследователями в виде ряда настолько уникальных форм и смыслов организации, в силу чего им приходится прибегать к некоторым мистификациям и даже сакрализациям реальности, например, говорить об «особой ментальности» данного социума, особом «народном духе». При сравнительном анализе обнаруживается, и довольно часто, что черты «ментальности» и «духа» у разных социумов примерно одинаковы, особенно если эти социумы сходны по уровню организации и масштабу своего исторического и политического опыта. Но это не останавливает исследователей, не видящих иных способов привести все многообразие социальной реальности в какую-то устойчивую систему смыслов и форм.

Как представляется, это большая проблема для науки – определиться с прогнозом: не получим ли мы по следам нынешней глобализации, содействующей унификации государственного порядка и не ставящей формальных препятствий развитию политических возможностей общества, новый перекося в состоянии социально-политических систем, каких уже немало было за последние триста лет мировой истории и которые каждый раз заканчивались насилием обществ над своими государствами. Собственно, пресловутые «цветные революции» в разных частях света выглядят сегодня как «проба общественных сил перед грядущим более масштабным социальным натиском на государственное начало в организации современной цивилизации.

С государством исследователям всегда проще. Эта простота находит своеобразное выражение в многообразии теорий, трактующих природу государственного порядка с позиции разных наук. Заметим, что в арсенале у современной науки оригинальных теорий усовершенствования общества существенно меньше, чем теорий усовершенствования государства, представления о способах построения правового государства при всей их недостаточности обладают гораздо большей чет-

костью, чем представления о способах построения гражданского общества, в России, например.

История политических и правовых учений, которую читают в российских вузах, представляет собой практически в чистом виде изложение теорий появления, развития и изменений государственного порядка. То же самое можно сказать и о большинстве вузовских курсов по истории России. Государство выглядит более доступным для выделения в его структуре и свойствах типичных черт, по которым его можно сравнивать с другими системами, с его же прежними состояниями и, таким образом, относительно достоверно прогнозировать его будущее.

Для науки такое прогнозирование жизненно необходимо. В социальных системах типические черты выделить трудно, и сама процедура такого выделения (связанная, например, с популярными делениями современных обществ на развитые и развивающиеся, традиционные и модернизированные, органичные и «расколотые и т. д.) у самих исследователей обычно вызывает много нареканий. А без такого рода обобщений трудно свести воедино научные представления о том, как и куда движется и движется ли социальная конструкция. Перспектива развития современных социумов прогнозируется менее определенно, чем перспектива государств, и в этом смысле с данной областью политического процесса, как представляется, связано гораздо больше политических и общекультурных рисков, чем со сферой развития государства.

Вторая проблема связана с тем, как современная наука понимает, что такое прогресс. Тот самый, который должен осуществиться по ходу российской модернизации и привести нашу страну к новому качественному состоянию всех политических, экономических, правовых и культурных параметров. Формально вопрос выглядит решенным.

В европейском научном сообществе давно сложился консенсус относительно того, что именно прогресс государственного начала социально-политической системы олицетворяет прогресс вообще, и именно этот консенсус делает приемлемым использование правового государства в качестве базового критерия для определения завершенности либо незавершенности модернизационного процесса (во всяком случае, в его политическом измерении).

Проблема этой версии в том, что существует парадоксальная тенденция, которую можно проследить в политической истории многих стран, включая Россию. История российских реформ 1990-х гг. только лишней раз подтвердила существование такой тенденции. Государство легче прогрессирует при регрессе общества, движимое возможностью поставить на первое место собственные интересы и направить на их реализацию всю совокупность собственных и общественных ресурсов.

Это не означает, что государство в таком режиме прогрессирования получает результаты большие, чем в том случае, когда оно развивается во взаимодействии с обществом. Речь идет именно о *легкости прогрессирования*, поскольку во главе прогресса встает, как правило, государственная бюрократия и все преобразования осуществляются «сверху» в административно-командном режиме, а общество не имеет возможности оказывать эффективное сопротивление такому реформированию. Легкость прогресса обеспечивается тем, что государство выступает в качестве единственной революционной силы. Но это же дает возможность государству ограничить прогресс рамками собственных интересов.

И правовое государство наиболее полно воплощает суть как раз этой тенденции. Государственное законотворчество, как ничто другое, способствует возможности остановить прогрессирование социально-политической системы на том уровне, который выгоден для государства, и вместо политики реформ, например, перейти к политике контрреформ.

В российской истории от эпохи реформ Петра I, через многочисленные реформы времен Александра I и Николая I, Великие реформы второй половины XIX столетия и «Столыпинские» реформы к реформам советской эпохи и до наших дней это хорошо заметно. Каждый раз, когда российская государственная власть проявляла намерение стимулировать политический, экономический и культурный прогресс и встать для этого в своих действиях на твердую почву законов, побороть традиции государственного управления «по обычаю» и связанные с ними коррупцию и клановость политической элиты, она с относительной легкостью достигала этого. Прежде всего, как представляется, именно благодаря тому, что общество, начинавшее участвовать в инициативах государственной власти на основании правил, написанных этой властью, приходило в состояние социокультурного раскола. Эти правила не могли соответствовать тем нормам, которые консолидируют социум.

Сегодня среди исследователей пользуется популярностью объяснение специфики исторического пути России и ее нынешнего состояния ссылками на то, что в нашей социальной системе постоянно происходили внутренние расколы. Характерно, что при описании динамики этих расколов исследователи обычно идут от анализа одних масштабных государственных «реформ сверху» к анализу других. Здесь действительно обнаруживается связь. Опираясь на бюрократический аппарат, который становился главным проводником законодательных инициатив, государственная власть побуждает и общество вести политическую игру и, вообще, жить только по своим правилам.

В этом смысле правовое государство можно рассматривать как идеал состояния социально-

политической системы и как фактор прогресса демократии только в том случае, если мы имеем в виду, что общество (как это имело место во многих европейских государствах и в Северной Америке) уже заняло в политической игре выгодную и прочную позицию, осознало свои отличные от государства интересы и возможности и всегда готово стать противовесом государственной активности в политике.

Без соблюдения этого условия правовое государство становится инструментом усиления бюрократического контроля над обществом и разрушения связей, скрепляющих социальный организм. Правовое государство, таким образом, может послужить не только индикатором нынешнего состояния российского общества, его готовности, либо неготовности к включению в модернизационный процесс. Это еще и индикатор тенденций, на основании которых можно судить о том, насколько у российского общества вообще реальна перспектива восстановить ту целостность, которая была разрушена либеральными реформами и которая сегодня исследователями выдвигается в ряд значимых условий успешного завершения модернизации в России.

Примечания

- ¹ Мельвиль А. Ю., Стукал Д. К., Миронюк М. Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис. 2012. № 2. С. 14.
- ² См.: Бобкова М. С. Периодизация западноевропейской истории в сочинениях мыслителей XVI–XVIII ве-

УДК 32.019.5 – 053.81

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЛОКАЛИЗАЦИЯ: СООТНЕСЕНИЕ ПОНЯТИЙ

А. В. Россошанский

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассматриваются основные трактовки понятий «глобализация» и «глокализация», их соотнесение друг с другом и возможности использования для анализа информационных процессов и медиасреды в современных условиях. Автором предложено собственное понимание роли процессов глобализации и глокализации в контексте эволюции представлений о политическом и информационном суверенитете.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, информационное пространство, политический суверенитет, информационный суверенитет.

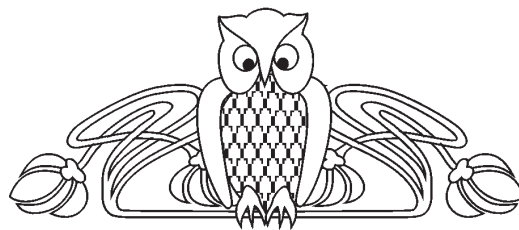
Globalization and Glocalization: Coordination of Notions.

A. V. Rossoshansky

The article considers the main understanding of the globalization and glocalization notions, their coordination and possibilities for analysis

ков // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 109–126.

- ³ В конце прошлого века известный специалист по геополитике Жак Аттали прогнозировал, что век наступающий будет временем «неокочевников». Он имел в виду определенную комбинацию основных тенденций в развитии мировых миграционных процессов, суть которой состоит в том, что сливаются два уровня стимулов к массовым миграциям. Один уровень стимулов формирует хроническая нищета большинства стран «третьего мира», и массовая эмиграция в развитые страны Запада становится своеобразным историческим реваншем «третьего мира» над бывшими колониальными метрополиями. Другой поток формируется на уровне политических, экономических и культурных элит. Богатые собственники и топ-менеджеры, обладатели эксклюзивной интеллектуальной собственности в условиях унификации систем обмена информацией и управления социально-политическими и экономическими системами свободно мигрируют по планете вслед за движениями капиталов. Причем современная виртуализация процессов в финансовой сфере создает для такого рода миграций очень благоприятные условия, делает их в полном смысле массовыми. Таким образом, формируется совершенно новая стратегия социальной стратификации, следствием которой является изменение самого смысла, который сегодня наука вкладывает в понятия «общество» и «элита» (см.: Халидов Д. Ш. Глобализация и миграция. Уроки Запада // Обозреватель / Observer. 2012. № 2. С. 7).
- ⁴ См.: Пономарева Е., Рудов Г. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель / Observer. 2012. № 3. С. 38.

of information processes and mass media in modern conditions. The author has offered his own understanding of globalization and glocalization processes role in the evolution of understanding of the political and informational sovereignty.

Key words: globalization, glocalization, information media, political sovereignty, information sovereignty.

Одним из новых и неустоявшихся понятий, используемых в политической науке, является «глокализация». Появилось оно в конце 1980-х – начале 1990-х гг. как реакция исследователей на критику процессов глобализации¹. Для обозначения диалектической взаимосвязи между глобальными и локальными процессами английский социолог Роланд Робертсон предложил такую модель, которая могла бы объединить одновременное

существование противоположных тенденций – к универсализации и партикуляризации. С этой целью было сконструировано гибридное понятие «глокализация» – из соединения двух слов: «глобализация» и «локализация»². Оно должно было синтезировать значения терминов «интернациональное», «транснациональное», «трансрегиональное», «транскультурное» и зафиксировать взаимодополняемость и взаимопроникновение глобальных и локальных тенденций³. Однако существующие в науке проблемы с интерпретацией данных понятий еще более усложнили содержательное наполнение категории «глокализация».

Изначально концептуальные трактовки соотношения данных тенденций были различны. Для Ю. Хабермаса, например, локальные процессы европейской интеграции представляли собой идеально-типическую модель, которую неизбежно придется перенять всему остальному миру. Такую цель он обосновывал в качестве стратегической задачи для европейских политических партий: «... в рамках национального пространства действий – единственного, где они могут актуально действовать, – они обязаны предвосхищать то, что произойдет в общеевропейском пространстве действий. Общеевропейское же пространство они опять-таки должны открывать с двойной целью: создать социум Европы, которая окажется весомой для космополитической чаши весов»⁴.

Подобная трактовка характерна и для У. Бека, который вслед за Р. Робертсоном доказывал, что локальное и глобальное не исключают друг друга, что движение во фрагментарной мозаике идет одновременно в разных направлениях – глобализация и регионализация, связь и фрагментация, централизация и децентрализация⁵. Глокализация, по мнению У. Бека, представляет собой «процесс новой всемирной стратификации, в ходе которой выстраивается новая, охватывающая весь мир и самовоспроизводящаяся социокультурная иерархия»⁶. Это модель транснационального негосударственного мирового общества, представляющая собой «многообразие без единства»⁷, которая противопоставлялась «контейнерной» модели, основанной на отождествлении пространственной и социальной дистанции обществ. У. Бек обосновывал, что новая модель предполагает возникновение «“транснациональных” жизненных миров», означающих «социальную близость, несмотря на географическую дистанцию, или социальную дистанцию, несмотря на социальную близость»⁸. Тем самым он утверждал, что процессы глобализации и локализации представляют собой одновременную процедуру распада мирового сообщества на подвижные фрагменты и их объединения в единую глокальную сеть.

Дж. Сорос также выдвигает подобное предложение: «Для стабилизации и подлинного регулирования мировой экономики нам нужна некая мировая система принятия политических решений. Иными словами, нам необходимо новое

мировое сообщество для поддержания мировой экономики. Мировое сообщество не означает мировое государство. Отмена государства не является ни реальной, ни желательной; но вплоть до настоящего момента, поскольку существуют общие интересы, выходящие за пределы государственных границ, суверенитет государств должен быть подчинен международному праву и международным институтам»⁹.

Как представляется, и в данном случае речь идет о построении такой глобальной модели мирового политического и социально-экономического устройства, в которой локальные процессы и интересы большинства регионов мира будут подчинены интересам тех субъектов, которые сегодня доминируют в международных институтах (то есть США и их союзникам по НАТО) и чаще всего эгоистически (или исходя из своего идеологически детерминированного понимания) трактуют международное право. На это указывает и сам Дж. Сорос, с сожалением констатируя, что США, «оставшись единственной сверхдержавой, не желают подчиняться какому-либо международному органу»¹⁰. В чем же смысл такой модели подчинения суверенитета государств общим интересам? Как представляется, именно в том, что определять сущность этих общих интересов будут США и их союзники.

Однако нельзя не согласиться с позицией, что «государства, как субъекты суверенных прав, сколь однообразно формально равны, столь же многообразно реально различны. Поэтому свести к общему знаменателю столь разнообразные национальные эгоизмы задача с неизвестным решением, а на почве меркантильных интересов, которые превалируют в общей массе интересов, эта задача может вообще и не иметь решения»¹¹. Именно в этом заключена конфликтность современных международных отношений, в которых не последнюю роль играют аргументы военной силы, политического и социально-экономического могущества отдельных государств или их объединений.

Говорить о доминировании международного права как главного регулятора процессов решения накопившихся мировых проблем очень дискуссионно, особенно с учетом постоянной практики применения двойных стандартов в отношении разных государств. В соответствии с ними, например, Саудовская Аравия как стратегический союзник США выведена из зоны критики за отсутствие демократических институтов и процедур. Страны же, которым наклеивают ярлык «изгои»¹², – не просто подвергаются критике, но подвергаются постоянному политическому, экономическому, информационному, а нередко и военному давлению.

Для его оправдания Дж. Сорос, забыв о верховенстве международного права, утверждает тезис, что «вмешательство во внутренние дела другого государства всегда чревато опасностью,

но отказ от вмешательства способен причинить еще больше вреда»¹³. Руководствуясь именно таким аргументом, США развязали две войны против Ирака. По прошествии почти десяти лет после окончания последней следов химического оружия в стране (опасность применения которого со стороны Саддама Хусейна стала формальным поводом для начала военных действий НАТО против Ирака) так и не нашли. Но и демократических институтов в результате дорогостоящей программы американских преобразований в Ираке как не было, так и нет. В результате вторжения страна ввергнута в перманентное, тлеющее состояние гражданской войны¹⁴, в ходе которой мирного населения погибло намного больше, чем за все время авторитарного правления Саддама Хусейна.

Подобная трактовка модели глокализации характерна и для отечественных исследователей. По мнению Ю. В. Лопуховой, принципиальная специфика адаптивных процессов глокализации состоит в том, что «они решают общую задачу глобализации – делокализацию, а соответственно и универсализацию и унификацию мира – не прямо и непосредственно, заменяя локальное глобальным, а опосредованно, с растяжкой во времени, через сеть промежуточных, с течением времени все более делокализованных состояний и явлений»¹⁵. Тем самым автор сводит суть глокализации к инструментальной второстепенной роли для выполнения главной задачи – реализации масштабных процессов мировой глобализации: «При всей преимущественной значимости для каждого народа своих локальных проблем понимание того, что существует и уровень общечеловеческих задач, становится все более явственным. Накопление средств массового уничтожения, ухудшение экологической обстановки, угрожающее жизни множества людей, мировые эпидемии, голодающее население целых регионов планеты и многое другое – все это задачи, которые невозможно разрешить усилиями какой-то одной страны»¹⁶.

Такая заузненная трактовка глокализации вызывает сомнение так же, как обоснование в свое время В. И. Лениным права наций на самоопределение во имя того, чтобы все народы могли объединиться в ходе мировой революции и растворить свою национальную идентичность в рамках бесклассового коммунистического общества. Если революцию заменить на глобализацию, то суть парадигмы останется идентичной.

Иногда высказывается мнение: зачем вводить термин «глокализация», когда многие процессы, характеризующие ее сущность и формы, вполне вписываются в понятие интернационализации? Между тем, по мнению Е. Ф. Авдокушина, «интернационализация является достаточно общим социально-экономическим процессом, сутью которого является всемирное обобществление производства, труда и других факторов. На определенном этапе интернационализация перерастает в глобализацию, но, тем не менее, остается

ее объективной и базовой основой. В нынешних условиях процесс глобализации начинает реализовываться в многообразных формах глокализации, дополняя, расширяя и углубляя свое содержание. При этом интернационализация по-прежнему остается объективной, сущностной основой глокализации, как и ранее глобализации»¹⁷.

А. Д. Богатуров обосновывает целесообразность использования идентичного глокализации понятия «конгломеративность», которое воплощает «единство разнотелностей, а не слитность в однородности». Это единство через соразвитие разного, а не через слияние в одинаковости. Для конгломеративного типа общества типичны «несквозные, опоясывающие связи», которые отличаются большей мягкостью и не рассчитаны на стимуляцию однородности. Отношения между анклавами в конгломератах, по мнению автора, построены не на синтезе и превращении одних форм в другие, а на параллельном – но разноплоскостном – соразвитии. Взаимодействие анклавов является косвенным, они взаимно влияют друг на друга, но не сливаются, утрачивая исходные качества»¹⁸.

На наш взгляд, именно такой подход представляется наиболее целесообразным для анализа взаимоотношений между понятиями глобализации и локализации, т. к. позволяет учитывать реальное многообразие мира и множественность конкретных интересов различных сообществ и национальных государств. Однако, как показал вышеприведенный анализ, большинство исследователей придерживаются универсалистской парадигмы процессов глобализации, в которой процессы глокализации занимают второстепенное место.

Обусловлено это тем, что реальная международная практика постоянно демонстрирует инструментальное использование демократических норм и принципов в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела суверенных государств и достижения закамуфлированных социально-экономических и политических интересов ведущих мировых держав. В результате осуществляется целенаправленная активная экспансия в разных регионах мира и реализуется политика искусственной универсализации общественно-политического и социально-экономического устройства мира.

Неслучайно на основе сценарного анализа процессов глобализации и связанных с ними изменений функционирования национального государства А. Блинов моделирует три варианта развития событий: правовой, информационный и ресурсный.

Первый (консервативный, охранительный вариант развития), по мнению автора, предполагает доминирование правовых начал в подавляющем большинстве сфер жизни общества при сохранении тенденции к доминированию западной, европейской традиции правопонимания»¹⁹.

Согласно второму варианту огромная роль информации, существующая на настоящий момент, еще больше усилится. Появляются реальные возможности для стран, богатых человеческим потенциалом, улучшить свое положение в мире. Новые лидеры смогут использовать существующую правовую инфраструктуру для обеспечения и защиты своих интересов. Государство может утратить роль монопольного гаранта права. На смену национальному государству в его нынешнем виде могут прийти новые формы государственности. Ими могут стать особые надгосударственные образования (для их обозначения А. Блинов предлагает использование нового слова «поли-стат») с особым положением личности, структур гражданского общества, правовых регуляторов и демократических процедур, в которых власть и функции будут распределены по «нескольким уровням», а традиционная модель государства подвергнется размыванию²⁰.

Исходя из логики третьего сценария – ресурсного, в результате либо резкого удорожания энергоресурсов, либо вообще прекращения их поставки или блокирования каналов транспортировки нынешняя, в большей степени западная модель потребления, становится нежизнеспособной. Тем самым ставится под угрозу само существование западной цивилизации и системы ценностей. В результате развитые страны, обладая технологическим, военным, экономическим и политическим преимуществом, могут, по мнению автора, разработать концепции, согласно которым недра и их содержимое будут объявлены общемировым достоянием. Вследствие этого прогнозируется конфликт между развивающимися и развитыми странами. Если странам-экспортерам удастся отстоять свой суверенитет, то можно рассчитывать на новый расцвет национального государства в его классическом виде, так как это будет соответствовать интересам победителей и объективной ситуации, и мы сможем наблюдать некий неониндустриализм (новую волну индустриализации). В случае победы развитых стран на уровне международного права может быть закреплена иерархия государств, объем полномочий, юридический статус которых будет существенно различаться²¹.

Крайне неоднозначно оценивается исследователями место России в мировых глобальных преобразованиях. Например, по мнению И. Бусыгиной и А. Захарова, «превращение мира в глобальное целое застало Россию врасплох: переходное состояние, в котором мы оказались после краха коммунизма, не позволяет нашей стране в полной мере участвовать в строительстве нового мирового порядка. Иными словами, выступая мощным стимулом обновления российского общества, глобальные процессы в то же время угрожают “заморозить” наше нынешнее отставание и навечно превратить Россию в сырьевую кладовую стран-лидеров. Выбор отечественного пути будет определяться тем, как наше общество

сумеет адаптироваться к новым веяниям и какая линия в конечном счете возьмет верх – отторжение глобализации как “зловредной интриги Запада” или, напротив, восприимчивость к задаваемым ею новым правилам мышления и действия»²². Однако совсем недавний опыт 1990-х гг., когда российское руководство демонстрировало полную «восприимчивость» к либеральным рецептам Запада, тем не менее показал, что сильная и экономически процветающая Россия в новом глобализационном проекте никому не нужна, что ей предуготовлена роль «кладовой» сырьевых ресурсов, а еще лучше – раздробленной на несколько «суверенных» кладовок в национальных республиках.

Авторы с сожалением констатируют, что «радикальной смены парадигмы пока не произошло: за годы демократических реформ мы так и не смогли стать открытым обществом, ориентированным в будущее». При этом главная опасность видится авторам не столько в присущих обществу «фобиях славянофильского толка и диктуемых ими нерациональных стратегиях, сколько в явном отсутствии у нынешнего руководства продуманного и осмысленного суждения о том, что представляет собой новая эпоха и как надо реагировать на ее вызовы»²³.

По мнению Бусыгина и Захаровой, «в то время как некоторые социальные страны, и прежде всего образованная молодежь, с легкостью вписываются в новый миропорядок, другие слои и даже целые территории по-прежнему находятся за пределами современности. Более того, глобализация резко усиливает фрагментацию нашего общества как вертикальную, когда возникают огромные разрывы между “приобщившимися” и “не сумевшими приобщиться” слоями населения, так и горизонтальную, когда фундаментально усиливаются межрегиональные диспропорции»²⁴.

Как представляется, такая апологетическая позиция в отношении либерального вектора процесса глобализации не только не учитывает общенациональных интересов развития России, но и подводит теоретическую базу под обоснование такого соотношения понятий «глобального» и «глокального», которое оправдывает самодостаточное встраивание отдельных регионов Российской Федерации (прежде всего Москвы и С. Петербурга) в мировую систему экономических отношений без учета интересов других регионов. Это чревато самыми серьезными социально-политическими последствиями для развития России как суверенного и целостного государства.

О сложностях и рисках процесса глобализации предупреждают и многие западные исследователи, имеющие возможность познакомиться с не только положительными их результатами. О том, что глобализация представляет собой сложный и противоречивый процесс, связанный с рисками вероятностного характера его конечного исхода, предупреждал Э. Гидденс, обосновывающий необходимость своевременного анализа воз-

можных опасностей с точки зрения их будущих последствий²⁵. У. Бек также писал о необходимости предвидения еще не наступивших, но надвигающихся разрушений в результате процессов глобализации²⁶.

Таким образом, понятие глокализации было включено в политологический дискурс для того, чтобы, с одной стороны, смягчить критику в отношении того унифицированного либерально-демократического варианта мировых преобразований, которому должны были подвергнуться все страны в результате глобализационных процессов. С другой стороны, данное понятие стало отражением реальных и очень сложных процессов фрагментации мировой политической и социально-экономической системы после распада СССР и краха восточного блока.

Примечания

- ¹ Единства об авторстве данного понятия у исследователей нет. По мнению Е. Ф. Авдокушина, термином «глокализация» уже в 1980-е гг. оперировал руководитель японской корпорации «Сони» А. Морита. В его трактовке глокализация представляла как синтез локальных культур с достижениями глобальной мультикультурной цивилизации (см.: Авдокушин Е. Ф. Глокализация как объективный процесс и корпоративная стратегия // Вопросы новой экономики. 2010. № 2(14) С. 6). Однако большая часть исследователей связывает широкое внедрение понятия «глокализация» с именем английского социолога Р. Робертсона.
- ² См.: Robertson R. Globalization. L., 1992 ; *Idem*. Globalization : Space, time and local theory // J. of intern. communication. 1994. № 1 (1) ; *Idem*. Glocalization : Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities. L. ; Thousand Oaks ; New Delhi, 1997.
- ³ См.: Шинковский М. Ю. Глокализация как предмет научного исследования // Политика. 2008. № 2 (49). С. 50.
- ⁴ Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 5 (39). С. 152.
- ⁵ См.: Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 53.
- ⁶ Там же. С. 103.
- ⁷ Там же. С. 25.
- ⁸ Там же. С. 182.
- ⁹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. С. XXVI.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Азроянц Э. А. Глобализация : катастрофа или развитие? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М., 2002. С. 119.
- ¹² Исламская республика Иран, например, по критериям наличия и реального функционирования демократических институтов и процедур в общественно-политической жизни может быть расположена намного выше Саудовской Аравии, но, тем не менее, отнесена к «странам-изгоям».
- ¹³ Сорос Дж. Указ. соч. С. XXVI.
- ¹⁴ О том, каким слабо результативным был процесс американской насильственной демократизации иракского общества, сообщил активный его участник Питер ван Бурен: «Проект обошелся американскому налогоплательщику в 63 миллиарда долларов – и счетчик продолжает крутиться – но при всей немыслимой щедрости финансирования, как выяснила правительственная инспекция, усилия были сведены на нет огромным количеством бессмысленных трат, неэффективностью, управленческими ошибками, неверными выборами направления и уязвимостями структуры» (Бурен П. «Мы хотели как лучше» : как я помог проиграть войну за сердца и умы иракского народа. URL: http://www.inosmi.ru/op_ed/20120610/193397549.html (дата обращения : 10.06.2012)).
- ¹⁵ Лопухова Ю. В. Толерантность в контексте глобализации // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2009. Т. 11, № 4. С. 865.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Авдокушин Е. Ф. Указ. соч. С. 16.
- ¹⁸ См.: Богатуров А. Д. Современный мир: система или конгломерат? Опыт транссистемного подхода // Богатуров А. Д. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 133–134.
- ¹⁹ См.: Блинов А. С. Национальное государство в условиях глобализации : контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка. М., 2003. С. 127.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон. М., 2006. С. 20.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 20–21.
- ²⁵ См.: Гидденс Э. Ускользающий мир : как глобализация меняет нашу жизнь : пер. с англ. М., 2004. С. 28.
- ²⁶ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой ; послесл. А. Филиппова. М., 2000. С. 38.

УДК 329.15(470)(091)

ОСОБЕННОСТИ РОТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В РСФСР (на примере первых секретарей региональных комитетов КПСС в период 1953–1964 гг.)

Л. Н. Метёлкина

Иркутский государственный университет
E-mail: mln@home.isu.ru

В статье рассматриваются особенности политики Н. С. Хрущева в отношении процесса формирования корпуса первых секретарей региональных партийных комитетов.

Ключевые слова: региональные элиты, первые секретари партийных комитетов, инкорпорация, ротация, экскорпорация.

**Features of Rotation of Political Elite in RSFSR
(on the Example of First Secretaries of the CPSU Regional
Committees in 1953–1964)**

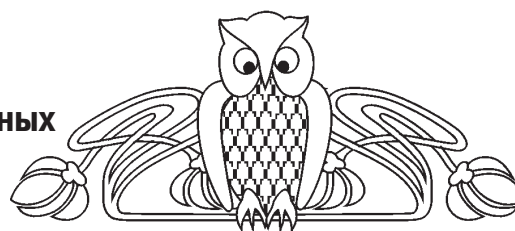
L. N. Metelkina

In article features of policy of N. S. Khrushchev concerning process of formation of the case of first secretaries of regional party committees are considered.

Key words: regional elite, first secretaries of the party committees, incorporation, rotation, excorporation.

Период нахождения у власти Н. С. Хрущева является уникальным во многих отношениях, что и объясняет причины устойчивого интереса исследователей к событиям и процессам, имевшим место в 1953–1964 гг. Представляется, однако, что до сих пор не привлек к себе должного внимания следующий факт. После смерти И. В. Сталина, в течение непродолжительного времени, единоличной власти в стране сумел добиться человек, на протяжении двух предшествующих десятилетий являвшийся именно региональным партийным руководителем. И существенным фактором, обеспечившим победу Хрущева в борьбе за власть, была проводимая им региональная политика. Составной ее частью стала ротация первых секретарей партийных комитетов, в результате которой за три года – с марта 1953 по февраль 1956 г. – было заменено 45 из 84 первых секретарей, что привело к пополнению корпуса секретарей его сторонниками¹.

Назначая в первой половине 1950-х гг. руководителями регионов своих выдвиженцев, Хрущев проводил курс на укрепление позиций первых секретарей и, тем самым, завоевание их поддержки. В этих целях расширялись права обкомов и крайкомов в решении ряда организационно-партийных и бюджетных вопросов. В конечном счете региональная политика Хрущева привела на первых порах к желаемым результатам. Именно благодаря поддержке региональных секретарей, составлявших значительную часть ЦК КПСС, Хрущеву удалось победить так называемую «антипартийную»

группу в ходе июньского политического кризиса 1957 г.

Однако некоторое расширение самостоятельности регионов не привело к принципиальным изменениям в системе «центр – регионы»: центр по-прежнему жестко продолжал контролировать органы региональной власти, прежде всего – через проводимую им политику подбора, выдвижения и освобождения (снятия) партийных руководителей краев и областей.

В данной статье попытаемся с применением преимущественно статистических методов проанализировать особенности процессов инкорпорации (рекрутации), ротации и экскорпорации корпуса первых секретарей региональных партийных комитетов в 1953–1964 гг. Территориальные рамки исследования ограничены РСФСР, поскольку названные процессы в союзных республиках отличались существенной спецификой, могущей стать предметом самостоятельного исследования. В качестве источниковой базы использованы опубликованные документы Российского государственного архива социально-политической истории и Российского государственного архива новейшей истории, в частности – Хроника перемещений первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик² и Биографический комментарий³. Данные источники, содержащие сведения по 79 регионам РСФСР (вновь созданные или прекратившие свое существование в течение 1950-х гг. территориально-административные образования в данной статье не рассматриваются), позволяют воссоздать и проанализировать процессы формирования корпуса первых секретарей региональных партийных комитетов.

Для анализа этих процессов представляется возможным использовать в качестве основы модель элитной мобильности, предложенную О. Крыштановской⁴. Данная модель в качестве универсального подхода исследования элит предполагает выявление в процессах элитообразования трех основных фаз – инкорпорации, ротации и экскорпорации. Однако применение ее для рассмотрения процесса формирования корпуса первых секретарей региональных партийных комитетов вызывает необходимость некоторых ее дополнений и уточнений, вызванных спецификой предмета исследования.

Так, процесс *инкорпорации* (или *рекрутации*) – это процесс перехода в состав элиты лиц, ранее к ней не принадлежавших. Однако когда предметом исследования являются не просто элиты определенного уровня (в данном случае региональные), но и конкретные позиции в составе этих элит (первые секретари партийных комитетов), возникает возможность различных подходов к освещению этих процессов.

Во-первых, акцентирование внимание именно на региональном аспекте элиты. С этой точки зрения в качестве инкорпорируемых могут рассматриваться все лица, привлекаемые в регион извне – как из Центра, так и из иных регионов – вне зависимости от их статуса.

Во-вторых, возможно рассмотрение достижения определенной должностной позиции и связанного с ней статуса в качестве наиболее значимого фактора в этом процессе. В таком случае лица, ранее достигшие этого положения, могут рассматриваться в качестве инсайдеров, то есть лиц, уже включенных в элитные структуры, для которых занятие должности первого секретаря того или иного региона будет описываться как процесс *ротации*, то есть перемещения уже внутри системы, а не инкорпорации.

В-третьих, подход, при котором особое значение придается процессу занятия должности первого секретаря конкретного регионального комитета КПСС. В этом случае любые варианты занятия этой должности могут рассматриваться в качестве инкорпорации.

Кроме того, для исследования процессов элитообразования большое значение имеет выявление *корпораций-поставщиков*, то есть органов или организаций, наиболее часто используемых для подбора кадров с целью их дальнейшего выдвижения или продвижения в элитные структуры. Степень интенсивности использования таких корпораций-поставщиков, их соотношение являются важнейшими характеристиками процесса элитообразования.

Примечательно, что все эти процессы внимательно отслеживались ЦК КПСС и находили свое отражение в соответствующих партийных документах. Так, в докладной записке отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР и союзным республикам в Президиум ЦК КПСС о выдвижении руководящих кадров от 11 мая 1959 г. отмечалось, что, хотя «ближайшим резервом для выдвижения на должности первых руководителей являются в партийных органах вторые секретари», однако резерв этот используется недостаточно: «... в нынешнем составе первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик ранее работавших вторыми секретарями насчитывается только 56 чел., или 34,5%»⁵. Следует отметить, что показатели замещения должностей первых секретарей вторыми в 1953–1964 гг. по РСФСР были значительно ниже, чем в целом по стране, и составляли лишь 20,25% (табл. 1). И все же именно корпус вторых секретарей являлся «поставщиком» наибольшего количества кандидатур на должность партийных руководителей регионов. Еще 7,6% замещений производилось также за счет вторых секретарей, но других региональных партийных комитетов.

Второе место по количеству лиц, выдвинутых на должность первого секретаря, занимали две категории – инспекторы ЦК КПСС и председатели (заместители председателей) край- и облисполкомов (по 14,5%). Причем назначения в регион с должности инспектора ЦК КПСС не могут быть однозначно охарактеризованы как проявления нисходящей мобильности. Равно и перемещения с поста председателя исполкома на должность первого секретаря того же региона не вписываются в

схему горизонтальной мобильности. В этом проявляются особенности процесса элитообразования, особенно регионального: перемещения производятся не строго «сверху-вниз», не по «горизонтали», а по определенной властной, должностной *диагонали* – из одной вертикали власти в другую, с одного властного горизонта в другой, из одной сферы деятельности в другую, что для советского времени в целом было обычной практикой. «Именно благодаря таким перемещениям создавался универсализм работников, готовых на любом месте выполнять директивы центра, но одновременно формировались и широкие взаимосвязи между работниками различных уровней и сфер деятельности»⁶.

Кроме того, понимание ситуации с определением направления мобильности первых секретарей чрезвычайно осложняет отсутствие четких и однозначных критериев, позволяющих правильно оценить характер перемещений из одного региона в другой – как в той же должности, так и на выше- или нижестоящую. Что может рассматриваться в качестве критериев престижности региона? являются ли такие критерии постоянными или изменяются в зависимости приоритетов проводимого политического курса? и т. д.

В целом первое место среди групп «корпораций-поставщиков» в этот период занимали партийные и советские органы и организации именно того региона, в котором оказывалась вакантной должность первого секретаря (39%). На втором месте – в целом в течение 1953–1964 гг. – оставались центральные партийные и государственные органы (34%), причем 76,5% из них (26% всех перемещений) приходилось на различные структуры ЦК КПСС. И только на третьем месте (27%) оказывались партийные и советские органы других регионов (см. табл. 1).

При этом степень интенсивности использования таких «корпораций-поставщиков», их соотношение на протяжении рассматриваемого периода не оставались неизменными. Наибольшая интенсивность перемещений из Центра в регионы приходится на 1954 и 1955 гг. (по 8 человек), 1959 (7) и 1961 (8). Пики внутрирегиональных перемещений отмечаются в 1955 (11) и 1960 и 1961 гг. (по 10 человек). Максимальные межрегиональные перемещения имели место в 1960 г. (10) и 1961 г. (8). Таким образом, наибольшая степень интенсивности ротаций характерна для 1955 и 1961 гг., что вполне объяснимо с точки зрения проводимого Хрущевым политического курса. Перемещения 1955 г. были вызваны, прежде всего, стремлением отстранения от руководства регионами лиц, являющихся мнимыми или реальными ставленниками противников Хрущева в ЦК КПСС. Ротации 1961 г. были вызваны заметным ужесточением региональной политики центра, развившимся в кампании борьбы с «приписками» и «искажениями государственной отчетности». В первую очередь их жертвами стали руководители регионов, по разным причинам наиболее активно откликнувшиеся на инициативы Хрущева о соревновании с США по производству сельхозпродукции. И вновь основной целью проводимых кадровых перестановок стало пресечение сложившихся между некоторыми руководителями аппарата ЦК КПСС и отраслевых ведомств неформальных

Таблица 1

Динамика процесса инкорпорации и ротации первых секретарей региональных комитетов КПСС РСФСР в 1953–1964 гг.

Предшеств. место работы/ должность		1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	Итого
КПСС	Секретарь	1		1					1					3
	Зав. отделом	1						1	2	1				5
	Зам. зав. отделом			2						1				3
	Зав. сектором	1	3				1	1	1	1				8
	Инспектор	1	5	5	2	1	1	2		4	1		1	23
Совмин СССР					1	1	1	3						6
Совмин РСФСР						1			1					2
Дип. работа										1		1		2
Слушатели курсов переподготовки при ЦК КПСС							2							2
Итого		4	8	8	3	3	5	7	5	8	1	1	1	54
Внутрирегиональные перемещения	2-й секр. (секр.) ОК КПСС	1	1	6		3	3	2	5	7	2		2	32
	Секр. РК/ГК	1	1				1							3
	Пред. (зам.) исполкома		4	4	2	2	1	1	4	3	2			23
	Совмин. АССР			1					1		1			3
	хоз. работа						1							1
Итого		2	6	11	2	5	6	3	10	10	5	–	2	62
Межрегиональные перемещения	1-й секр. ОК КПСС		2	4	2	2	3	1	5	2				20
	1-й секр. ОК КП др. респ.			2										2
	1-й секр. КП союз. респ.						1		1					2
	2-й секр. ОК КПСС				3	1	1	2	1	4				12
	Секр. ГК/РК КПСС							1						1
	Пред. (зам.) исполкома					2			2	2			1	7
	Хоз. работа								1					1
Итого		–	2	6	5	5	5	4	10	8	–	–	1	43
Общий итог		6	16	25	10	10	16	14	25	26	6	1	4	159

отношений с региональными секретарями – теперь уже на почве взаимной заинтересованности в сокрытии злоупотреблений и фальсификаций отчетности. И в том, и в другом случае ротации были продиктованы стремлением предотвращения возникновения устойчивых патрон-клиентских отношений, помимо прочего, могущих быть используемыми и в борьбе за власть.

При этом следует отметить, во-первых, что процессы восходящей и нисходящей мобильности, связывающих центр и регионы, не являлись симметричными. Во-вторых, далеко не всегда попытки укрепления регионов за счет назначения кадров из Центра увенчивались успехом – для 8 из 52 человек опыт руководства регионами закончился крайне негативными оценками, еще двое были освобождены от должности с расплывчатыми формулировками «по личной просьбе» и «по состоянию здоровья».

Обратной стороной процесса инкорпорации и ротации и их естественным продолжением является *экскорпорация*, то есть процесс выхода лица из элитных структур, который также нуждается в некоторых корректировках – с учетом рассматриваемого периода и специфики положения первых секретарей как ключевых фигур в региональной политической элите.

Так, исключение из региональной элиты далеко не всегда является однозначным проявлением нисходящей мобильности. Поэтому выход из региональной элиты может осуществляться в качестве варианта как восходящей, так и горизонтальной мобильности. Первый вариант реализовывался, например, в результате перехода на работу в ЦК КПСС и, тем самым, предоставления шанса вхождения в политическую элиту союзного уровня, второй – при переводе на работу, пусть даже и в аналогичной должности, в другой регион и с соответ-

ственным вхождением в состав уже иной региональной элиты. При этом процесс экскорпорации – ни в случае восходящей, ни в случае горизонтальной мобильности – не является абсолютно необратимым. Так, из 44 первых секретарей региональных партийных комитетов, освобожденных от своей должности в 1953–1964 гг. в связи с направлением на работу в ЦК КПСС, разные союзные министерства и т. д., 9 человек (20,5%) в течение этого же периода были возвращены на аналогичные должности, но в другие регионы. Подобные варианты экскорпорации, связанные с восходящей или горизонтальной мобильностью, можно рассматривать как *относительную экскорпорацию*.

Освобождения от должности зачастую никак не связывались с негативными причинами личного характера – некомпетентностью первого секретаря регионального комитета партии, его конкретными просчетами в руководстве и т. д. В ряде случаев это было следствием «естественно-политических» причин, наиболее значимой из которых, безусловно, являлась смена высшего политического руководства и в связи с этим изменение политического курса. Именно это обстоятельство, в частности, обусловило тот факт, что 42,5% всех отставок и, соответственно, новых назначения, приходится на три первых года нахождения у власти Хрущева (1953–1955 гг.). (Табл. 2).

Экскорпация в принципе редко бывает добровольной потому, что сопровождается, как правило, *экскарцерацией*, то есть выходом лица из замкнутого политического пространства, что требует обратной социализации и часто превращается в болезненный адаптационный кризис. При этом отставки в элитной среде могут быть потенциально опасны для центрального руководства, так как резкое отстранение от власти больших групп инсайдеров способно породить контрэлиту. Кроме того, лица, причастные к элите, обладают определенными ресурсами, которые могут быть использованы ими для противодействия вынужденной отставке. Именно при Хрущеве начинает осознаваться серьезность этой проблемы и предпринимаются попытки ее решения.

В связи с этим особую актуальность приобрела задача разработки механизма *полной экскорпорации*, предполагающей полное вытеснение лица с элитных позиций, что означало бы утрату не только официальной должности, но и всех связанных с этим прав и привилегий, то есть перемещение в незлиту, которая делала бы этот процесс максимально безопасным для существующей власти.

Обычно полная экскорпация реализуется в форме смерти, выхода на пенсию, перехода в материнскую профессию или же – в качестве крайней негативной формы – применения репрессий в отношении представителя элиты. Если в сталинский период наиболее востребованными были третий и четвертый варианты (с преобладанием последнего), то при Хрущеве особое значение приобретает вариант перевода на пенсию, хотя официально подобная формулировка – в качестве основания освобождения от должности – использовалась крайне редко (всего 1,2% всех освобождений). Однако, как показывает анализ биографических дан-

ных, в 1954–1964 гг. не менее 40 человек из числа лиц, имевших опыт работы в качестве первых секретарей регионов в 1940–1950-е годы, были отправлены на пенсию.

При этом 31 из 38 пенсионеров из числа первых секретарей на момент их перевода на пенсию не достигли возраста 60 лет, необходимого для назначения пенсии на общих основаниях. Самой многочисленной категорией «молодых» пенсионеров оказались лица в возрасте от 48 до 55 лет включительно (15 человек), на втором месте – 56-летние (7), далее – 57-летние (5) и 58-летние (4).

Из отправленных на пенсию 16 человек работали в должности первого секретаря и при Сталине, и при Хрущеве, 9 – уже не были востребованы в этом качестве при Хрущеве, а 5 – напротив, впервые были выдвинуты на эти должности только при последнем. Таким образом, перевод на пенсию не может рассматриваться в качестве меры, имеющей целью исключительно или преимущественно отстранение от руководства регионами кадров «сталинского» призыва.

Несмотря на наличие громких региональных «дел» в конце 1950-х гг., именно в РСФСР не было отмечено случаев снятия с должности первого секретаря соответствующих партийных комитетов в связи с арестами или возбуждением уголовных дел – то есть такой широко применяемый в сталинский период способ полной экскорпорации, как репрессии, не применялся.

Пожалуй, можно выделить и единственный случай попытки полной экскорпорации посредством возвращения в материнскую профессию – пример первого секретаря Ростовского ОК КПСС А. И. Кириченко, формальным основанием освобождения от должности которого в 1960 г. являлось «утверждение директором завода» (дизельного) с дальнейшим переводом – в возрасте 54-х лет – в 1962 г. на пенсию. Более распространенной являлась практика, приводящая к материнской профессии через различные варианты частичной экскорпорации.

В целом же *частичная экскорпорация* означает утрату лишь части ранее приобретенного элитного статуса лица, реализуемую в разных вариантах.

Вариант *деформализации*, то есть лишения формальной должности при сохранении некоторого объема властных ресурсов и капиталов, приобретенных в ходе предшествующей деятельности, в рассматриваемый период мог осуществляться в качестве перевода первого секретаря на должность второго секретаря (1,25% всех ротаций данного периода) или председателя (зам. председателя) исполнительного комитета Совета депутата трудящихся (1,25%) в том же регионе. Как разновидность деформализации возможна ситуация сохранения членства в выборных партийных или советских органах после лишения должности руководителя местной партийной организации.

Вариант *декапитализации*, то есть лишения лица политического капитала или возможности им оперировать, мог реализовываться перемещением первого секретаря в другой регион с одновременным понижением статуса – утверждением в должности второго секретаря или председателя (зам. председателя) исполкома (2,5%).

Процесс *резервации* в этот период чаще всего был связан с «отзывом в распоряжение КПСС» или направлением на учебу – для 1950-х гг. наиболее характерным было направление на курсы переподготовки первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик при ЦК КПСС. Подобного рода «отзывы» и «направления» могли быть вызваны диаметрально противоположными причинами: и как способ поощрения успешного работника – с дальнейшим назначением либо на более высокую должность, либо в более перспективный регион, и как способ изъятия «проштрафившегося»

регионала из привычной для него среды. Однако – вне зависимости от причин – на время нахождения в этих экзэлитных зонах за перемещенными в них лицами сохранялся их формальный элитный статус и, что важнее, перспектива востребованности в дальнейшем. В течение рассматриваемого периода на курсы переподготовки при ЦК КПСС были направлены 6 человек, но только двое слушателей этих курсов получили назначения на должность первого секретаря регионального комитета партии. В 1959–1964 гг. ни один из названных способов резервации уже не использовался (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика относительной экскорпации первых секретарей региональных комитетов КПСС РСФСР
(восходящая мобильность/резервация)**

Последующее место работы/должность	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	итого	
Перевод на работу/ в должность... (восх. мобильность)	Секр. ЦК КПСС	1		2			2			2			7	
	Зав. отделами ЦК КПСС			1			1	2	1				6	
	Инспекторы						1		1				2	
	КПК при ЦК КПСС				1				1				3	
	Бюро ЦК КПСС по РСФСР								1	1			2	
	Минсельхоз СССР		1	2					1				5	
	Др. мин-ва СССР	1	1						1				1	4
	ВС СССР										1			1
	Совмин РСФСР			1			6							7
	Советник при Совмине РСФСР								2					2
Направление на дип. работу		1	1					3					5	
Итого	2	3	7	1	–	9	3	7	6	4	–	2	44	
Напр. на курсы переподготовки при ЦК КПСС		1	1	1	2	1							6	
Отзыв в распоряжении ЦК КПСС	1	1			1								3	
Итого	1	2	1	1	3	1	–	–	–	–	–	–	9	
Общий итог	3	5	8	2	3	10	3	7	6	4	–	2	53	

Одним из самых популярных каналов относительной экскорпации этого периода является назначение на аналогичную должность в другой регион (16,25 %).

Весьма распространенная для рассматриваемого периода ситуация – освобождение от должности по негативным основаниям – не только не означала полной экскорпации, но и в ряде случаев оставляла возможность дальнейшего карьерного роста. Так, данные о дальнейшей судьбе 24 из 31 лица, освобожденных от занимаемой должности как «необеспечивших руководство», «не справившихся с работой», за «ошибки в методах руководства» и т. д. свидетельствуют, что, по крайней мере, пятеро из них были непосредственно после этого переведены на должность члена Президиума Верховного Совета РСФСР, руководителя группы

контролеров Комиссии государственного контроля, зав. сектором ЦК КПСС, члена КПК при ЦК КПСС, зам. министра местной промышленности РСФСР. Еще двое – отозваны «в распоряжение ЦК КПСС». Большая же часть получила еще один шанс для продолжения карьеры руководителя, как правило, уже в другом регионе (табл. 3).

Начавшаяся в 1962 г. реорганизация партийно-государственных структур, с одной стороны, существенно снизила интенсивность ротационных процессов, с другой – стала причиной нарастания недовольства регионального руководства проводимой Центром политикой. Инициированное Хрущевым в сентябре 1962 г. разделение партийного и советского аппарата по отраслевому принципу имело своей целью ослабление влияния регионального аппарата⁷. Зна-

Таблица 3

Динамика процессов относительной и полной экскорпорации первых секретарей региональных комитетов КПСС РСФСР (горизонтальная и нисходящая мобильность)

Последующее место работы/ должность		1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	итого
В том же регионе	2-й секр. ОК КПСС				1			1						2
	Пред. исполкома							1	1					2
	СНХ									1				1
В другом регионе	Секр. ЦК союз. респ.		1					1	1					3
	В распоряжении ЦК КП др. республ.					1								1
	1-й секр. ОК КПСС		2	7	1	4	3	3	4	2				26
	2-й секр. ОК КПСС			1										1
	Пред. исполкома		1						1	1	1			4
	СНХ							1						1
	Хоз. работа								1					1
Другая работа				1		2	1	1		1	1			7
По негативным причинам		2	6	5	2	1	1	2	3	8	1			31
По личной просьбе					1	1		1				1		4
По состоянию здоровья			1	3	1	1	1		3	4	2		1	17
Перевод на пенсию									1	1				2
Смерть								1	2				1	4
Итого		2	11	17	6	10	6	12	17	18	5	1	2	107

чально порочным оказался заложенный в основу этой реорганизации принцип неравноправия секретарей, предполагавший фактическое выделение в качестве «старшего», как правило, первого секретаря объединенного обкома или крайкома, который возглавлял ту партийную организацию (городскую или сельскую), которая в силу специфики региона являлась преобладающей. Должность «младшего» секретаря обычно занимался вторым секретарем, изначально находившимся в подчинении первого секретаря. С реорганизацией – при формальном равенстве статуса секретарей – сложившаяся ранее служебная иерархия продолжала сохраняться. Эта ситуация порождала многочисленные противоречия и конфликты и явно не способствовала повышению эффективности управления регионом. В конечном счете именно массовое недовольство разделением аппарата на местах и стало одной из причин смещения с должности Н. С. Хрущева в октябре 1964 г.

В целом же, вплоть до второй половины 1980-х гг., когда в течение 1985–1987 гг. по стране было заменено 60% секретарей областных партийных организаций⁸, российские регионы больше не испытывали пере-

мещений в составе своих руководящих кадров, сопоставимых по степени интенсивности с 1953–1964 гг.

Примечания

- 1 См.: Хлевнюк О. Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х гг.: устойчивость и конфликты // Отечественная история. 2007. № 3. С. 33.
- 2 См.: Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М., 2009. С. 560–638.
- 3 Там же. С. 639–733.
- 4 См.: Крыштановская О. Анатолия российской элиты. М., 2005. С. 99–109, 175–189.
- 5 Региональная политика Н. С. Хрущева ... С. 162.
- 6 Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945–1991). Пермь, 2003. С. 62.
- 7 См.: Мохов В. П. Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000. С. 238–240.
- 8 См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 97.

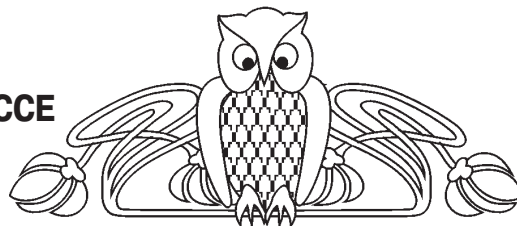
СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 321

РОЛЬ ИЗМЕНЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В. Е. Бормотов

Саратовский государственный университет
E-mail: victor.bormotov@yandex.ru

В статье анализируются изменение конституции как фактора развития политического процесса. Исследуются особенности политической роли конституции в современном обществе. Формулируется вывод о том, что в современном обществе все более ускоряющиеся политические процессы входят в противоречие с нормами основного закона.

Ключевые слова: конституция, политическая трансформация, учредительная власть, политическая система, политическое пространство, политическое время.

Role of the Constitutional Amendments in the Modern Political Process

V. E. Bormotov

The article analyzes the constitutional change as a factor in the political process. We investigate the peculiarities of the political role of the Constitution in modern society. We formulate a conclusion that in today's society more and more accelerating political processes are in conflict with the rules of the Basic Law.

Key words: Constitution, political transformation, constituent power, political system, political space, political time.

Важнейшим юридическим актом, регулирующим функционирование политической системы, является конституция. Она описывает поле допустимых действий в политическом процессе, а также институциональный дизайн государственной системы. Учреждение конституции и последующее ее признание политическими субъектами как документа, на который необходимо опираться при ведении политической игры, считается залогом бесконфликтного развития общества. Однако сегодня, в условиях постоянного и быстрого роста тектонических социальных и политических перемен, выдвигаются новые требования к конституционным параметрам политики. Особенно это актуально для нашей страны, поскольку дальнейшая судьба отечественного основного закона вызывает острые политические дискуссии. Новые условия ставят перед политической наукой вопросы о роли конституции в современном обществе, а также о поиске эффективных механизмов учреждения политического порядка. Это, в свою очередь, требует постоянного изучения проблем, связанных с процессами учреждения и изменения политических порядков, поскольку от этого зависит дальнейшее нормальное развитие всего общества и государства.

Однако остаются слабоизученными политические процессы, приводящие к подобным изменениям. Трудно ответить на вопрос, почему конституционный дизайн политики получается именно таким, а не другим. Для всестороннего анализа данной проблематики необходимо осветить целый ряд аспектов, с нею связанных. Во-первых, каков комплекс причин и условий, которые позволяют тем или иным субъектам производить учредительные преобразования государства. Во-вторых, чья воля является определяющей при установлении государственных порядков, то есть кто субъект таких изменений. В-третьих, каков реальный механизм, с помощью которого реализуется учреждение государства. В рамках данной работы основным для нас будет выявление реального значения изменения конституции, как фактора развития современного политического процесса.

Установление конституционных правил политической игры является определенной частью политической трансформации. Исходя из предложенной В. Гельманом логики трансформации политической системы, учреждение основного закона означает конституирование новой политической системы, за которой должна следовать ее относительная консолидация¹. Учреждение конституции имеет к тому же огромное символическое значение, поскольку общество так или иначе начинает жить в новом политическом ритме, задаваемом основным законом. Даже поиск неформальных политических практик во-многом зависит от норм действующего основного закона. Так, например, невозможность избрания президента на три срока вызвало к жизни такое политическое явление, как «тандем», что позволило В. В. Путину, формально не нарушая конституционных норм, находиться у власти 12 лет и занять президентское кресло в третий раз.

Сегодня многие страны, не исключая многих западных, столкнулись с проблемой несоответствия политической действительности нормам, декларируемым конституцией. Зачастую происходит выстраивание альтернативной модели политической системы, не вписывающейся в идеальные рамки конституции. По замечанию В. Пастухова относительно российской политики, «конституционализм в России оказался освоен, но

не усвоен. Есть сама Конституция, есть конституционная инфраструктура и даже Конституционный суд, есть тысячи блестящих профессионалов, практикующих конституционное право, но общий философский смысл и политическое содержание конституционализма остаются для подавляющей части населения и даже для многих «профессиональных конституционалистов» своего рода *terra incognita*².

Если тексты большинства современных конституций практически идентичны, то их практическая реализация и реальное назначение существенно различаются. Сегодня это характерно не только для стран с так называемым переходным политическим режимом, но и для «передовых» в этом плане стран Запада. Так, например, многими исследователями отмечается реальный перекокс полномочий в сторону исполнительной власти, поскольку в современных условиях быстрых изменений очень сложные и длительные конституционные механизмы принятия решений оказываются малоэффективными. Политическая необходимость входит здесь в прямое противоречие с определенным идеологическим страхом допущения произвола власти. Вырисовывается перспектива столкновения многих государств с конституционным кризисом – ситуацией, при которой основной закон теряет легитимность (возникает разрыв между легитимностью и законностью) либо различные конституционные нормы не могут быть согласованы противоборствующими социальными силами на основе действующего основного закона, либо конституция или часть ее норм вступают в радикальное противоречие с политической реальностью. Поэтому необходим поиск новых механизмов создания легитимности учредительных изменений на тот случай, если они произойдут.

На наш взгляд, важным аспектом при рассмотрении вопроса об изменении роли конституции является смена пространственно-временных пределов измерения политики в целом. Где находятся эти пределы – коренной вопрос для политической топологии и политической хронологии, которые в современной науке недостаточно развиты. Политика, как и любой другой вид социальной деятельности, разворачивается в определенном пространстве, что означает порядок расположения различных объектов друг к другу, и обладает временным протяжением, характеризующим последовательность и длительность их движения. Человек, находясь в физическом пространстве, вполне естественно, не может обойтись без пространственного оценивания политических процессов. Прямым выражением пространственных отношений в обществе является социальная иерархия, с помощью которой мы определяем, что находится выше, а что ниже. В политике критерием нахождения в пространстве являются доступ и отношение к власти. Мы говорим о верхах и низах, левых, правых, центристах и т. д. Пространство

политическое определяют различные субъекты, которые так или иначе включены в борьбу за обладание и распределение власти, прежде всего государственной.

Наряду с пространством мы существуем в физическом времени, которое измеряется специальными приборами, опираясь на продолжительность перемещения физических тел (Солнца, Луны). Однако коренное отличие социального времени от физического заключается в том, что оно в большей степени протекает в сознании людей, отражая восприятие тех или иных событий и их последовательность. Общество всегда находится в состоянии выбора, что является для него прошлым, что есть настоящее и чего оно хотело бы получить в будущем. Характерной особенностью политического измерения времени является его направленность вперед, в будущее. Понятно, что силы, действующие в политическом поле, по-разному отвечают на эти вопросы, притом физически находясь в одном и том же времени. Соответственно, политическое время, будучи частью социального, является отражением восприятия массовым сознанием протекания политических процессов, и оно практически всегда несоотносимо с реальным временем.

Конституция как документ, не только регулирующий, но и регламентирующий политику, подразумевает идентичность граждан, обладающих набором прав и обязанностей. Появление конституции знаменовало собой попытку установить единый пространственно-временной континуум для политики. Время в силу своего нематериального характера и недостаточной изученности трудно соотносится с реальной политикой. Это феномен, о котором Томас Карлейль говорил, что «оно навсегда в буквальном смысле останется чудом: оно поражает нас, и мы умолкаем, так как нам недостает слов, чтобы говорить о нем»³. Однако в чем же его сущность с политической точки зрения? На наш взгляд, политическое время включает в себя ряд аспектов, которые так или иначе его характеризуют. Во-первых, временем мы измеряем длительность существования различных политических объектов (институтов, отношений, процессов). Во-вторых, политическое время отражает быстроту смены состояний политической системы и различных отношений внутри нее в единицу времени. В-третьих, являясь необратимым, оно всегда направлено вперед, показывая хронологическую последовательность продвижения к определенной цели, поставленной в будущем. Таким образом, длительность, скорость и последовательность – три важнейших параметра, по которым возможно отслеживать протекание времени применительно к реальной политике.

В эпоху модерна укрепилась парадигма, в рамках которой человечество прогрессирует, продвигаясь к определенному идеалу. В сфере политики таковым выступает демократия в раз-

личных ее вариациях (от коммунистических до либеральных).

Политическое время является в большей степени тем, чем мы его себе представляем, и в таком случае это один из основополагающих вопросов политической культуры. Политическое время – это то, каким образом мы планируем и осуществляем свое настоящее и будущее и как быстро мы хотим достигнуть поставленных целей, исходя из складывающихся условий. Если для средневекового христианина жизнь – это ожидание второго пришествия Христа и Страшного суда, острое ощущение фатальности и предрешенности жизненного пути, то мы считаем себя творцами собственной жизни, которую создаем изо дня в день, в том числе и в сфере общественного устройства. Соответственно, если все люди обладают разумом, то почему нельзя на рациональной основе установить справедливое общественное устройство? Примерно из таких посылов появилась сама идея конституции, в полной мере впервые реализованная во времена Великой Французской революции, а также борьбы за независимость в Америке.

Конституция, стремясь рационализировать политику, предлагает ограничивать власть, в том числе и такими способами, как установление временных пределов нахождения политических субъектов у власти. В таком случае политиками должно двигаться ощущение того, что их деятельность конечна, они не вечно будут находиться у власти, и им постоянно необходимо доказывать актуальность своих целей и эффективность предлагаемых решений. Временной цикл политики оказывается втиснутым в рамки «от выборов до выборов». В этом случае общество видит горизонт политического времени в виде предстоящего голосования.

Итак, конституция стала той моделью, с помощью которой конструируется политическое пространство и время в государстве эпохи модерн. Однако на сегодняшний день все явственней прослеживаются тенденции того, что и пространство, и время в современном мире меняются. С одной стороны, человек растворен в огромном социальном пространстве, с другой – политическое время настолько ускорено большим количеством событий, что рядовому гражданину довольно трудно разобраться в них. Политическое пространство современных многомиллионных государств для рядового человека видится довольно узким, время же представляется ему ограниченным, поэтому он хочет видеть максимально быстрые изменения в своей жизни, причем именно сейчас, а не завтра. Время, которое в политике, как правило, учитывалось в меньшей степени, сегодня выходит на уровень одного из решающих факторов в политической деятельности. Конституция все больше отстает от всего разнообразия процессов, происходящих в современном мире, поскольку общепризнанным является положение о желательности ее неизменности. Соответственно, и власть,

и наука, и общество встают перед дилеммой: либо поддерживать конституцию в стабильном состоянии, либо вырабатывать механизмы ее быстрого изменения для встраивания в быстроменяющуюся политическую реальность, рискуя при этом той самой стабильностью.

Референдум, учредительное собрание общепризнаны демократическими механизмами учреждения конституции. Насколько они будут востребованы и эффективны в случае необходимости изменения конституции, также остается под вопросом, поскольку они являются длительными и весьма затратными, что, на наш взгляд не соответствует политическому духу современности. А он как раз и состоит в быстроте и экономической эффективности принимаемых политических решений.

Существует ряд концепций, объясняющих суть учредительного процесса с различных позиций (общественный договор, рациональный выбор, транзитология). Однако ни одна из них не оставляет полной ясности относительно того, как функционирует учредительная власть после установления конституции и функционирует вообще. Действительно, например, в переходных условиях мы довольно четко можем отследить действия разных субъектов направленных на то, чтобы ввести и сделать постоянными те правила политической игры, которые видятся им наиболее приемлемыми. Примером политического учредителя являются большевики, которые в кровопролитной Гражданской войне отстаивали свое учредительное право на создание государства, в соответствии с собственными идеологическими воззрениями, которые так или иначе воплощались в советских Конституциях. В случаях, когда конституция принимается специальным учредительным собранием (конституантой) или же на референдуме, мы также можем давать характеристику учредительного процесса, с точки зрения соответствия происходящих событий определенным канонам демократичности (например, получали ли различные политические силы равный доступ к СМИ при освещении своих вариантов конституционных преобразований). Так или иначе, корни учредительного процесса вызревают в недрах той системы, которая под воздействием учредительной власти меняется. Устойчивость системы во многом зависит от уровня консенсусности при ее учреждении. Если существуют силы, которые не признают систему легитимной, всегда есть возможность ее изменения. Значит, учредительная власть существует и в условиях, когда действует конституция, вопрос только, в каких формах, и на каком уровне.

Каким же образом будут производиться учредительные изменения в условиях, когда официальная конституционная доктрина большинства государств признает высшей ценностью ее стабильность? Современные конституции, как правило, прописывают довольно жесткие

механизмы внесения в нее изменений, которые в нормальных условиях функционирования политической системы вряд ли осуществимы. Уместно здесь будет упомянуть об учредительном собрании, о необходимости созыва которого не раз можно услышать в отечественном политическом дискурсе. Его теоретические основы исходят из идей народного суверенитета о неотъемлемой принадлежности учредительных прав народу. Поэтому разрабатывать и утверждать конституционные правила должны представители всего народа, которые собираются в специальный орган парламентского типа.

Учреждение конституции происходит в условиях масштабного кризиса, когда все общество нуждается в установлении порядка. А как показывает исторический опыт, в таком положении легальность уходит на второй план, поскольку обществу нужны легитимность и порядок и, по сути, признается любой механизм, приводящий к нему, независимо от его соответствия юридическим нормам. Соответственно, на наш взгляд, юридическая формализация учредительной власти имеет весьма ограниченный потенциал регулятивного воздействия. Предварительно прописать порядок действий учреждения конституционного порядка на случай кризиса необходимо, но главное – добиться признания его политическими игроками в качестве единственно возможного выхода. Однако отличительной особенностью кризиса является низкий уровень прогнозируемости его возникновения и протекания.

В современности установление государственного порядка прямо подразумевает юридическое прописывание правил игры. Само же установление этих правил – вопрос чисто политический, заключающийся в способности разных общественных сил достигать соглашения. На наш взгляд, очень важны два момента – четкое прописывание механизма учредительства, а также высокий уровень принятия его в обществе. Таким образом, мы имеем целый ряд «спящих» механизмов реализации учредительной власти, которые формально существуют, но инициирование процесса их осуществления признается как нежелательное. В этом, полагаем, главное политическое значение юридического оформления учредительной власти в современной политике. Существовая формально, данные механизмы должны указывать политикам на те крайности, которые необходимо избегать, работая как можно эффективней для того, чтобы устойчивость общества была максимально высокой, дабы не вызывать острых кризисов, включающих учредительные процессы. Сама возможность изменения конституции должна подталкивать политиков делать все возможное, чтобы не допускать их.

С одной стороны, учредительная власть как способность быстро установить политический порядок в максимально быстрые сроки требуется на этапе конституирования политической системы, что требует от политиков большой дальновидности. С другой стороны, уровень политизированности при установлении конституции максимально высок, поскольку речь идет об обладании властью. В период нестабильности теоретические шансы на обладание ею получает очень большой круг лиц, в условиях ослабленной легитимности предлагающих различные варианты установления конституционного порядка.

Сама возможность изменений конституции заставляет, прежде всего власть, создавать определенный климат в обществе, чтобы их не допустить. Учредительный процесс в условиях, когда конституция является действующей, облекается в форму общественных дискуссий по поводу тех или иных изъянов основного закона и их возможного устранения. Те силы, которые выступают за изменение основного закона или же его смену, потенциально являются политическими учредителями. За стабильность, в том числе конституционную прежде всего выступает действующая власть, поскольку это входит в задачи любого нормально функционирующего государства. Взаимодействие этих противоборствующих сторон и составляет суть латентного учредительного процесса. Переход его в открытую фазу означает определенный кризис. Именно этим, на наш взгляд, объясняется нежелание действующей власти, каким-либо образом трогать текст Конституции, несмотря на острую критику от самых разных политических сил. Ведь дивиденды от изменений сомнительны, а вот нарушение стабильности вполне реально. Соответственно, полагаем, в современном обществе формально конституция меняться не будет, поскольку ценность ее стабильности общепризнанна. С другой стороны, ускорение и расширение современных процессов требует определенных изменений, притом быстрых, в политической сфере. Поэтому все большее распространение будут получать механизмы политического учредительства, не связанные с конституционными преобразованиями.

Примечания

- 1 См.: Гельман В. Я. Постсоветские политические трансформации. Наброски и теории // Полис. 2001. № 1. С. 34.
- 2 Пастухов В. Конституционная реформа : поэзия принципов и проза правоприменения. URL: <http://www.nowaygazeta.ru/comments/50902.html> (дата обращения : 12.05.2012).
- 3 Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М., 2008. С. 234.

УДК 329.052(470+571)

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ НЕСИСТЕМНОЙ ОППОЗИЦИИ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ

Д. И. Давыденко

Саратовский государственный университет
E-mail: warg313@yandex.ru

В статье идет речь об особенностях изучения несистемной оппозиции в современной российской политической науке. Особое внимание уделяется ключевым проблемам, поднимаемым современными исследователями при изучении несистемных оппозиционных организаций.

Ключевые слова: несистемная оппозиция, оппозиционные образования, общественные движения, исследования оппозиции, определение несистемной оппозиции.

Development of Problems Nonsystematic Opposition in Research Investigation Russians Political Scientists

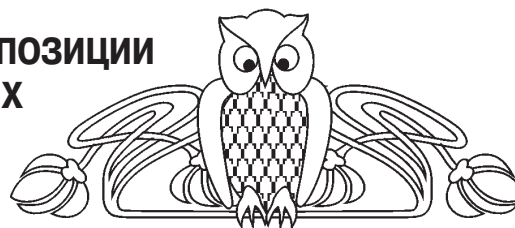
D. I. Davydenko

The paper discusses peculiarities of development the unsystematic opposition in modern Russian political science. Special attention is paid to crucial problem, single out modern researchers unsystematic opposition organizations.

Key words: unsystematic opposition, opposition formations, social floating, researches of opposition, definition unsystematic opposition.

С начала 2000-х гг. в политической жизни современной России начались значительные изменения, связанные с новым политическим курсом руководства страны. Наиболее яркими чертами этого процесса стали появление доминирующей политической партии «Единая Россия», сокращение числа парламентских партий, обновление элит. После внесения изменений в Федеральный закон «О политических партиях» в 2003 г. началось стремительное сокращение числа партий. В результате к концу десятилетия в стране насчитывалось семь политических партий вместо нескольких десятков в конце 1990-х гг.

Политический процесс в России стал приобретать новые очертания. Помимо изменения числа политических партий, одной из характерных его черт стало появление и развитие несистемной оппозиции. Если в 1990-х гг. неформальная оппозиция была представлена в основной своей массе малочисленными маргинальными организациями, то в новом десятилетии непартийные оппозиционные формирования стали разрастаться и привлекать всё больше новых сторонников. За данными организациями закрепилось название «несистемная оппозиция». Однако не существует единой терминологии. Разные исследователи

используют различные термины и названия для обозначения данного явления. Так, В. И. Козодой определяет несистемную оппозицию как ««лево-» и «праворадикальные» партии и группировки, программные установки которых полностью (либо частично) отрицают преобладающую систему политических ценностей. Их деятельность нацелена на дискредитацию функционирующих институтов государственной власти, подрыв их легитимности и нарушение нормального хода политического процесса»¹.

Зачастую в российской политической науке несистемной оппозицией называют политические образования, которые вообще не хотят иметь ничего общего с существующей властью и легальным порядком. Они считают возможным проявлять свою политическую активность в рамках «уличной демократии», провоцируя массовые беспорядки и т. п.

Однако, исходя из системного подхода, существует и другое определение. По мнению И. Большакова, «системность характеризуется отношением оппозиции к политической системе в целом и ее институтам в частности. Но по этому параметру почти все оппозиционные структуры, включая представленные в парламенте, являются несистемными»². Подобное определение несистемной оппозиции значительно реже встречается в российской политической науке. Традиционно предпочтение отдается первому варианту.

Другой проблемой при изучении несистемной оппозиции являются типы деления организаций. В российской политической науке существуют различные подходы к данной проблеме. В. А. Проничев выделяет три типа оппозиции в современной России: «После 2002–2004 гг. в России начинается новый этап становления политической оппозиции, поскольку происходит более четкое формирование трех ее основных сегментов: системной, имеющей представительство в органах государственной власти; внесистемной, которая не входит в состав государственных органов; антисистемной, представленной радикальными движениями. Эволюция различных сегментов политической оппозиции в указанный период носит достаточно дифференцированный характер»³. Политолог разделяет непарламентскую оппозицию на два вида: внесистемная и антисистемная, проводя черту разделения по методам действий и форме организации. В предложенной Проничевым градации под термин «внесистемная» попадают непарламентские партии («Яблоко»,

«Правое дело», «Патриоты России» и т. д.), тогда как традиционно причисляемые к несистемной оппозиции организации подпадают под определение «антисистемной». Автор делает акцент на внешних признаках, по которым разделяются партии и движения. Их политические взгляды при разграничении не учитываются.

Иное деление предлагают политологи Н. П. Медведев и А. В. Борисенко. Они разделяют оппозицию на системную и несистемную, которая в свою очередь делится на три типа. Первый: «фундаменталистские коммунистические партии (Всесоюзная коммунистическая партия будущего (ВКПБ), Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП) и т. д.), ориентированные на тоталитаризм в сталинистской или постсталинистской его форме»⁴. Второй: «националистические организации (РНЕ, партия «Национальный фронт», Легион «Вервольф» и т. д.). Эти организации можно разделить на ориентированные в идейном и культурном отношении на зарубежный неонацизм (например Легион «Вервольф») и на радикальных национал-патриотов, сторонников православного фундаментализма, монархизма (Национал-патриотический фонд «Память»), либо неоязычество (Союз венеков, Русская партия)»⁵. Третий: «разновидность несистемной оппозиции представлена левыми радикальными организациями, идейный и культурно-стилевой облик которых сформирован контркультурой»⁶. При таком подходе к делению основное внимание уделяется непосредственно внутренним особенностям несистемной оппозиции. Именно идеологические основы выходят на первый план при разработке данной системы деления оппозиционных формирований.

Кроме того, необходимо отдельно отметить систему, предложенную С. А. Кислицыным и И. А. Кривчук. Они предлагают относить к несистемной оппозиции противников действующего политического режима. По их мнению, несистемная оппозиция появилась в 1990-х гг., тогда ее представляла КППРФ, противостоявшая режиму Президента РФ Бориса Ельцина⁷. Такой подход перекликается с делением, предложенным Проничевым, который выделяет «внесистемную» и «антисистемную» оппозиции с тем лишь различием, что КППРФ является парламентской партией и не может быть отнесена в этой системе к «внесистемной» оппозиции. Таким образом, градация Кислицына и Кривчук является оригинальной, но малоприменимой в современных политических реалиях. Исходя из нее, все действующие российские партии, кроме «Единой России», относятся к несистемной оппозиции. Подобное утверждение является довольно спорным.

Ключевой особенностью российской несистемной оппозиции в момент ее появления стало то, что в одно движение объединились совершенно разные по своим политическим взглядам организации. Наиболее ярким примером подобного

образования может служить «Другая Россия». В российской научной литературе также существуют исследования неформальной, контркультурной политической оппозиции⁸. Подобное явление, когда в одну организацию объединяются абсолютно разнонаправленные силы, по-разному оцениваются специалистами. По мнению Е. Ясина, «сейчас поводом для объединения оппозиций разного толка является противостояние Кремлю. Считаю это неконструктивным, поскольку соединить идеологические крайности невозможно»⁹. В то же время существует обратная точка зрения, сторонники которой считают, что объединение столь «разношерстных» сил имеет право на существование для более эффективного противостояния с партией власти. Также существует точка зрения, согласно которой «Другая Россия» представляется оппозиционной в формате классического позиционирования. Данный формат позиционирования заимствован у антиглобалистов: «Другой мир возможен». Именно этим объясняется то, что это аморфное образование претендует на роль оппозиции в России¹⁰.

Развитие событий показало, что точка зрения Ясина оказалась ближе к реальности. Широкая коалиция «Другая Россия» просуществовала недолго, разделившись по политическим взглядам на различные незарегистрированные партии. Таким образом, новое нестандартное формирование превратилось в несколько классических политических движений. Политики с диаметрально противоположными взглядами, объединенные лишь одной общей целью, не смогли действовать достаточно эффективно.

В результате можно отметить, что в современной российской политической науке не существует единого взгляда на несистемную оппозицию. В ближайшей перспективе, благодаря изменению законодательства о политических партиях, данное явление должно будет качественно измениться. Наиболее крупные оппозиционные формирования смогут получить статус политических партий и перейти из разряда «несистемной» оппозиции в разряд «системной», тем самым получив возможность принимать участие в выборах и бороться за власть.

Примечания

- ¹ Козодой В. И. Общественно-политическая жизнь Сибири (вторая половина 1980-х – середина 1990-х) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. С. 10.
- ² Большаков И. Несистемная оппозиция : «терминологическая» ошибка или политическая реальность // Свободная мысль. 2011. № 3 (1622). С. 111.
- ³ Проничев В. А. Оппозиция как субъект политического процесса в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 3. С. 96.
- ⁴ Медведев Н. П., Борисенко А. В. Несистемная оппозиция в политическом пространстве современной Рос-

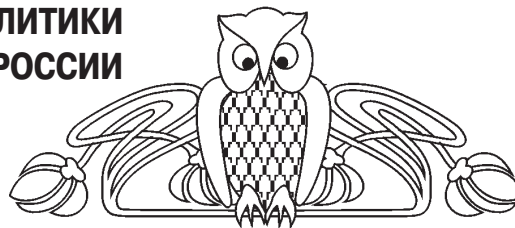
- сии // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. № 8. Т. 4. С. 151.
- ⁵ Медведев Н. П., Борисенко А. В. Указ. соч. С. 151.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Кислицын С. А., Кривчук И. А. Демократическая и коммунистическая оппозиции в России как субъекты формирующегося гражданского общества // Социология власти. 2008. № 4. С. 205.
- ⁸ См. например: Сергеев С. А. Контркультурная политическая оппозиция в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 3.
- ⁹ Цит. по: Маслов О., Прудник А. Оппозиция в России начала XXI века в высказываниях современников. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2006/12/05/opposition/> (дата обращения : 16.04.2010).
- ¹⁰ См.: Кривчук И. Проблемы функционирования оппозиции и контрэллит в современном политическом процессе // Власть. 2009. № 7. С. 60–62.

УДК 32:004.738.5(470+571)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В ONLINE-ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н. А. Рябченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар
E-mail: rrrnatali@mail.ru

В статье рассмотрены основные направления развития публичной политики в online-пространстве России. Обусловлена необходимость формирования проактивной публичной политики, в качестве платформы развития которой предлагается использовать online-пространство, поскольку современное общество должно обладать сознательным выбором в принятии тех или иных решений, моделей поведения.

Ключевые слова: публичная политика, online-пространстве, акторы публичной политики, трансформация публичной политики, проактивная публичная политика.

Prospects of Public Policy Development in Modern Russia Online-sphere

N. A. Ryabchenko

The article describes the main directions of public policy development in the online-sphere of Russia. Due to the need for the development of proactive public policy, as the development platform are encouraged to use online-sphere. As the modern society should possess conscious a choice in adoption of these or those decisions, acceptance of these or those models of behavior.

Key words: public policy, online-sphere, actors of public policy, transformation of public policy, pro-active public policy.

Сильное гражданское общество является важной составляющей стабильного государства с развитой демократией. Инициативы гражданского общества развивают публичную политику, что способствует устойчивому развитию страны и гарантирует экономические и политические права народа. Россия уже прошла этап адаптации и перехода от постсоветской эпохи и находится в процессе формирования современной экономики и стабильной социально-политической системы страны. Этот процесс требует создания и поддержания диалога с обществом, сосредоточенности на ожиданиях и требованиях гражданского общества. Необходимы платформы для реализации и укрепления различных общественных органи-

заций и их конструктивное участие в становлении современного государства. Лишь при этом обязательном условии возможно укрепление доверия между обществом и властью и развитие публичной политики. Все это в конечном итоге обеспечит лидирующие позиции России в современном мире.

Рост политической активности населения, начавшийся в 2011 г., поставил перед исследователями публичной политики несколько вопросов, ответы на которые можно будет дать, проведя ряд исследований, связанных с анализом публичной политики и, в частности, публичной политики в online-пространстве. В качестве примера подобного рода вопросов приведем следующие: «можно ли назвать события конца 2011 г. (митинги на Болотной площади и на проспекте Сахарова в Москве) политической активизацией среднего класса?», «возможен ли конструктивный диалог между властью и оппозицией?», «на какие действия будет способно гражданское общество в России, отстаивая свои интересы?» Во многом наличие такого рода вопросов связано с тем, что нынешнее состояние публичной политики в online-пространстве и публичной политики в целом носит реактивный характер, то есть обусловлено внешней стимуляцией и обстоятельствами.

Необходимо развивать проактивную публичную политику, и online-пространство может служить площадкой для такого рода трансформаций публичной политики. Общество должно обладать сознательным выбором в принятии тех или иных решений, тех или иных моделей поведения. Для этого, в первую очередь, необходимо создать систему online-академических сообществ, акцентирующих область своего научного знания на публичной политике, гражданском обществе и правах человека. Такого рода сообщества необходимы, чтобы теоретические модели могли найти

применение в повседневной жизни и способствовали усилению конструктивного потенциала гражданского общества и online-пространства. При построении online-академических сообществ необходимо учитывать модели социальных сетей для того, чтобы развивать горизонтальные связи между сообществами по всей стране, что позволит приумножить полученный капитал теоретических знаний в публичной политике.

В настоящее время доступны глобальные исследования online-пространства, в том числе и российского сегмента, только иностранных исследовательских центров. Примером служат проекты гарвардского центра Беркмана¹. Проекты, реализуемые центром Беркмана, предлагают и разрабатывают различные инструменты исследования online-пространства, при этом задачи, которые ставятся, не всегда дают ответы на вопросы о том, как именно происходит формирование контента и механизмов самого online-пространства по текущей повестке дня. Для этого необходимо проводить дополнительные исследования с учетом местной специфики как публичной политики, так и online-пространства, исследования, где было бы описано, например, каким образом те вопросы, которые блогосфера Рунета считает политически значимыми, возможно внедрить в СМИ и, в особенности, на телевидение, и насколько это внедрение подвергает трансформации смысловые центры подобных вопросов в угоду чьих-либо интересов.

Наиболее актуальным в плане становления развития публичной политики в online-пространстве для России представляется развитие краудсорсинговых технологий. В этом вопросе перспективным может оказаться процесс создания постоянных площадок при различных ведомствах и особенно органах власти на уровне органов местного самоуправления для того, чтобы дать возможность людям принять участие не только в обсуждении законопроектов, но и воспользоваться «коллективным разумом» для поиска альтернативных решений растущих проблем. Для начала необходимо усилить функциональную составляющую сайтов органов местного самоуправления, поскольку состояние региональной публичной политики в online-пространстве находится на таком же зачаточном уровне, как и web-ресурсы самих органов власти, и основная часть контента этих ресурсов носит уведомительный характер и не способствует выстраиванию конструктивного диалога между властью и обществом. Для усиления роли web-ресурсов органов местного самоуправления как акторов публичной политики в online-пространстве необходимо начать технологическую трансформацию созданных ресурсов, что, в первую очередь, означает единую систему хостинга для всех органов местного самоуправления с целью предотвращения информационного неравенства в плане финансирования и, как следствие, в будущем – наличие у органов местного самоуправления равнозначных площадок для

кристаллизации публичной политики в online-пространстве. Так, например, проект сайта Полит.ру – «Госсеть» содержит сведения о 33 сайтах муниципального уровня, конечно же, это далеко не все сайты органов местного самоуправления. Для составления полного списка существует ряд препятствий:

1) отсутствие заинтересованности со стороны власти на муниципальном уровне и непонимание роли проектов, подобных «Госсети», в формировании системы мониторинга публичности государства в online-пространстве;

2) отсутствие логической системы построения сайтов органов местного самоуправления и, как следствие, недостаточная активность и заметность в online-пространстве;

3) отсутствие аналитических исследований сайтов органов местного самоуправления и недооценка их роли в формировании публичной сферы и публичной политики в России.

Все это препятствует прозрачности и открытости деятельности государства и власти. Но нельзя не отметить те шаги, которые предпринимает власть в направлении построения «открытого и прозрачного государства»²:

1) граждане начали пристально контролировать ход государственных закупок через специализированный сайт, находить нарушения и добиваться отмены конкурсов;

2) некоторые заведомо неудачные госзаказы были отменены под давлением профессионального сообщества еще до объявления тендера;

3) несколько важнейших законопроектов прошли общественное обсуждение в Интернете, набрав десятки тысяч комментариев. Планируется проводить подобное обсуждение всех значимых законопроектов;

4) многие чиновники имеют свои блоги и аккаунты в online-социальных сетях;

5) запущены федеральные и региональные порталы электронных госуслуг и названы конкретные сроки перевода всех госуслуг в электронный вид;

6) сразу несколько федеральных министерств и регионов объявили о создании инфраструктуры открытых данных;

7) избирательные участки оборудуются web-камерами;

8) созданы специальные государственные сайты для общественной работы по выработке эффективных государственных решений;

9) граждане создают десятки, если не сотни, общественно значимых проектов.

Необходимо проводить аналогии между «открытым государством» и публичной политикой, поскольку приоритеты и направления первого служат направлениями и приоритетами второй в online-пространстве, где под «открытым государством» понимаются:

1) инфраструктура открытых данных, охватывающая все ветви власти: судебную, зако-

нодательную и исполнительную, а также иные, упомянутые в Конституции государства;

2) свободный доступ к информации, открытые данные, открытый диалог между государством и гражданами, государством и бизнесом;

3) утвержденные стандарты раскрытия информации органами государственной власти;

4) нормативные документы, устанавливающие порядок раскрытия информации органами государственной власти;

5) долгосрочная государственная стратегия построения открытого государства, подготовленная с участием профессионального сообщества и широкой общественности;

6) систематизация и приведение к общей концепции ранее инициированных проектов, документов и инициатив по раскрытию информации и коммуникации с гражданами;

7) сообщество активистов-разработчиков, использующих открытые данные для своих проектов, data-журналистов, сотрудников органов власти всех уровней, представителей общественных организаций;

8) платформа для верификации содержания ряда датасетов на основе краудсорсинга.

Назовем основные направления и приоритеты «открытого государства»:

1) Freedom of Information – свобода доступа к государственной информации для граждан;

2) Open Government Data – открытые государственные данные, свободное использование государственных данных разработчиками и сотрудниками НКО;

3) Open Dialog – открытый диалог между гражданами и обществом, возможность граждан влиять на государственные структуры;

4) Open Spending – открытость государственных расходов.

Эти направления отчасти реализованы в виде разрозненных, несистематизированных проектов в online-пространстве, но необходимо отметить тот факт, что региональные тенденции по развитию «открытого государства» во многом опережают федеральные инициативы, чего нельзя сказать о тенденциях в публичной политике. Данный опыт необходимо перенимать (или даже частично заимствовать результаты) для развития публичной политики в online-пространстве. В качестве такого примера рассмотрим проект Street Journal (Моя территория)³.

Проект «Моя территория» – это открытая online-площадка, созданная с целью создания эффективного инструмента взаимодействия жителей городов с представителями органов власти, организациями и службами, ответственными за обеспечение порядка на определенной территории, в городе, в районе. Проект запущен в ноябре 2011 г., за пять месяцев работы на сайт проекта поступило 7748 вопросов-проблем, из которых 2136 уже были решены. По сути, это единственная работающая площадка, где все три субъекта

гражданского общества – граждане, органы власти и общественные организации – не только получают канал коммуникации, но и способны влиять на решение тех или иных социальных проблем. (К сожалению, подобного рода проекты являются скорее исключением из правил, они не поддержаны системными документами и общероссийскими концепциями). Необходимо, чтобы подобная практика взаимодействия граждан и государства была общепринятой нормой в масштабах всего государства и охватывала все ветви органов государственной и муниципальной власти на всех уровнях.

Инициатива в данном случае должна исходить не только от власти, но и от граждан, в особенности от той части гражданского общества, которое занимается реализацией описанных выше проектов. Необходимо развивать экосистему гражданских проектов – систему, в которой один проект, дополняет или усиливает другой проект, что позволит построить новый проект на основе существующих и объединить несколько проектов в один более крупный. Такие объединения могли бы помочь визуализации различных данных, в том числе для интернет-маппинга. Потребность граждан в публичности государства не ослабевает, а возрастает, и реализация этой потребности напрямую связана с доверием граждан к власти. Примеров проектов, которые можно было бы отнести к экосистеме, в России нет, за исключением «Моя территория».

Другим примером «открытого государства» и развития публичной политики в online-пространстве является проект «OpenCongress» в США⁴. Он объединяет в себе все официальные данные правительства США в новостях, блогах, комментариях общественности, все то, что происходит в конгрессе. Структурированные данные доступны для массового скачивания, а также через API (материалы, которые могут помочь при разработке сторонних клиентских приложений на основе данных того или иного сайта).

Помимо специальных разрабатываемых платформ, online-пространство содержит контент, анализируя который, можно сделать работу тех или иных государственных структур прозрачнее. В рамках рассмотрения вопроса публичности государственных деятелей, в частности депутатов Государственной думы, Иван Бегтин⁵ (генеральный директор «Лаборатории интеллектуального анализа данных») проанализировал их эффективность работы, не вводя новые платформы, а используя те данные, которые и так существуют в online-пространстве. Исследование было проведено в период выборов в Государственную думу 2011 года. Все данные, которые используются в исследовании, взяты с сайта Госдумы (по каждому депутату есть ссылка, указывающая на его профиль).

Индикаторы, по которым можно измерить активность того или иного депутата и которые

доступны в профиле, это выступления на сессиях Госдумы и внесение законопроектов. Анализ, который провел Иван Бегтин, включил в себя, кроме данных о кандидатах в депутаты, данные по депутатам предыдущего созыва Госдумы. Он добавил в отчет отметку о том, были ли они переизбраны 4 декабря 2011 года. В результате анализа была составлена таблица и предоставлена в свободный доступ для изучения (URL: <https://docs.google.com/spreadsheet/ccc?key=0AphaFpvgzsyhdHUtenMxcFR0cm9KdWthYW56Sngzc2c>). Таким образом, достоянием гражданского общества стали данные о том, сколько депутатов во всех фракциях не выступали вообще и не вносили законопроектов (есть такие, кто просто «отсиживали» в депутатском кресле с 2007 г., ни разу не выступив и не внося законопроектов, а также кто из эффективных/неэффективных⁶ депутатов прошёл/не прошёл в Госдуму.

Пример описанного исследования показывает, что уже сегодня существуют инструменты online-пространства, способствующие усилению прозрачности деятельности тех или иных государственных структур или отдельных государственных деятелей и возможности внести новые критерии при выборе. Усиливая эти инструменты, можно достичь нового уровня публичной политики, показывая гражданскому обществу как, не прибегая к акциям протеста, влиять на работу органов власти, опираясь на аналитические отчеты и делая работу органов власти прозрачной для всего общества. При этом подобного рода проекты можно отнести к формированию проактивной публичной политики.

Нельзя не отметить новый проект «Веб-выборы 2012», который, по сути, стал ответом на требования гражданского общества о проведении прозрачных и открытых выборов президента в 2012 г. Власти необходимо было предоставить обратный канал для того, чтобы гражданское общество могло расширить свое влияние на принятие политических решений после проведения выборов в Государственную думу 2011 г. Инициатором проекта по установке web-камер на выборах 4 марта 2012 г. выступил кандидат на должность Президента РФ Владимир Путин (находящийся в то время в должности Председателя Правительства Российской Федерации). «Я предлагаю и прошу ЦИК РФ установить web-камеры на всех избирательных участках, их у нас 90 с лишним тысяч. На всех. И пусть они работают круглосуточно – днем и ночью. Вывести всё в Интернет, чтобы страна видела, что происходит возле каждого конкретного ящика, чтобы исключить всякие фальсификации на этот счет», – сказал Владимир Путин в ходе прямой линии программы «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение»⁷. Организация видеотрансляций с избирательных участков Российской Федерации в режиме реального времени призвана обеспечить контроль за соблюдением законодательства при

проведении выборов в представительные органы власти РФ, а также выборов Президента РФ. В рамках проекта были установлены web-камеры на всех избирательных участках страны и обеспечена online-трансляция с участков в день голосования. На сайте webvybory2012.ru была опубликована программа, разработанная в Минкомсвязи России, которая включает технические требования к оборудованию, размещаемому на участках, в центрах обработки данных и web-порталов видеотрансляций⁸.

Однако сайт не задумывался как площадка, где пользователи могли бы оставлять заявки о нарушениях во время выборов, поэтому у них не было возможности сообщать о нарушениях непосредственно на сайт. Создатели сайта объяснили это тем, что случаи нарушений рассматриваются избирательными комиссиями субъектов РФ, местными прокуратурами, центральной избирательной комиссией (ЦИК)⁹. При этом пользователи ресурса не имели возможности вести записи трансляции средствами сайта. Возникает вопрос: как именно в случае обнаружения нарушения пользователи должны были это фиксировать. Для регистрации на сайте можно было воспользоваться учетными записями online-социальных сетей. По данным Минкомсвязи, в день голосования 4 марта 2012 г. было зарегистрировано 500 миллионов обращений к сайту, в час сайт посещал миллион уникальных пользователей¹⁰. За работой сайта наблюдал созданный ситуационный центр системы видеонаблюдения на избирательных участках, расположенный в центре Digital October¹¹. В центр стекалась информация о работе всех web-камер, каналов связи, центров обработки данных, задействованных в обеспечении web-трансляций с выборов. Несмотря на положительную оценку работы проекта со стороны власти и общества, необходимо отметить ряд недостатков с целью дальнейшего развития подобных проектов и их положительного влияния на развитие публичной политики.

Проект «Веб-выборы 2012» является отчасти результатом реактивной публичной политики, проводимой государством и продуцируемой гражданским обществом в online-пространстве. В связи с этим практически нельзя влиять на функциональное обеспечение этого проекта, и как результат – отсутствие возможности записи части трансляции и оформление этой записи как фиксации нарушения непосредственно на сайте. Нельзя не отметить и полное отсутствие планирования работ по взаимодействию различных общественных организаций с проектом. В частности, проект «Лиги избирателей» не отражал целенаправленного взаимодействия с «Веб-выборами 2012», оно носило опосредованный характер, несмотря на то, что развитие и создание «Лиги избирателей» шло параллельно с разработкой и созданием «Веб-выборов 2012». Хотя, в первую очередь, «Веб-выборы 2012» создавались по запросам тех людей,

которые выступали на митингах, прошедших в конце 2011 и в начале 2012 г., возникает ощущение, что многие акторы публичной политики в online-пространстве создают информационный вакуум, результатом которого становится неслаженность работы акторов и слабая эффективность публичной политики.

Публичная политика в online-пространстве – это своего рода улица с двухсторонним движением. Власть не должна ставить свои интересы выше интересов граждан, ровно как и гражданское общество обязано помнить, что любые их действия отражаются на состоянии страны в целом. К сожалению, зачастую Правительство России более эмоционально реагирует на критику извне, чем на критику гражданского общества. Это происходит и потому, что гражданское общество в России на удивление пассивно в борьбе за свои права. Для преодоления пассивности необходимо понять и изучить механизмы горизонтального объединения людей с использованием online-пространства; переходить, развивая публичную политику и трансформируя публичную сферу, к формированию в России концепции электронного правления, в основе которого лежат понятия сотрудничества, участия, координации¹². Это означает использование электронной демократии, которая позволит расширить способы и формы влияния граждан на процесс принятия политических решений. Online-пространство при этом по отношению к публичной политике должно выступать в качестве сотрудника, участника, координатора, обратной связи и элемента, продуцирующего новых акторов.

Работа выполнена по проекту «Сетевой ландшафт российской политики: проблемы развития и безопасность» (6.1134.2011), проводимого в

рамках государственного заказа Министерства образования и науки (2012).

Примечания

- ¹ Гарвардский исследовательский центр Беркмана. URL: <http://cyber.law.harvard.edu>.
- ² См.: Материалы сайта Полит.ру. URL: <http://polit.ru/article/2012/02/22/open>.
- ³ Сайт проекта Street Journal. URL: <http://www.streetjournal.org>.
- ⁴ Сайт проекта «OpenCongress». URL: <http://www.opencongress.org>.
- ⁵ См.: *Бегтин И.* Аналитика полезности депутатов 5-го созыва. URL: <http://www.goslyudi.ru/blog/ibegtin/97645>. (дата обращения : 20.12.2011).
- ⁶ Эффективные – депутаты, которые имеют выступления и вносили законопроекты, неэффективные – не имеющие выступлений и не вносившие законопроектов.
- ⁷ Гарвардский исследовательский центр Беркмана. URL: <http://cyber.law.harvard.edu> (дата обращения : 12.01.2012).
- ⁸ Материалы сайта Минкомсвязи РФ. URL: http://minsvyaz.ru/ru/news/index.php?id_4=43054.
- ⁹ Материалы сайта webvbyory2012. URL: <http://webvbyory2012.ru/#item15>.
- ¹⁰ Материалы сайта Минкомсвязи РФ. URL: http://minsvyaz.ru/ru/news/index.php?id_4=43231.
- ¹¹ Центр Digital October – это место встречи глобально мыслящих профессионалов технологического сообщества. Деятельность центра сфокусирована вокруг двух основных направлений : новые технологии и технологическое предпринимательство. URL: <http://digitaloctober.ru/about>.
- ¹² См.: *Сморгунов Л. В.* Тенденции развития современной публичной сферы // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики : сб. науч. ст. Краснодар, 2010. С. 6–18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аборвалова О. Н. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саратовского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета. E-mail: aborvalova@yandex.ru

Алексеев В. А. – аспирант кафедры социологии регионов Саратовского государственного университета. E-mail: alekvladi@yandex.ru

Барашков Г. М. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: eternity65@yandex.ru

Бормотов В. Е. – аспирант кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: victor.bormotov@yandex.ru

Быстряков О. Ю. – аспирант кафедры социологии регионов Саратовского государственного университета. E-mail: oleg.b.1212@yandex.ru

Великий П. П. – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем РАН, г. Саратов. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Вестов Ф. А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии Саратовского государственного университета. E-mail: vestovfa@mail.ru

Вилков А. А. – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: vil57@yandex.ru

Вяльшина А. А. – кандидат социологических наук, научный сотрудник лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий Института аграрных проблем РАН, г. Саратов. E-mail: anvyal@mail.ru

Давиденко Д. И. – аспирант кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: warg313@yandex.ru

Дакирова С. Т. – младший научный сотрудник Института аграрных проблем РАН, г. Саратов. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Зимин В. А. – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: natali.26.12@mail.ru

Каргаполова Е. В. – кандидат социологических наук, доцент

Астраханского инженерно-строительного института. E-mail: k474671@list.ru.

Малиц Е. М. – аспирант кафедры прикладной социологии Саратовского государственного университета. E-mail: malic-elena@yandex.ru

Метелкина Л. Н. – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры политологии и истории Иркутского государственного университета. E-mail: mln@home.isu.ru

Мосина В. В. – соискатель кафедры социологии коммуникаций и управления Саратовского государственного университета. E-mail: vitel@pochtamt.ru

Россошанский А. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: vil57@yandex.ru

Русанов В. А. – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук Саратовского государственного технического университета. E-mail: anovrus@bk.ru

Рябенко Н. А. – аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. E-mail: rrrnatali@mail.ru

Ситникова С. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Саратовского государственного университета. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Уфимцева Е. И. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы Саратовского государственного университета. E-mail: ufim75@mail.ru

Финаева А. Г. – аспирант кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета. E-mail: ag_finaeva@mail.ru

Чернышов А. Г. – доктор политических наук, профессор, руководитель Центра стратегических инициатив и прогнозов, г. Москва. E-mail: ag555@mail.ru

Шевченко Е. П. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории, истории и педагогики искусства Института искусств Саратовского государственного университета. E-mail: elenabushmina@yandex.ru

Шестов Н. И. – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: nikshestov@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aborvalova O. N. – PhD in Sociology, Associate Professor of social and humanitarian disciplines, Saratov Institute (branch) of Russian State Trade and Economic University. E-mail: aborvalova@yandex.ru

Alekseev V. A. – Graduate Student of the Chair of Sociology of regions, Saratov State University. E-mail: alekvladi@yandex.ru

Barashkov G. M. – Candidate of Political Science, Assistant Professor of the Chair of Political Sciences, Saratov State University. E-mail: eternity65@yandex.ru

Bormotov V. Y. – Graduate Student of the Chair of Politology, Saratov State University. E-mail: victor.bormotov@yandex.ru

Bystraykov O. Yu. – Graduate Student of the Chair of Sociology of regions, Saratov State University. E-mail: oieg.b.1212@yandex.ru.

Chernyshov A. G. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Center of strategic initiatives and forecasts, Moscow. E-mail: ag555@mail.ru

Dakirova S. T. – Junior Researcher, Institute of Agrarian Problems (Russian Academy of Sciences), Saratov. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Davydenko D. I. – Graduate Student of the Chair of Politology, Saratov State University. E-mail: warg313@yandex.ru

Finaeva A. G. – Postgraduate Student, Sociology, social anthropology and social work specialty, Saratov State Technical University. E-mail: ag_finaeva@mail.ru

Kargapolova K. V. – PhD in Sociology, Astrakhan engineer-building institute. E-mail: k474671@list.ru.

Malic E. M. – Postgraduate Student of Applied Sociology, Saratov State University. E-mail: malic-elena@yandex.ru

Metelkina L. N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and History, Irkutsk State University. E-mail: mln@home.isu.ru

Mosina V. V. – Postgraduate Student, Chair of the Sociology of Communication and Management, Saratov State University. E-mail: vitel@pochtamt.ru

Rossoshansky A.V. – Candidate of Political Science, Assistant Professor of the Chair of Political Sciences, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru

Rusanov V. A. – PhD in Philosophy, Associate Professor, Chair of the Humanities, Saratov State Technical University. E-mail: anovrus@bk.ru

Ryabchenko N. A. – Postgraduate Student, Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University. E-mail: rrrnatali@mail.ru

Shevchenko E. P. – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Chair of the Theory, History and Pedagogy of Art, Institute of Arts. E-mail: elenabushmina@yandex.ru

Shestov N. I. – Doctor of Political Science, Professor of the Chair of Political Sciences, Saratov State University. E-mail: nikshestov@mail.ru

Sitnikova S. V. – PhD in Sociology, Associate Professor, Chair of Applied Sociology, Saratov State University. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Ufimtseva E. I. – PhD in Sociology, Associate Professor, Chair of Sociology and Social Assistance, Saratov State University. E-mail: ufim75@mail.ru

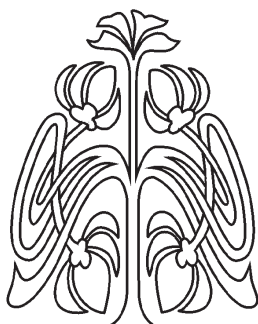
Velikiy P. P. – Doctor of Philosophical Sciences, leading researcher, Institute of Agrarian Problems (Russian Academy of Sciences), Saratov. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Vestov F. A. – PhD, Professor of Criminal Law, Penal Law and Criminology, Saratov State University. E-mail: vestovfa@mail.ru

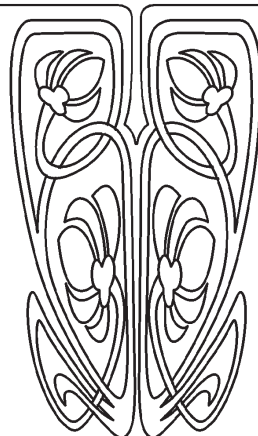
Vilkov A. A. – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Chair of Political Sciences, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru.

Vyalshina A. A. – PhD in Sociology, scientific employee of the laboratory of the social development agrarian complex and rural territory, Institute of Agrarian Problems (Russian Academy of Sciences), Saratov. E-mail: anvyal@mail.ru

Zimin V. A. – Candidate of Historical Science, Associate Professor, Candidate for Doctoral Degree of the Chair of Political Sciences, Saratov State University. E-mail: natali.26.12@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписка на I полугодие 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36016,
раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия».
Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.